

Батыс Қазақстан облыстық
тарих және археология орталығы
Западно-Казахстанский областной
центр истории и археологии

Бисембаев А.А.

**Археологические памятники
кочевников средневековья
Западного Казахстана
(VIII-XVII в.в.)**

Уральск-2003

Бисембаев А.А.

ББК 63.4

Б 65

Б 65 Бисембаев А.А.

Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII в.в.). - Уральск, 2003, - 232 с

ISBN № 9965-25-327-7

В данной монографии проведен анализ погребальных памятников средневековых кочевников Западного Казахстана, проработана типология и классификация инвентарных комплексов. На основе изучения археологических памятников с корректировкой нарративными источниками, построена схема этно-культурного развития в период VIII-XVIII в.в.

Адресована археологам, историкам, студентам ВУЗов и всем, интересующимся историей.

ББК 63.4

Рецензенты:

К.М. Байпаков - академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, директор Института археологии им. А.Х Маргулана. НАН РК.

М.Н. Сдыков - доктор исторических наук, профессор, директор "Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии"

Техническое оформление - З.М.Муканалиева

Б 0504000000

00(05)-03

ISBN 9965-25-327-7

© Бисембаев А.А.

2003

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ	11
§1. Исследования по истории средневековых кочевников в дореволюционный период	11
§2. Советский период в истории изучения кочевников средневековья	18
§3. Результаты исследований на современном этапе (1991–2000гг.)	31
ГЛАВА 2. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА, ТОПОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ	39
§1. Природно-географическая характеристика	39
§2. Топография памятников Западного Казахстана	57
§3. Результаты картографирования памятников Западного Казахстана	63
ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО ВРЕМЕНИ (VIII-XI ВВ.)	73
§1. Общая характеристика погребального обряда	73
§2. Типология вещевых комплексов первой хронологической группы	80
§3. Этнополитическая ситуация в регионе в VIII-XI вв.	91
§4. Хронологическое распределение памятников VIII-XI вв. ...	99
ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ КЫПЧАКСКОГО ПЕРИОДА	121
§1. Погребальный обряд XII-XIV вв.	121
§2. Элементы материальной культуры	130
§3. Каменные изваяния	137
§4. Хронология памятников Западного Казахстана XII-XIV вв.	143

Бисембаев А.А.

ГЛАВА 5. ПАМЯТНИКИ НОГАЙЛИНСКО-КАЗАХСКОГО ПЕРИОДА XV-XVIII ВВ.	170
<i>§1. Погребальный обряд</i>	<i>170</i>
<i>§2. Статистические показатели черт погребального обряда</i>	<i>175</i>
<i>§3. Сравнительный анализ статистических результатов</i>	<i>188</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	209
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	231

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.*

*Но лик сокрыт – опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.*

*И.А.Бунин “Без имени”
1906-1911*

ВВЕДЕНИЕ

Основным объектом настоящей работы являются археологические памятники кочевников VIII-XVIII вв., представленные в основной массе подкурганными захоронениями, широко распространенными по территории Западного Казахстана. В понятии Западный Казахстан заключается как административное состояние, вбирающее современные Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Атыраускую и Мангистаускую области, так и природно-географическое содержание данной территории, как срединной части Евразии, находящейся между Тургайским прогибом и Волго-Уральским междуречьем. Широтная протяженность этого участка составляет более 1200 км.

Масштабные полевые исследования прошлых десятилетий вместе с результатами всех работ, проводимых в более чем вековой период, позволили получить крупные серии археологических памятников, оставленных представителями кочевых народов средневековой эпохи. Широкие хронологические рамки и массовость материала, предоставляют возможности оперирования памятниками, для уточнения проблем становления погребальной обрядности и ее развития во времени до выхода на поле этнографической науки. Ритуально-культурные действия, связанные с погребением умершего, относятся к числу древнейших форм религиозных воззрений, являются проявлением социальной сущности человека, сложным сплавом культурных традиций и ценностных ориентаций. Погребальный культ включает в себя целый спектр обычаев, выработанных в течение длительного времени: жертвоприношение, траур, тризна, поминальные мероприятия и многое другое. В историко-культурном срезе он представляет собой значительный объем информации, для восстановления событий прошлого и построения разноплановых реконструкций.

На данный момент существуют обобщающие работы по погребальным памятникам средневековой эпохи, объединяющие материалы, сконцентрированные в различных регионах - Причерноморье, Заволжье, Южный Урал, Алтай, Южная Сибирь и др. Однако сохраняются районы степной полосы Евразии, археологический материал которых недостаточно полно введен в

научный оборот, публиковался и подвергался интерпретации эпизодически. Данная ситуация затрудняет создание общей историко-культурной картины. К числу таких слабо изученных регионов относится Западный Казахстан. Накопление материалов шло достаточно медленно, в связи с эпизодичностью полевых исследований, которые приобрели регулярный характер только со второй половины 60-х годов XX в. Работы в этом направлении велись силами различных научных экспедиций, включая организованные в учебных заведениях и областных музеях. Серьезным препятствием в накоплении информации являются крупные трудозатраты на исследование памятников, а также ряд условий, влияющих на сохранность, к числу которых можно отнести освоение целинных земель. В результате этого процесса значительное количество памятников погибло или подверглось нивелировке до такой степени, что на данный момент не поддается определению. Кроме того, практиковавшееся до нового времени ограбление курганов также нанесло существенный урон источниковой базе.

Общим результатом археологических исследований крупных могильников стала серия из 220 погребений средневековья и нового времени и коллекция изваяний, представленных в музеях.

Важность и актуальность проблемы генезиса погребального обряда обусловлена, в первую очередь, слабой исследованностью памятников региона. Отдельные памятники привлекались исследователями для создания круга аналогий или обобщающих работ по другим регионам, в качестве дополнительного материала. Изучение полученных в результате раскопок и зафиксированных в научной документации памятников имеет важное значение для понимания развития погребальной обрядности, поиска истоков ее современных форм у казахского народа. В этой связи разработка данной темы перспективна в условиях формирования идеологической основы молодого суверенного государства, как Республики Казахстан.

Академик М.К. Козыбаев подчеркнул важность и необходимость регионального изучения: "Западный регион Казахстана, его народонаселение и географический ландшафт представляют

для историка-исследователя интереснейший объект для научных изысканий, позволяющий ярко и событийно насыщенно проследить основные этапы этногенеза казахов, истории их взаимоотношений с народами восточной оконечности Европы..." [Козыбаев, 1991. С.230].

Археологические памятники Западного Казахстана рассматриваются в целом как общеисторическая традиция на основе изучения изменений в чертах погребального обряда, связанных с крупными историческими событиями. Происходившие события не могли не оставить отпечатка на таком культурном проявлении, как погребальный обряд. Именно индикации изменений в археологических памятниках позволяют говорить о событиях с коррективой на распространение в пространстве и времени.

Предлагаемая работа является одним из итогов деятельности экспедиций, работавших в разное время на территории Западного Казахстана, результаты полевых исследований которых представлены в научных отчетах, хранящихся в архиве Института археологии им. А.Х. Маргулана. В анализируемый круг памятников вошли и исследования автора.

Отсутствие обобщающих фундаментальных трудов по средневековой эпохе Западного Казахстана поставило перед автором многоплановые задачи:

- учет, систематизация и картографирование памятников средневековья;
- классификация элементов материальной культуры, присутствующих в погребениях в качестве сопровождающего инвентаря;
- определение хронологической и культурной принадлежности исследуемых памятников;
- выявление закономерностей исторического развития региона в период VIII-XVIII вв.;
- соотнесение памятников Западного Казахстана с синхронными соседних территорий.

В работе рассмотрены общие направления, сложившиеся в исторической науке, характеризующие кочевниковедение за двухсотлетний период. С учетом формирования исторических

школ и определенной идеологической направленности отдельно рассмотрены работы дореволюционных историков и археологов, работы советского периода и исследования на современном этапе с момента обретения независимости Республикой Казахстан.

Предпринята попытка анализа природно-географических данных Западного Казахстана как специфической экологической ниши, оказывавшей своими условиями значительное влияние на расселение людей, и как следствие этого на локализацию и степень компактности размещения памятников.

Анализируемые памятники образуют три больших хронологических и этнокультурных блока: памятники огузо-печенежского времени с периодом бытования от VIII до XI вв.; памятники кыпчакского периода - XII - XIV вв. и памятники XV-XVIII вв., отражающие период окончательного сложения казахского народа. В целом, они образуют единую цепь последовательных этапов в процессе этнообразования.

Археологические материалы рассматривались по двум основным проявлениям - наиболее ярким чертам в погребальном обряде и по категориям вещевого инвентаря. Исследовательский метод, применяемый в работе, носит многоаспектный характер. Наиболее простая методика поиска аналогий применена при подборе данных по категориям сопровождающего инвентаря. Далее, при анализе историко-культурной ситуации применялся сравнительно-исторический метод. При исследовании памятников третьего хронологического блока, наиболее сложно определяемых в этнокультурном плане, применена перспективная методика математического анализа обработки статистических показателей в чертах погребального обряда.

Автор выражает глубокую признательность своему учителю Сергею Юрьевичу Гуцалову, а также преподавателям и студентам Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова и Западно-Казахстанского государственного университета им.Махамбета Утемисова за помощь в многолетней работе. Данное издание стало возможным благодаря запланированной серии книг «Западно-Казахстанского областного областного центра истории и археологии».

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

§1. Исследования по истории средневековых кочевников в дореволюционный период.

Интерес к кочевым народам, населявшим степной пояс Евразии, возник достаточно давно. Предпосылками этого интереса являлись оставленные в значительном количестве, во многом субъективные и противоречивые письменные свидетельства представителей, контактировавших с кочевниками оседло-земледельческих народов. В большинстве случаев оценка происходивших событий, связанных со средневековым населением степи, была негативной.

Научное исследование истории средневековых кочевников начинается в Российской империи с XVIII в. с работ В.Н. Татищева. Он первым в российской историографии сделал попытку на основе данных русских летописей по названиям племен выявить основные районы их локализации, взаимоотношения с русскими княжествами, пути кочевания и внутренние устройства [Татищев, 1962. С. 271-274]. Но в этом случае необходимо отметить, что по объективным причинам не привлекались данные восточных авторов, а также не существовало археологических материалов, что, естественно, привело к созданию неполной картины. Долгое время подобная ситуация сохранялась, мало того, в первой половине XIX в. в трудах российских историков кочевники фигурировали как народы без исторической перспективы, рассматривавшиеся исключительно с позиций политических взаимоотношений с Киевской Русью [Куник, 1855. С.714; Карамзин, 1988. С.66-67; Устрялов, 1837. С.143-144; Погодин, 1872]. Во многих работах ведущих исследователей того времени, таких как Н.Г. Устрялов, Н.М. Карамзин, А.А. Куник, М.П. Погодин и др. прослеживаются подобные тенденции. Хотя Н.М. Карамзин не исключал возможности этнической преемственности между средневековыми кыпчаками (половцами) и казахами (киргизами в XIX в.) [Карамзин, 1988, С.67].

А.А. Куник в работе "О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам" высказал гипотезу о европеидности кыпчаков на основе лингвистического разбора этнонима "половцы".

Как считал этот исследователь, данное слово имеет свое происхождение от русского "полова" - "солома", и соответственно, может означать цвет волос [Куник, 1855. С.714]. Эта гипотеза получила позже свое развитие и приобрела много сторонников.

Постепенно ко второй половине XIX в. разрозненные гипотезы и взгляды оформились в общеисторическую концепцию русской государственной школы, в рамках которой возникли два направления по вопросам о взаимоотношениях русских княжеств с кочевыми объединениями [Мавродина, 1983. С.15]. Эти два направления были не диаметрально противоположными, а скорее сосуществовали параллельно. Первое направление наиболее наглядно отражено в трудах весьма плодотворного российского историка С. М. Соловьева, считавшего географический фактор одним из важнейших в историческом процессе. А одним из основных внешнеполитических факторов он рассматривал борьбу с нашествиями кочевников. Все эти идеи, в целом, были оформлены в концепцию борьбы "леса со степью", и именно географическая особенность заключала в себе успешный исход этой борьбы для Руси: "... Верное спасение оседлому человеку от кочевника - это лес дремучий с его влагой, его болотами. Крепкий и выдержливый вообще кочевник, как ребенок, боится влаги, сырости и страдает от них: поэтому он не пойдет далеко в лесную сторону, скоро вернется назад" [Соловьев, 1988. С.29]. Роль кочевников в истории при этом в целом отрицательная. Далее, эту точку зрения поддерживал и развил В.О. Ключевский, видевший в степи постоянную угрозу для Киевского государства: "Внешние отношения Киевской Руси прибавляли к указанным условиям еще новое, наиболее губительно действовавшее на ее общественный порядок и благосостояние. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы, за которым про-

стиралась безбрежное море степей, служивших преддверием Азии. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичом для Древней Руси" [Ключевский, 1987. С.282].

Второе направление представлено Н.И. Костомаровым, в основе исторической концепции которого кочевникам отводилась весьма значительная роль в борьбе двух начал - удельно-вечевого, федеративного и монархического, влиявших на образование Русского государства. Народы степи, по Н.И. Костомарову, оказывались естественным путем вовлеченными в этот процесс [Костомаров, 1903. С.31-65].

Эти направления главным образом касались официальной исторической школы и существовавшей идеологии. Кроме них отдельно начинает формироваться новый пласт материалов по истории и культуре кочевых народов. Он связан, в первую очередь, с тем, что с момента присоединения Казахстана попал в сферу колониальных интересов Российской империи, и соответственно, для получения данных о новых территориях отправлялись экспедиции, собиравшие самый разносторонний материал. В опубликованные результаты таких исследований зачастую попадали и сведения о археологических памятниках. Хотя, в основном, эти работы П.С. Палласа, П.И. Рычкова, И.Г. Георги, И.П. Фалька и др. носили больше этнографический характер.

Выдающимся исследователем истории и культуры степных народов середины XIX в. был Ч.Ч. Валиханов. Область исследований и сферы его интересов огромны. Он писал о погребальном обряде, о пережитках шаманства, о родословной казахов. Одновременно выступал против поощрения мусульманства в степи, что было весьма прогрессивно и в то же время опасно в период активной колонизации [Валиханов, 1984; Валиханов, 1985; Валиханов, 1985а; Валиханов, 1985б; Валиханов, 1985в]. Его собрание сочинений содержит значительное количество материалов, способствующих созданию историко-культурных реконструкций.

Наряду с работами Ч.Ч. Валиханова значительное место занимает капитальный труд А.И. Левшина "Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей", вышедшей в

Санкт-Петербурге в 1832 г. и переизданный в 1996 г. [Левшин, 1996]. И хотя вышеуказанные работы не охватывают археологические материалы, они содержат информацию, необходимую для прояснения многих вопросов, касающихся культуры кочевых народов.

Результаты многих исследований с середины и второй половины XIX в. были подытожены П.В. Голубовским в работе "Печенеги, торки, половцы до нашествия татар", вышедшей в Киеве в 1884 г. В данной книге на основе анализа письменных данных не только русских летописей, но и европейских и византийских хроник, а также известий мусульманских авторов П.В. Голубовским получены выводы, сыгравшие в дальнейшем заметную роль и повлиявшие позднее на взгляды многих историков и археологов: "Кумане - кипчаки - половцы есть один и тот же народ", 2) "узы представляют из себя торков наших летописей", 3) "европейские писатели знают в Европе три отдельных племени: печенегов, торков-узов и половцев" [Голубовский, 1884. С.49]. Кроме политической истории, автор затронул целый круг проблем - идеологических, социально-экономических, общественных, культурных и др. Данная работа по образному выражению видного казахстанского исследователя С.М. Ахинжанова "являлась как бы венцом научного исследования половцев в России до конца XIX в. Она отражала все недостатки и достоинства русской историографической мысли в этой области" [Ахинжанов, 1988. С.66].

Особо останавливаться на рассмотрении всех дореволюционных работ, касающихся в той или иной степени политической истории средневековых кочевников нет смысла, так как достаточно полно историография этого периода представлена в книге Р.М. Мавродиной "Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы)", вышедшей в 1983 г. [Мавродина, 1983].

Отдельное направление в изучении истории средневековых кочевников представляет литература, связанная с материальной культурой, а именно, с археологическими данными. К числу наиболее ранних исследований этого направления можно отнести статьи С.Х. Бабаджанова, посвященные поиску и описанию каменных изваяний, сосредоточенных в между-

чьё Волги и Урала [Бабаджанов, 1864].

Конец XIX-начало XX вв. стали временем активного археологического исследования степной полосы, характеризующимся повышенным интересом к памятникам истории. За короткое время в дополнении к Академии Наук создаются такие организации, как Московское Археологическое общество, Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество в Петербурге, Общество Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском Университете и многие другие. Необходимо заметить, что увлечение историей и археологией не стало исключительно "столичной" модой. Подобные организации, как Оренбургская ученая архивная комиссия или Туркестанский кружок любителей археологии создавались и на периферии, что позволяло получать и публиковать в ежегодных отчетах материалы из различных регионов.

Массовые археологические раскопки повлекли за собой публикации отдельных курганов или материалов целых могильников, связанных с историей средневековых кочевников. К сожалению, в подобных исследованиях срабатывал принцип "избирательности", когда для опубликования использовались наиболее яркие комплексы, остальные зачастую пропускались. При раскопках также упор делался на массовость. Ярким примером подобного подхода может служить деятельность графа А.С. Уварова.

Но так или иначе постепенно оформляется круг проблем по истории кочевников средневековья и главным вопросом, занимавшим умы археологов, стал вопрос о принадлежности различных типов погребений племенным группам, известным по летописным данным. Большое количество кочевнических комплексов было получено в результате работ Н.Е. Бранденбурга, Д.Я. Самоквасова, В.А. Городцова, Д.И. Эварницкого в южнорусской полосе. Эти материалы получили самую различную интерпретацию. Авторами высказывались мнения об их славянской принадлежности [Самоквасов, 1879. С.347], или же кочевнической. Особую роль в системе аргументации различных сторон играли поросские однотипные в целом комплексы, которые большинство исследователей относило к пече-

негам или торкам, [Бранденбург, 1895. С.1-13; Спицын, 1905. С.151-153]. Основанием для этого суждения стали сведения об обитании в районе Поросья союза кочевников - Черных Клобуков, включавшего в себя печенегов, торков и берендеев. Эта точка зрения на долгие годы стало доминирующей и подобные захоронения с западной ориентировкой покойного, содержащей часть скелета лошади, стали определяться как печенежско-торческие.

Разнотипные захоронения, раскопанные в бассейне Северного Донца подтолкнули автора раскопок В.А.Городцова к мысли о возможности построения их в хронологическую цепь. По его мнению, захоронение полного остова коня и его частей является последовательными этапами в смене погребального обряда. Дополнительно им были высказаны идеи о принадлежности половцам погребений с восточной ориентировкой и камнями в насыпи, и монголо-татары - погребений с подбоями [Городцов, 1907].

Самую разнообразную интерпретацию захоронениям давал А.А. Спицын. Рассматривая раскопанные в 1852 г. графом А.С. Уваровым кочевнический курган недалеко от Суздали с весьма богатым инвентарем, он сконцентрировал поиск аналогий на территории Северного Кавказа. И таким образом, захоронение кочевника XII-XIII вв. в кольчуге, со скелетом лошади, уложенным рядом, определил как бродническое (касожское) оставленное после Липецкой битвы 1216 г. [Спицын, 1905. С.83].

Все авторы ограничивались довольно узким кругом аналогий, не рассматривая материал в целом. Одной из причин этого подхода являлось то обстоятельство, что кочевнические захоронения из других районов степи раскапывались и публиковались эпизодически. Начиная с 1884 по 1888 г.г. на побережье реки Урал в современном Соль-Илецком районе Оренбургской области в нескольких могильниках Ф. Д. Нефедовым были раскопаны 13 курганов кочевников XII-XIV вв. [Нефедов, 1899. С.21-27]. К сожалению, документация по раскопанным курганам сокращена до предела, а вместо чертежей использованы фотографии вещей, что значительно снизило их информативность.

При обращении к материалам дореволюционных исследований в Западном Казахстане нельзя обойти вниманием деятельность членов Оренбургской ученой архивной комиссии, и в первую очередь, И.А. Кастанье. Архивная комиссия в течение ряда лет выпускала статьи своих членов в виде специальных трудов. Длительное время И.А. Кастанье работал в Актюбинском уезде, в окрестностях города, а также в Уральском уезде, недалеко от села Покровки. По результатам археологических работ им были опубликованы отчеты в Трудах комиссии. Несмотря на то, что к началу XX в. уже была разработана методика археологических раскопок, данные предоставленные И.А. Кастанье, не отличаются соблюдением методики. Чертежи вещей и захоронений выполнены схематично, описания даны весьма вольно. В кургане № 6 могильника Жаман Кургала I им было исследовано три погребения XIII-XIV вв. с весьма своеобразным погребальным обрядом - скелеты, лежащие головой на запад были обернуты в бересту, а каждая из ям ограждена кольшками [Кастанье, 1907. С.102-116; Кастанье, 1913. С.73-83]. В 1910 г. в Оренбурге вышел главный труд И.А. Кастанье "Древности Киргизской степи и Оренбургской края". Данная работа содержит в себе обширные сведения о памятниках Казахстана, включая богатейшие этнографические материалы [Кастанье, 1910]. Автора в значительной мере интересовали погребальные обычаи различных кочевых народов. По особенностям погребального обряда у ламаитов вообще и калмыков в частности, им была выпущена отдельная статья [Кастанье, 1905. С.178-187]. В 1911 г. И.А. Кастанье выпустил специальную работу, посвященную погребальному обряду казахов, отдельно рассмотрев обряд захоронений, связанный с исламом и погребальные черты домусульманского периода [Кастанье, 1911]. Кроме него, активно занимались изучением археологических памятников, включая средневековые захоронения А.Л. Аниховский, А.В. Попов, М.Л. Юдин и др. [Аниховский, 1905; Попов, 1897; Юдин, 1898].

Среди зарубежных работ дореволюционного периода наиболее ярко выделяется книга немецкого востоковеда И. Маркварта "О народности команов", вышедшая в Берлине в 1914 г.

Работа посвящена западной части кыпчаков, известной в Европе, и содержит разработки идей относительно происхождения кыпчаков, которые в дальнейшем неоднократно подвергались критике. Подробно направления полемики отражены в работе С.М. Ахинжанова [Ахинжанов, 1988, 68-70]. В дореволюционный и советский период очень активно работал с арабо-персидскими нарративными источниками известнейший востоковед В.В. Бартольд. Огромное количество переработанных им материалов находится в научном обороте и сейчас. Ему удалось практически без привлечения археологических данных восстановить ход политических событий, происходивших в Центральной Азии в период средневековья, [Бартольд, 1963; Бартольд, 1968; Бартольд, 1968а].

Таким образом, по мнению С.М. Ахинжанова, в дореволюционный период в российской исторической науке еще не было сделано попыток создания обобщающего труда о кочевых народах [Ахинжанов, 1988, С.68]. Но по отдельным вопросам, а именно, по хронологическому определению кочевнических древностей и их соотношению с конкретными этногруппами, населявшими степную полосу Восточной Европы, были сделаны выводы, во многом определившие уже в советское время развитие взглядов и выработку гипотез.

§2. Советский период в истории изучения кочевников средневековья.

После революции 1917 г. вновь активные исследования по истории и материальной культуре кочевых народов начинаются со второй половины 20-х гг. Возобновляются археологические экспедиции, работающие в различных регионах. Особенно массовые работы проводятся в периферийных ранее районах - в Поволжье, на Южном Урале, в Западном Казахстане. В течение полевого сезона 1927 г. в Оренбургском уезде О.А. Кривцова-Гракова исследовала несколько средневековых захоронений на правом берегу реки Урал, материалы которых были опубликованы уже в следующем году [Кривцова-Гракова, 1928. С.289-300].

В 1925 - 1927 гг. П.С. Рыков занимался исследованием памятников на территории современной Западно-Казахстанской области в бассейнах Большого и Малого Узеней и реки Чижа. Полученные им материалы из средневековых захоронений были использованы позднее в обобщающих работах [Иванов, Кригер, 1988]. Одновременно по левому берегу реки Терекла на границе Актюбинской и Оренбургской областей работала комплексная экспедиция Академии наук СССР под руководством М.П. Грязнова и М.В. Комаровой, организованная Особой комиссией по обследованию союзных и автономных республик [Кушаев, 1993. С.11].

В 1928 г. по левобережью реки Урал были проведены археологические разведки и раскопки в районе проектируемых гидроэлектростанций. Б.Н. Граковым в современном Каргалинском районе Актюбинской области были открыты целые могильники средневековых кочевников Худай Берген III и IV и в каждом раскопано по шесть курганов [Граков, 1935. С.96-100]. Все имеющиеся до революции данные по археологическим памятникам и материалы раскопок, полученные до 1930 года, позволили Б.Н. Гракову сделать обзор имеющихся проблем в области археологического изучения Казахстана и наметить основные задачи и пути решения. Им была определена как первоочередная задача необходимость картографирования памятников и их планомерное комплексное исследование [Граков, 1930. С.59-76].

Следует заметить, что историческая наука в СССР пережила период своего становления, и самое важное, испытывала на себе идеологический прессинг, так как главной задачей для нее ставилось объяснение с позиций установленного общественного строя его закономерного происхождения. Одним из первых рассматривал кочевые общества с позиций взаимоотношения классов М.Н. Покровский, положивший начало именно такому подходу в исторической науке [Покровский, 1933].

В 1934 г. в Ленинграде вышла книга еще одного историка, представлявшего старую русскую дореволюционную школу и в то же время работавшего в новых условиях - Б.Я. Влади-

мирцова. Эта работа была посвящена особенностям феодальной системы такого яркого кочевого объединения, как монголы. Автор на основе сообщений Рашид ад-Дина выделил систему патриархально-кочевой зависимости, как институт "унаган-богол" [Владимирцов, 1934, С.68-69], который представлял собой необходимость несения повинностей и кочевания по маршрутам всем зависимым от рода-сюзерена родам. И далее подобная система зависимости распространялась на все покоренное монголами население, включая и племенные группировки кочевников, проживавших в степях Восточной Европы.

К таким же выводам о наличии вассальной зависимости кочевников пришел и С.П. Толстов в статье "Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах" [Толстов, 1934, С.188]. Этот исследователь, возглавивший позднее Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию, не раз в своих работах обращался к кочевнической тематике. Правда, в большинстве своем его интересы касались той части кочевников, которая вступала в близкие контакты с оседло-земледельческим населением Средней Азии. Он же предположил на основе лингвистического разбора искать генетические корни печенегов среди водных саков и массагетов [Толстов, 1950, С.51-52; Толстов, 1947; Толстов, 1948].

Академик В.А. Гордлевский в своей книге "Государство Сельджукидов Малой Азии", вышедшей в 1941 г. затронул огромное количество проблем, связанных с историей кочевых народов. Он собрал разнообразные письменные свидетельства, посвященные огузам до и после Сельджукидского движения, включая генеалогические предания, рассмотрел вопросы общественно-политического устройства, экономики и религии [Гордлевский, 1941].

Историей государства хазар долгое время занимался М.И. Артамонов. В 1936 г. вышла его первая работа, написанная практически на анализе письменных данных - "Очерки древнейшей истории хазар", где рассматривал в основном хазар в период взаимоотношений с тюркскими каганатами [Артамонов, 1937]. Через более чем тридцатилетний перерыв он вер-

нулся к этой тематике, выпустив обстоятельнейший труд "История хазар", в котором рассмотрел историю хазар, от создания государства до его падения. В этой книге он попытался дать анализ политических взаимоотношений между такими государствами, как Хорезм, Киевская Русь, Хазарский каганат и кочевыми объединениями огузов, печенегов и мадьяр - протовенгров [Артамонов, 1962. С.352-419].

В послевоенные годы начинается новый период советской исторической науки, ознаменовавшийся активными исследованиями в области кочевниковедения. Начинают регулярно работать археологические экспедиции Академии наук и высших учебных заведений. Именно в предвоенные и военные годы прошло научное становление выдающегося историка, археолога и этнографа Казахстана А.Х. Маргулана. Широта его научных интересов поистине необъятна. В 1943 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Историческое значение ярлыков и пайцзе", а уже в 1945 г. - докторскую на тему "Эпические сказания казахского народа". Начиная с 1946 г. по сегодняшний день работает Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, организованная А.Х. Маргуланом. Его интересовали самые разные хронологические периоды в истории Казахстана - от неолита до позднего средневековья и нового времени. Обобщающие работы по эпохе бронзы - "Древняя культура Центрального Казахстана" и "Бегазы-Дандыбаевская культура" получили высокую оценку в среде ученых и до сих пор не потеряли своей актуальности. А.Х. Маргулан являлся ученым с энциклопедическими знаниями во многих отраслях, его работы не ограничиваются только археологией, они затрагивают фольклор, прикладное искусство, генеалогии и музыкальное наследие казахов. Многие его взгляды повлияли на становление казахстанской археологии, а научное наследие активно осваивается в Институте археологии [Манапова, 1997. С.80-82].

В этот же период начинается новая волна археологических исследований, касающихся памятников средневековых кочевников. Исследователи делают попытки более точно интерпретировать имеющиеся материалы, выделить из общей массы

этнически близкие, на основе погребальных черт в погребальном обряде или наличии специфической категории инвентаря. Подобная попытка была сделана Н.Д. Мец., которая выделила огузские погребения на основе наличия в могилах с частями коня односоставных удил [Мец, 1948]. И хотя эта гипотеза неоднократно позднее критиковалась и С.А. Плетневой и Г.А. Федоровым-Давыдовым, известными кочевниковедами, тем не менее она дала толчок исследованиям в этом направлении, и кроме того, сама по себе достаточно оригинальна.

В течение трех полевых сезонов 1948-1950 гг. в междуречье Урала и Волги активно проводила разведку и исследование археологических памятников экспедиция Саратовского государственного университета под руководством профессора И.В. Сеницына. Основным районом изучения стал бассейн рек Большого и Малого Узеней. Исследованы средневековые захоронения в таких могильниках, как Джангала, Курпе Бай, Сары Айдин, Кара Оба. Средневековые памятники, по мнению И.В. Сеницына, представлены весьма широким хронологическим диапазоном - от VIII до XIV вв. В урочище Бек-Бике, недалеко от села Джангала, было обнаружено яркое захоронение воина в пластинчатом панцире с костями коня и полным вооружением. Результаты археологических исследований И.В. Сеницына нашли подробное отражение в научных публикациях материалов с определением даты и этнокультурной принадлежности [Сеницын, 1950. С.101-112; Сеницын, 1956. С.87-139].

В 1953 г. в этом же районе работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, под руководством Т.Н. Сениговой. Исследованные захоронения, среди которых были и позднесредневековые - XI - XIV вв. были позднее опубликованы в подробном отчете [Сенигова, 1956. С.140-156].

При изучении проблем средневековых кочевников особое внимание привлекают работы С.А. Плетневой. В 1958 г. выходит ее книга "Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях" в серии "Материалы и исследования по археологии", которая на долгое время станет определяющей в своей области.

В данную работу включено большое количество памятников, как из дореволюционных исследований, так и самих раскопок автора. С.А. Плетневой была поставлена задача - создание на основе данных письменных источников вкупе с археологическими материалами максимальной картины исторических событий IX-XIII вв. Особое значение уделяется взаимоотношениям кочевников и Киевской Руси, так как основной упор при анализе письменных источников делается на русские летописи. Автором выделены печенежские захоронения по следующим признакам: западная ориентировка скелетов и захоронение частей коня. Дополнительную информацию поставляют отдельные категории инвентаря более ранних типов. Кроме того, в работе затронут целый ряд важных вопросов - общественный строй кочевников, вооружение и военное дело, быт, религия, культура, дана подробная классификация древностей, с их этнокультурной интерпретацией, высказаны соображения о породах скота, наличии ремесла и земледелия. Политическая история половцев в южнорусских степях разделена на пять периодов с учетом времени усиления и ослабления: I) с середины IX до конца XI вв. - время подъема двух объединений - Западного и Восточного, во главе с ханами Боняком, Тугорканом и Шаруканом; II) конец XI - 30-е гг. XII - разгром обоих объединений Владимиром Мономахом; III) 30-е -70-е гг. XII в. - участие половцев в междоусобных войнах на Руси; IV) 70-е-90-е гг. XIII в. - время расцвета Восточного объединения во главе с ханом Кончаком; V) с конца XII до битвы на Калке в 1223 г. - период упадка Восточного объединения. Эта работа оказала значительное влияние на многие последующие исследования. Далее, С.А. Плетнева в течение двух десятилетий выпустила еще несколько фундаментальных работ по истории кочевников, затрагивая такие аспекты, как керамика, каменные изваяния, особенности хозяйственно-экономического порядка и т.д. [Плетнева, 1958; Плетнева, 1963; Плетнева, 1967; Плетнева, 1974]. Отдельная работа, вышедшая в серии "Свод археологических источников", посвящена союзу Черных Клобуков [Плетнева, 1973].

Академик А.Х. Маргулан в 1959 г. в 7 томе регулярных "Тру-

дов", выпускавшихся Академией наук Казахской ССР, опубликовал неординарное кочевническое захоронение из могильника Жартас, расположенного в долине реки Нура. Данное погребение датируется XIV в. по наличию монет и, по мнению А.Х. Маргулана, отражает переход к новым феодальным отношениям, с новой идеологией - исламом [Маргулан, 1959. С.248-261].

Исследование археологических памятников позднесредневековых кочевников Алтая и Южной Сибири привело к выделению А.А. Гавриловой погребений так называемого "часовенногорского типа". В ее обобщающей работе дана наиболее подробная сводка и хронология памятников, указанного региона [Гаврилова, 1965, С.44-78]. В 1965 г. А.Г. Максимовой были опубликованы материалы богатого захоронения воина, продатированные XIV в. Данное захоронение происходит с территории Жамбылской области. В этом комплексе обнаружены чагатаидские монеты, что делает погребение особенно информативным, и позволяет использовать в качестве хронологического репера [Максимова, 1965. С.85-91].

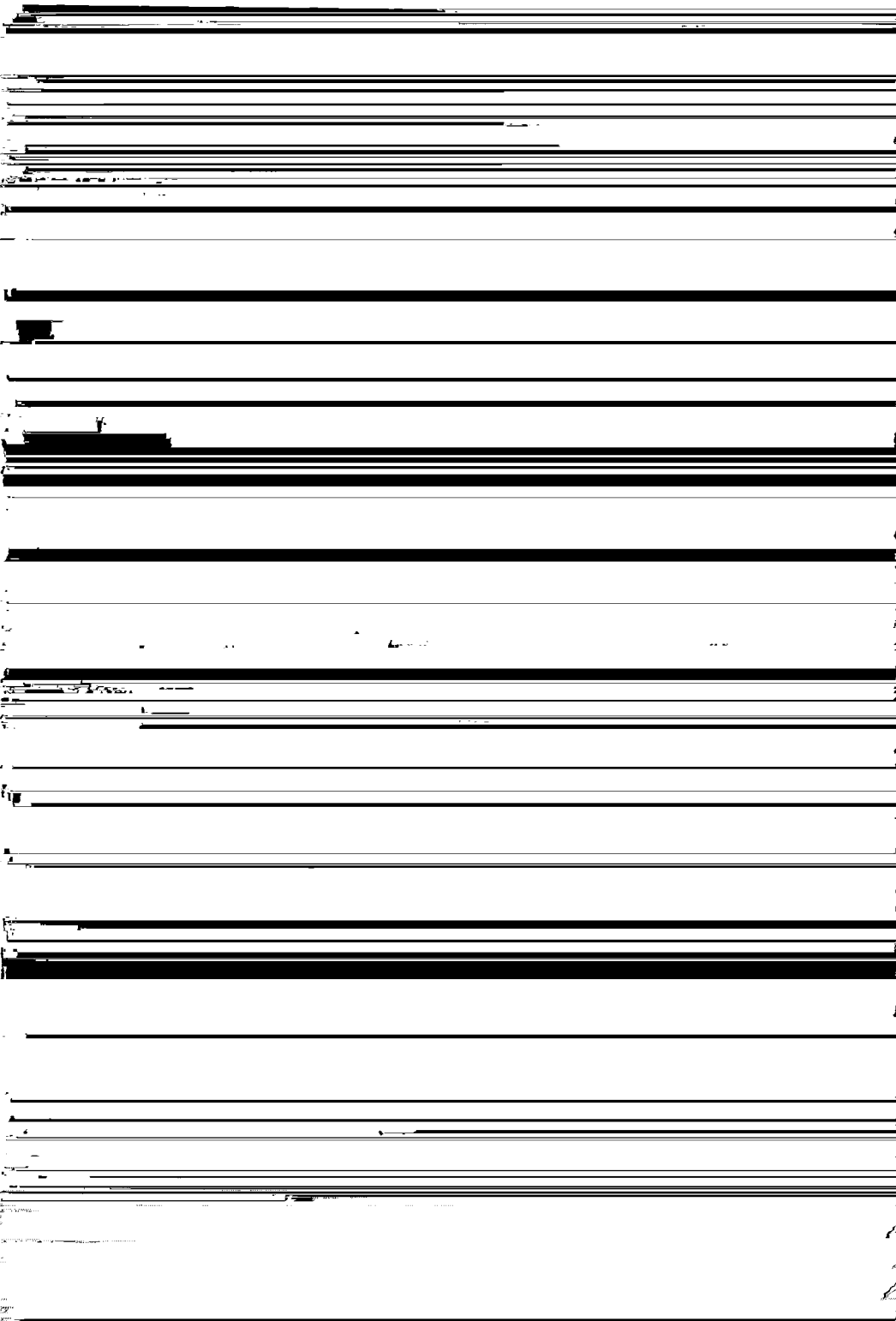
Г.А. Федоров-Давыдов в своей работе "Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов" проанализировал около тысячи средневековых комплексов, не только с территории южнорусской полосы, но и Заволжья и Приуралья. Памятники сравнивались по регионам, для выделения локальных различий. Но самое главное, Г.А. Федоровым-Давыдовым была разработана подробнейшая типология вещевых комплексов и применена перспективная методика анализа взаимовстречаемости различных типов вещей. В результате им была получена хронологическая шкала древности средневековых кочевников, а выделенные хронологические группы практически совпали с разработками, сделанными ранее С.А. Плетневой [Федоров-Давыдов, 1966]. Совместно с А.П. Смирновым данным исследователем были намечены основные задачи археологического изучения памятников Золотой Орды [Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959]. Общественному строю средневекового государства Золотая Орда и нумизматическим коллекциям этого периода посвящены отдельные его работы [Фе-

доров-Давыдов, 1973; Федоров-Давыдов, 1974].

Значительный объем материалов с территории Павлодарского Прииртышья таких могильников, как Трофимовский, Качирский, Бобровский, Покровский и других, был введен в научный оборот Ф.Х. Арслановой. Все погребения автором разделены на две хронологические группы - VII-IX вв. и X-XIII вв., проанализированы черты погребального обряда и вещевой инвентарь [Арсланова, 1968. С.98-111]. Ф.Х. Арсланова в дальнейшем неоднократно возвращалась к средневековой тематике, концентрируя свои взгляды на районе Восточного Казахстана [Арсланова, 1969; Арсланова, 1970. С. 54-59].

Еще одно захоронение золотоордынского периода из могильника Тасмола IV, содержащее монеты ханов Токтогу и Узбека, было исследовано и опубликовано М.К. Кадырбаевым и Р.З. Бурнашевой [Кадырбаев, 1970. С.42-51]. Несколько средневековых захоронений различного хронологического диапазона от VIII до XVI вв. было исследовано в урочищах Кадырбай, Каракудук и Кзыл Кайнар А.Г. Максимовой [Максимова, 1968. С.146-158].

Особую группу памятников средневековых кочевников составляют каменные изваяния. Вопросами их типологизации, хронологии, семантики и культурной принадлежности в разное время занимались С.А. Плетнева, Г.А. Федоров-Давыдов, Я.А. Шер, А.А. Чариков и др. Я.А. Шер проанализировал казахстанские материалы, основную массу которых составляют происходящие из Семиречья, разделил на два типа, рассмотрел особенности стилей и возможность принадлежности к различным обрядам [Шер, 1966. С.65-73]. А.А. Чариков средневековые каменные изваяния Прииртышья разделил на три типа, различающиеся по его мнению не только в стиле исполнения, но и во времени [Чариков, 1980. С.130-140]. Им же были высказаны идеи в пользу гипотезы об эволюции средневековых стеловидных статуй в надгробные сооружения мусульманского периода [Чариков А.А., 1987. С.84-94]. Серия изваяний, расположенных на кыпчакских святилищах и имеющихся в запасниках музея Центрального и Восточного Казахстана, изучены и введены в научный оборот Л.Н. Ермоленко [Ермолен-

В 1972 г. вышла книга Б.Е. Кумекова "Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам", основанная в первую очередь на средневековых нарративных источниках. Автором были предложены реконструированные картины социально-экономического строя кимаков, расселения племен кимакской конфедерации, куда на начальных этапах входили кыпчакские племена, политическая история государства [Кумеков, 1972].

Археологические памятники Южной Сибири периода средневековья, отражающие различные стороны политической и этнической истории того времени, начиная с конца 50-х гг. по настоящее время исследуются и публикуются Л.Р. Кызласовым и И.Л. Кызласовым. В исследованиях детально проработаны черты погребального обряда и типы вещей, характерные для средневековых объединений Южной Сибири, отслежены пути развития культур, предложена хронология и периодизация [Кызласов, 1969; Кызласов, 1984; Кызласов, 1978; Кызласов, 1983].

В 70-х гг. активно занимался кыпчакской проблематикой выдающийся медиевист С.М. Ахинжанов. Его интересовали самые различные стороны истории кыпчакских племен. Основным материалом в его исследованиях составляли сообщения средневековых арабо-персоязычных географов и историков. Ему удалось на основе сопоставления сообщений, изолированных друг от друга источников восстановить цепь миграционных событий начала XI в., приведших к выходу на широкую политическую арену кыпчаков [Ахинжанов, 1980. С.46-53]. Особый интерес для него представляли взаимоотношения кыпчаков с Хорезмом, проникновение кочевников в оседло-земледельческие центры Средней Азии, этнический состав кыпчакского объединения, расселение и общественный строй. Все эти исследования вылились в яркую завершающую работу "Кыпчаки в истории средневекового Казахстана", научная ценность которой признана повторным изданием [Ахинжанов, 1995; Ахинжанов, 1976. С.81-93; Ахинжанов, 1978. С.65-79].

Особое место среди тем, интересовавших казахстанских археологов, занимали средневековые южноказахстанские и семиреченские городские центры, являвшиеся зонами активных

контактов кочевого и оседлого населения. Городища типа "торкуль", широко распространенные по степной части Казахстана, разделены на три группы по хронологическому признаку: IX - X вв., XI-XII вв., XIII-XIV вв., а также выделены районы распространения, функциональные особенности и роль в жизни кочевых объединений [Байпаков, 1978. С.80-96]. Отдельное исследование посвящено тотемистическим изображениям животных, встречающихся на средневековой керамике присырдарьинской территории [Байпаков, 1980. С.32-45].

К началу 80-х гг. было накоплено значительное количество материалов, отражающих различные хронологические отрезки истории кочевых народов степной полосы, что позволило в конечном итоге издать в серии "Археология СССР" том, посвященный кочевникам - "Степи Евразии в эпоху средневековья". Данный труд был создан коллективом авторов, занимавшихся кочевниковедческой тематикой в различных регионах - В.А. Могильниковым, Н.А. Мажитовым, А.К. Амброзом, Л.Р. Кызласовым, С.А. Плетневой, А.П. Смирновым, В.Б. Ковалевской, Г.А. Федоровым-Давыдовым. Эта работа крайне необходима и своевременна, в ней были обобщены практически все имеющиеся в наличии к тому времени материалы. Данная работа позволила многим исследователям оценить сложившуюся ситуацию, выявить наиболее перспективные проблемные моменты и пути исследования. Она в какой-то мере явилась толчком для работ следующего поколения исследователей, позволяя сориентироваться в кругу существующих проблем, тем более, что как отмечено авторами тома, история кочевых "народов, населявших в эпоху средневековья евразийские степи, еще не написана" [Плетнева, 1981. С.237].

К этому времени часть западноказахстанских материалов была систематизирована и введена в научный оборот Г.К. Кокебаевой. В основу исследования положены материалы могильников Карасу, Алебастрово и Шалкар - всего 63 кургана с 80 погребениями. Автором намечены задачи в области истории средневековых кочевников, предложено хронологическое деление на два этапа: X - первая половина XIII в. и вторая половина XIII-XV вв. Кроме того, выделены черты погреб-

бального обряда, характерные для указанных этапов, определен круг аналогий и предложена датировка погребальных комплексов [Кокебаева, 1980. С.95-103].

М.Г.Мошкова, К.Ф. Смирнов, В.А. Кригер и С.Н. Заседателева в течение ряда лет раскапывали курганы Ново-Кумакского могильника, расположенного в Оренбургской области. К моменту публикации в 1983 г. было получено 29 погребений эталонного характера, датирующиеся XII-XIV вв. По материалам погребальных комплексов В.А. Кригером была проведена корреляция традиций погребального обряда и определенных типов вещей с монетами как наиболее четким хронологическим "маяком". Все это в конечном итоге позволило определить погребения такого большого могильника, как Ново-Кумакский, хронологически и этнокультурно и наметить ареал аналогий [Кригер, 1983. С.171-187].

В.А. Кригером все материалы Южного Приуралья и Заволжья, ограниченные временными рамками X-XIV вв. были сведены в кандидатскую диссертацию. В работе была проведена типологическая группировка памятников и их хронологическое распределение, анализ погребального обряда по характерным признакам, картографирование и сравнение локальных обрядовых показателей, а также предложено деление первой хронологической группы памятников - конец IX - середины XI вв. на огузские и печенежские. В основе деления лежит опора на различные стороны погребального обряда и наличие вещей этнографического характера - копоушек и птицевидных нашивок, присущих, по мнению В.А. Кригера, огузам. Отдельно рассматривались памятники кыпчакского времени, которые также разделены на две подгруппы. Истоки данного деления историк выявил на востоке, в районах верхнего течения Иртыша [Кригер, 1985. С.11-25].

Долгое время работала на территории Нижнего Поволжья работала Е.В.Шнайдштейн. Его был исследован ряд ярких средневековых памятников таких, как Купцын Толга, Кантюбе, Тумактюбе и предложено свое видение проблемы выделения огузских и печенежских памятников [Шнайдштейн, 1979. С.191-202; Шнайдштейн, 1985. С.79-85]. Е.В. Шнайдштейн об-

ратила внимание на тот факт, что в Поволжье в золотоордынское время вновь появились ранние типы погребений с западной ориентировкой и уложенными в анатомическом порядке костями коня. Это явление, по авторской позиции, связано с переселенческой политикой монгольских ханов [Шнайдштейн, 1987. С.78-79].

Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в течение ряда лет публиковал археологические сборники, содержащие статьи различных авторов, позволяя исследователям изложить свои взгляды на ту или иную проблему. З.С. Самашев и Ф.Х. Арсланова в одном из сборников проанализировали 33 погребения из двух могильных комплексов Карашат, придя к выводу об их кимакской принадлежности, попутно коснувшись вопросов социальной и хозяйственной реконструкции [Арсланова, 1896. С.122-133]. Большой массив средневековых памятников, сосредоточенных в зоне затопления Шульбинской ГЭС, был введен в научный оборот С.М. Ахинжановым, З.С. Самашевым, Ю.И. Трифоновым, А.С. Ермолаевой. Комплексы Джаргас, Акчий, Ковалевка, Карашат, Измайловка и др. исследовались, начиная с 1980 г. [Ахинжанов, Ермолаева, Максимова, Самашев, Таймагамбетов, Трифонов, 1987].

На основании большого круга письменных источников А.Ш. Кадырбаевым проанализирована политическая история крупных тюркских и иранских объединений - кыпчаков, найманов, керейтов, карлуков, канглов и уйгур, входивших в XIII-XIV вв. в состав монгольского государства Юань в Китае [Кадырбаев, 1990]. Восточная зона, а именно Обь - Иртышское междуречье, по мнению Д.Г.Савинова, является исходной территорией кыпчакского объединения. В качестве основного определяющего компонента названа сросткинская культура [Савинов, 1979. С.63; Савинов, 1984].

Для южноуральских памятников XII-XIV вв. В.А. Ивановым и В.А. Кригером была разработана на основе типологии вещевых комплексов подробная хронология. Частично в работу вошли западноказахстанские комплексы этого периода. Авторы рассматривают возможность существования в кыпчак-

ском объединении двух локальных групп: восточной и западной, различающихся между собой чертами погребального обряда, что в свою очередь может указывать на этнокультурные различия [Иванов, Кригер, 1988. С.55-68].

С конца 70-х гг. на могильниках Шпаки, Новая База, Шулаксай, Болгарка работает экспедиция Актюбинского областного историко-краеведческого музея, долгое время возглавляемая В.В. Родионовым. С 1985 г., с момента открытия исторического факультета, начинает свою работу археологическая экспедиция Актюбинского педагогического института, ныне университета им. К. Жубанова, под руководством С.Ю. Гуцалова. За короткий отрезок времени экспедицией были обследованы крупные могильники, содержащие средневековые захоронения - Жаман Каргала I, Целинный I, Уркач I, Атпа II и др.

§3. Результаты исследований на современном этапе (1991-2000 гг.)

Обретение Республикой Казахстан независимости в 1991 г. повлекло за собой реструктуризацию существовавших ранее систем в организации научной деятельности. В результате, принято постановление Кабинета Министров и Президиума Национальной Академии наук, положившее начало организации Института археологии, которому было присвоено имя А.Х.Маргулана. Были подведены итоги многолетних работ казахстанских археологов и намечены основные перспективные пути дальнейшего развития археологической науки [Байпаков, 1993. С.3-7]. К числу достижений следует отнести ежегодные издания "Известий", полностью посвященных археологической тематике в серии "Общественных наук", публикуемых Национальной Академией.

После принятия решения ЮНЕСКО в 1987 г. в Казахстане в рамках программы "Культура и будущее" в 1991 г. были изданы тезисы докладов, подготовленных к международному семинару. Тематика докладов, предоставленных на семинар, отразила многообразие проблем, интересующих исследователей. Значительная доля интереса ученых приходится и на вопросы,

касающиеся истории средневековых кочевников [Взаимодействие кочевых..., 1991].

Наскальным изображениям эпохи раннего средневековья посвятил раздел в 3 главе своей работы З.С. Самашев, рассмотрев особенности стилистического изображения и диагностические элементы - флаги, доспехи, предметы вооружения и снаряжение лошади [Самашев, 1992. С.174-182]. Оригинальные находки с территории Актюбинской области из могильника Атпа II наглядно иллюстрируют сделанные ранее предположения Р.Г. Кузеева об исходной территории расселения протобашкирских племен [Кузеев, 1971. С.23]. Зафиксированное погребение во многих чертах повторяет синхронные из башкирского Зауралья [Гуцалов, 1993. С.162-165].

Предложенное ранее В.А. Ивановым и В.А. Кригером деление памятников XII-XIV вв. на две локальные группы, одним из авторов на данный момент признано весьма условным. Подчеркивается кыпчакская принадлежность погребений, оставленных под земляными насыпями. Для каменных курганов, в качестве поиска круга аналогий, указаны регионы юга Западной Сибири и Центрального Казахстана [Иванов, Яминов, 1993. С.154-160].

Современный этап характеризуется обращением исследователей к полученным ранее материалам, переосмыслением позиций по различным вопросам. Развернутая прежде в южноуральском регионе дискуссия об этнокультурной принадлежности раннесредневековых памятников VII-XI вв., постепенно переросла в спор по вопросам хронологии, с использованием в качестве аргумента обеими сторонами статистических методов [Мажитов, 1993. С.119-138; Иванов, 1993. С.141-149]. Сходные тенденции возврата к полученным гораздо раньше материалам прослеживаются и в казахстанской археологической науке. Активно изучаются города, входившие в орбиту влияния кочевых объединений [Савельева, 1994. С.15-20], моменты, связанные с исламизацией населения Южного Казахстана того периода [Нурмуханбетов, 1994. С.34-39]. К.А. Акишевым по результатам работ в юго-западной части Каратау определены как войсковые ставки XV-XVIII вв., возникшие несколько ранее

в XI-XII вв. работы Кырык-Кыз и Бала-Курган [Акишев, 1994. С.39-44]. Вновь обратился к моментам политической истории уйгур, керентов, джалаириков и найманов, основываясь на письменных данных А.Ш. Кадырбаев [Кадырбаев, 1993].

В Волго-Уральском регионе продолжается активное накопление материалов средневекового периода, благодаря усилиям экспедиции местных университетов, отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и областных краеведческих музеев. Результаты работы опубликованы в статьях Е.П. Мыськова, В.И. Мамонтова, А.И. Ситникова, И.А. Кима [Мыськов, 1993; Мамонтов, 1993; Ким, 1993; Мамонтов, 1993а]. Наблюдается процесс систематизации материалов. Бляхи, использовавшиеся в конской узде [Гаврилина, 1993. С.77-85] и встречающиеся в большом количестве в раннесредневековых погребениях пряжки [Ковалевская, 1993. С.107-132] объединены в типологические таблицы для датировки и историко-культурного сравнения. По-прежнему актуальными остаются проблемы идентификации огузских и печенежских погребений [Кригер, 1993. С.137-144; Гуцалов, 1993а]. Получена новая серия кыпчакских погребений XI-XII вв. в степной зоне Южного Зауралья [Боталов, Костюков, 1993].

Итоги археологических работ экспедиции Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина за период с 1965 г. подвел Г.А. Кушаев в своей работе "Этюды древней истории степного Приуралья". Памятникам средневековых кочевников уделена отдельная глава. Часть материалов дана в описании - наиболее яркие и показательные погребения. Автором книги предложена следующая хронология средневекового периода по изменениям в погребальном обряде: I) VII-IX вв. - аваро-булгарский период; II) IX-XI вв. - огузо-печенежский; III) XI-XIII вв. - кыпчакский и IV) XIII-XV вв. - золотоордынский. Кроме того, для заполнения пробелов в истории было предложено продление сарматской истории до VII в. [Кушаев, 1993. С.94-111,146].

Особенности погребального обряда средневековых кочевников как наиболее вероятных корней в традиционной погребально-культовой архитектуре нового времени Западного

Казахстана затронул в своей работе С.И. Аджигалиев [Аджигалиев, 1994. С.128-133, 160, 163, 165]. Исследования позднесредневековых мавзолеев Уральского региона и Центрального Казахстана проливает свет на вопросы о начале исламизации кочевого населения [Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 148-165; Гарустович, 1995. С.166-185].

В 1994 г. в Институте археологии им. А.Х. Маргулана защищена кандидатская диссертация Т.С. Жумаганбетова "Социально-экономическая проблематика хозяйственной деятельности номадов средневекового Казахстана". В работе с привлечение различных данных, в том числе и археологических, проанализированы экономические основы кочевого хозяйства [Жумаганбетов, 1994].

Материалы II-XIV вв. Урало-Ишимского междуречья, включающие более 500 погребальных комплексов, 43 святилищ и жертвенно-поминальных комплексов, коллекции случайных предметов и каменные изваяния региона нашли отражение в обобщающей работе С.Г. Боталова [Боталов, 1994]. Для создания хронокультурной схемы исторического развития кочевого общества Урало-Казахстанских степей в указанных хронологических рамках автором была применена перспективная многоэтапная и многоступенчатая математическая методика [Боталов, 1994. С.9-13]. Отдельно выявлялись историко-культурные комплексы по результатам статистической обработки погребального обряда и хронологические группы на основании типологии вещевых комплексов; рассмотрены историко-географические особенности региона с наложением на выстроенную схему.

В какой-то мере проясняются вопросы тюркизации Евразийских степей путем сравнения между собой различных регионов - Северо-Западного Алтая, Хакаско-Минусинской котловины, Тувы и Волго-Уральского района [Боталов, 1996. С.194-205].

В июне 1995 г. состоялась международная конференция "Культура кочевников на рубежах веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации". Целый блок докладов в изданном сборнике посвящен средневековым кочевни-

Бисембаев А.А.

кам. В докладах К.А. Акишева, Ю.А. Мотова, А.Ш. Кадырбаева, Б.Е. Кумекова и др. рассматриваются вопросы истоков традиционной культуры казахов [Акишев, 1995. С.26-30], государственных образований тюрков [Кадырбаев, 1995. С.50-57] и огузов [Мотов, 1995. С.31-37], а также этнические связи средневековья [Кумекоев, 1995. С.68-76].

Мировоззренческим сюжетам, отраженным в изобразительном искусстве средневековых кочевников, посвящена работа З.С. Самашева. Проанализированы пласты различных культов - конного всадника, знамени, волка с выделением характерных стилистических черт [Самашев, 1996. С.259-269].

Обретение независимости поставило новые задачи перед казахстанскими учеными. На одно из первых мест выдвинулись вопросы, связанные с истоками и формированием казахской государственности. В рамках этого направления в 1996 г. прошла международная конференция "Эволюция государственности Казахстана", изданные материалы которой содержат тексты докладов по самым разным темам - от социальной стратификации в кочевых обществах до мировоззренческих аспектов [Эволюция государственности..., 1996].

Коллективом казахстанских археологов и историков-медиевистов создан первый том многотомного издания Истории Казахстана. Эта работа подводит итоги более чем полувековой исследовательской деятельности нескольких поколений ученых, работавших по древнему и средневековому периодам. Она содержит последние научные разработки, в значительной мере являясь опорным фундаментальным изданием [История Казахстана..., 1996].

Наряду с крупными обобщающими трудами идет публикация исследований в периодических изданиях. В научный оборот вводятся материалы, полученные в недавнем прошлом [Жумаганбетов, 1995. С.32-34; Бисембаев, 1996. С.81-85; Бисембаев, 1996. С.245-248]. Детальному анализу Ю.А. Мотовым подвергнуты такие диагностирующие в хронологическом плане типы вещей, как виды холодного оружия: мечи, кинжалы и ножи [Мотов, 1997. С.45-47; Мотов, 1998. С.124-129].

Изучение памятников средневековых кочевников продолжа-

ется по всей зоне распространения таковых. Неординарные захоронения, отражающие кыпчакско-адыгские связи и яркие каменные изваяния, изучены на Кубани [Новочихин. С.109-122; Навротский, 1995. С.157-164; Пьянков, 1995. С.154-156]. Из числа подобных работ наибольшего внимания заслуживает исследование В.П. Костюкова, касающиеся памятников XIII-XIV вв. Памятники Южного Зауралья рассмотрены в этнокультурном плане через призму административно-политической единицы, известной как улус Шейбана. Автор на основании скрупулезного сравнения обрядовых черт погребений, совершенных под каменными и земляными насыпями, пришел к важным выводам о том, что характер наземных сооружений сам по себе не является достаточным условием для маркировки этногрупп. Кроме того, истоки погребальных признаков обнаруживаются в восточной части степи - от Иртыша до Байкала, и весьма явственно выделяются погребения с северным сектором ориентировки: в них прослеживается связь с монгольской культурной традицией [Костюков, 1997. С.6-13].

Казахстанский археолог Ж.Е. Смаилов свое исследование посвятил средневековым поселениям и городищам, локализованным в значительном количестве в Центральном Казахстане [Смаилов, 1997]. В работе предложено соотнесение обследованных городищ с упомянутым в нарративных источниках городами. В частности, крепости огузов Дарку и Даранда, которые С.Г. Агаджанов локализовал ранее в районе Мугоджар, идентифицированы с городищами в горах Арганатты [Смаилов, 1997. С.13]. Кроме того, рассмотрены направления караванных путей, по результатам раскопок охарактеризована материальная культура населения, изучена топография и создана типология городищ и поселений [Смаилов, 1997. С.26-61].

Список самых последних работ дополняют опубликованные в 1999 г. в Челябинске тезисы докладов XIV Уральского археологического совещания, посвященных 100-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Особый интерес представляют предложенные С.Г. Боталовым попытки реконструкции культурогенеза в средневековье [Боталов, 1999. С.154-156; Боталов,

1999а. С.157-158] и анализ данных по удельному весу кыпчаков в Золотой Орде [Костюков, 1999. С.165-166].

На данный момент активно исследуется городище Сарайчик - уникальный памятник золотоордынского периода. Начиная с 1996 г. ведутся широкомасштабные работы Западно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством З.С. Самашева. Уникальность памятника подтверждается наличием на территории городища значительного количества погребений и нумизматическим материалом, который может служить надежной хронологической привязкой [Аитова, Самашев, 1998. С.35-41].

Таким образом, подводя итоги предыдущих исследований, можно сказать, что история исследования средневековых кочевников прошла в своем развитии несколько последовательных этапов. Первый этап был связан с традицией русской исторической школы, рассматривавшей кочевников через взаимоотношения с государствами оседло-земледельческого мира, в первую очередь, Киевской Руси. Значительные успехи были достигнуты в связи с началом археологических исследований. Этот вид фактического материала привел к определенным изменениям в научном сознании, несколько изменив отношение к кочевым народам, ранее не отличавшееся симпатиями. Многие теоретические разработки дореволюционных исследователей и археологические коллекции активно привлекались учеными позднее в советское время.

Конец XIX в. стал началом освоения археологических памятников Казахстана. И хотя дореволюционные исследования, безусловно, проигрывают в информационном плане, они положили начало формированию источниковой базы. Период после гражданской войны до 1945 г. явился как бы логическим продолжением этого направления - накопления фактического материала. Открытие после Великой Отечественной войны Академии наук Казахской ССР и активная деятельность А.Х. Маргулана положили начало новому этапу археологических работ. Публикация материалов шла практически параллельно с раскопками. Это время появления обобщающих работ с хронологическими, этнокультурными схемами. В современ-

ной археологической науке наряду с сохранением прежних направлений оформляется качественно новое направление, заключающее в себе компьютеризацию источниковой базы, переосмысление прежних выводов и построение новых концепций. Говоря о состоянии изученности средневековых памятников, следует отметить, что наиболее детально исследованы городские центры. Памятники кочевников с разработкой хронологических схем и этнокультурных интерпретаций представлены в регионах Алтая, Восточного и Центрального Казахстана. Подобного облика работы охватывают также Поволжье и Южный Урал. В этом контексте необходимым является обобщение материалов Западного Казахстана, частично привлекавшихся для регионального сравнения к данным соседних территорий. Тем более, что памятники этого района публиковались эпизодически и до сих пор отсутствует хронокультурная схема, объединяющая погребения широкого временного диапазона.

ГЛАВА 2. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА, ТОПОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ.

§1. Природно-географическая характеристика.

Изучение природно-географических данных, представляющих собой по сути дела исторический фон, на котором протекали события прошлого человечества, является важным условием при освещении проблем и построении исторических реконструкций. На развитие человеческого общества в целом огромное влияние оказывали факторы экологического порядка, обуславливая не только хозяйственно-культурные направления деятельности, но и сами темпы развития.

Человечество представляет собой биологический вид с определенным количеством вариаций, выраженных в расовых особенностях. Как существо биологическое вне природных условий Земли существовать не может. Условия в различных районах планеты разнообразны, а человек присутствует практически на всей территории земного шара. Этот момент, как отмечено Л.Н. Гумилевым [Гумилев, 1993. С.17], подчеркивает тот факт, что адаптационная способность у человека гораздо выше, нежели у других представителей животных видов на планете. И здесь на первый план выступает еще одна уникальная способность человека - воздействие на природу, изменение ее условий. Природа воздействует на человека, в свою очередь, и человек, оказывая воздействие, создает пригодные для себя условия существования - антропогенные ландшафты. Это взаимонаправленное воздействие непрерывно.

Ярким примером адаптивных возможностей человека и этого взаимонаправленного воздействия может служить такой феномен хозяйственно-культурной деятельности, как кочевничество. Возникнув около четырех тысяч лет назад, кочевничество, по определению А.Дж. Тойнби, явилось своеобразным ответом на изменившиеся природно-климатические условия

[Тойнби, 1991. С.184]. На долгое время в историографической традиции утвердилось мнение о примитивности, бесперспективности кочевой модели. На самом же деле номадизм стал оптимальной формой существования человека в достаточно жестких природно-климатических условиях: редкий и низкопродуктивный растительный покров, ограниченные водные и почвенные ресурсы, низкий уровень атмосферных осадков, периодически повторяющиеся засухи, как следствие континентального климата и многое другое [Масанов, 1995. С.22].

В современной исторической науке явление кочевничества начинает рассматриваться с позиций цивилизационного подхода. В качестве опорного понятия для номадизма как социокультурной системы длительно существовавшей во времени и определенном пространстве, выработан термин "кочевая цивилизация" [Хабдулина, 1997. С.3-9]. Физико-географические условия Западного Казахстана представляют собой дополнительную иллюстрацию к особенностям археологических памятников, так как оказывали значительное влияние на их размещение. Приступая к характеристике условий, следует отметить, что исследования состава растительного покрова и структуры почвы, особенности расположения гидросети, терморегима, степени увлажнения показали, что весь комплекс природно-климатических условий, сложившийся в основном в эпоху голоцена, за последние тысячелетия кардинальных изменений не претерпел [Чупахин, 1968; Климат Казахстана, 1959; Шнитников, 1997; Быков, 1979; Гельдыева, 1992].

Территорию исследуемого региона, согласно принятой в среде специалистов схеме, составляют восемь физико-географических провинций: Илекская, Мугоджарская, Волго-Уральская, Предуральская, Прикаспийская, Мангышлакская, Устюртская и Северо-Приаральская. Объединены данные провинции в пределах двух крупных подразделений: Северо-Западный Казахстан и Юго-Западный и Южный Казахстан, так называемых физико-географических стран [Гвоздецкий, 1971. С.125].

В указанных пределах наблюдаются определенные орографические различия. Абсолютные высоты варьируют в пределах от -28 м до 500-600 м по максимальным возвышенностям.

Наиболее возвышенны две провинции. Мангышлакская отличается сложным и контрастным рельефом. Кряжи Мангыштауского нагорья поднимаются до 556 м по центру, а по окраинам наблюдаются бессточные впадины, днища которых лежат значительно ниже уровня океана (впадина Карагие -132м). На рельефе нагорья отслежены формы пустынного выветривания [Гельдыева, 1992. С.39].

Возвышения Мугоджарской провинции связаны с двумя меридионально вытянутыми хребтами - Западным и Восточным, разделенными срединной Берчогурской впадиной. Высшая точка Мугоджар составляет отметку 657 м (гора Боктыбай). Несмотря на то, что превышение низкогорья над окружающими равнинами невелико, порядка 200-300 м, присутствие горных хребтов обусловило смещение зоны степей южнее [Гвоздецкий, 1971. С.133].

Наиболее понижены территории Прикаспийской и Волго-Уральской провинций. В Прикаспийской провинции значительная площадь лежит ниже уровня океана, возвышения наблюдаются в северо-восточной и восточной частях. Поверхность Волго-Уральской провинции представляет плоскую равнину с неясно выраженной системой ложбин, идущих по направлению к Каспию. Основные изменения рельефа связаны с тектоническими структурами [Сваричевская, 1965]. Илекская провинция включает в себе отроги Общего Сырта, имеющие характер плоских возвышенностей с крутыми южными склонами. На этой территории приподнятия поверхности наблюдается с запада на восток. Этот момент обусловлен примыканием с восточной стороны отрогов Южного Урала.

Поверхность Предуральской провинции представляет собой возвышенную расчлененную равнину, приподнятую к востоку и северо-востоку, с перепадом высот от 100 до 300 м. Значительной сложностью и разнообразием строения рельефа, и как отражением этого, ярко выраженной дифференциацией ландшафтных особенностей отличается Северо-Приаральская провинция. Столовые возвышенности и их останцы чередуются с понижениями, в которых сосредоточены массивы песков, солончаки и соленые озера. Поверхность западной части про-

винции более приподнята и расчленена, чем восточной. Наибольшая высота (408 м) приходится на продолжение оси Мугоджарских гор по западной окраине провинции. Песчаные массивы, расположенные на высотах до 200 м, это Большие и Малые Барсуки и Приаральские Каракумы [Гвоздецкий, 1971. С.207].

Несколько обособлена в орографическом плане Устюртская провинция. Ей соответствуют расположенное между Аральским и Каспийским морями плато. В пределы административной границы Республики Казахстан входят западная половина плато и его северная окраина. Практически со всех сторон плато ограничено отвесными обрывами - чинками. По специфике поверхности Устюрт схож с Мангышлакской провинцией. Главное отличие заключается в меньшей сложности строения и расчлененности рельефа, значительно выраженной равнинности [Лобова, 1960].

Таким образом, можно констатировать, что территория исследуемого региона отличается общим характером достаточно ровной поверхности с незначительными возвышениями в области Мугоджарских гор и Мангистауского нагорья. Резких перепадов в дифференциации рельефа не наблюдается, полностью отсутствуют высокогорные районы.

По территории Западного Казахстана прослеживаются следующие ландшафтные зоны - лесостепная, степная, полупустынная и пустынная зоны умеренного пояса. Самой незначительной по площади является первая лесостепная ландшафтная зона. Она не имеет четкой границы и вдается в степь в виде отдельных островков нетипичной (колючей) подзоны [Чупахин, 1968. С.74]. В какой-то мере природной границей, отделяющей лесостепи от степей является река Урал. Локализация лесостепного ландшафта приходится на левобережные притоки Урала - Илек и Суундук. Еще один район сосредоточения находится в западных предгорьях Мугоджар, в междуречье трех рек: Эмбы, Илека и Ори [Чибилев, 1987. С.86-103]. Рельеф этих территорий по большей части равнинный, с большим количеством западин и котловин.

Южная граница следующей степной ландшафтной зоны про-

ходит между 50° и 51° северной широты, пролегает в районе города Уральска. Северная зональная граница не так отчетлива, извилиста, заступает далеко на север в виде полынно-злаковых степей [Чупахин, 1968. С.80]. В центральной части Мугоджар проявляются некоторые элементы высотной ландшафтной зональности. Для этих гор характерен столово-останцевый рельеф и присутствие соляных куполов [Джаналиева, 1998. С.186]. Главная особенность степной зоны - это преобладание равнинного рельефа с многочисленными микроформами в виде террас, речных долин, балок, оврагов, озерных котловин. Почвенный покров подзоны южной степи представлен темно-каштановым типом с мощностью гумусового горизонта до 50 см и содержанием гумуса от 3% до 5%. Большая пестрота в составе почвы связана с различиями на уровне микрорельефов [Чупахин, 1968. С.87].

Южнее 50° северной широты сухостепная зона сменяется зоной полупустынь. Южная граница в силу переходного характера зоны извилиста и пролегает между 47°-48° северной широты. Наиболее типичная черта полупустыни - большая пестрота и своеобразие ландшафтов, которых исследователи насчитывают до 12 видов [Гельдыева, 1992. С.83], а также разнообразие в почвенном покрове и микрорельефе. В целом, для полупустыни характерны бедные гумусом (от 2% до 3) светло-каштановые и бурые почвы с мощностью гумусового горизонта около 20-30 см. Из полупустынных ландшафтов основные в исследуемом регионе: аллювиальных равнин, приподнятых пластовых равнин, столовых плато и озерно-аллювиальных равнин. Для восточной части Западного Казахстана характерно значительное присутствие солонцов и солончаков. Низкогорья и сопки в полупустынной зоне покрыты грубоскелетными щебенистыми почвами с типчаково-полынными ассоциациями [Чупахин, 1968. С.90; Гельдыева, 1992. С.83]. Данная зона тянется с запада на восток шириной до 150 км, сужаясь в районе Мугоджарских гор до 50 км. Площадь зоны только в пределах Актюбинской области составляет около 7745 тыс. га она включает южную часть территорий современных Уилского и Темирского, северную половину Байганинского и Ир-

гизского и северную окраину Шалкарского районов [Рекомендации по..., 1978. С.15].

Значительную территорию равнинной части Казахстана занимает пустынная зона. В пределах всей территории Республики Казахстан она составляет около 47% площади, тянется с востока на запад почти 3000 км. Ширина полосы с севера на юг составляет 900 км. Северная граница, примыкая к полупустынной зоне, колеблется между 47° и 48° северной широты [Чупахин, 1968. С.97]. Главное место в рельефе пустынь Казахстана принадлежит материковым пескам, образовавшимся в результате выветривания. На побережьях Аральского и Каспийской морей песок образован волновой деятельностью моря. По предложенной классификации М.П. Петрова в пределах Западного Казахстана встречается два варианта: 1) типичные песчаные пустыни на рыхло-песчаных сероземах и серо-бурых почвах древнеаллювиальных и приморских равнин (распространены в пределах Туранской и Прикаспийской низменностей) и 2) песчано-галечные пустыни (типа Гобийской) на гипсированных серо-бурых почвах третичных и меловых плато (Приаралье) [Петров, 1973. С.47].

Если говорить о типах ландшафта, то их исследователи определяют, как Восточно-Европейский и Туранский типы пустынных ландшафтов [Чигаркин, 1984. С.30-33; Кириченко, 1980]. Для ландшафтов первого типа, распространенных в Волго-Уральском междуречье и Прикаспийской впадине характерно глубокое залегание скальных, коренных пород, распространение песчано-глинистых отложений и солончаков. К Туранскому типу пустынного ландшафта относятся преобладающая часть пустынь Казахстана, соответствующих древней погребенной геологической структуре Туранской плиты. В пределах исследуемого региона это Приаральские пустыни, сформированные под влиянием процессов развеивания древних песчано-глинистых осадков, отложенных в прошлом на равнинах полноводными реками [Чигаркин, 1984. С.32]. В этой зоне преобладают песчаные, глинистые и солончаковые пустыни. В микрорельефе преобладают бугристые и мелкобугристые пески, сформированные в процессе денудации-развеивания донных

осадков. На северном побережье Каспийского моря песчано-глинистые увалы чередуются с "бэровскими буграми" и понижениями рельефа, занятыми непроходимыми сорowymi солончаками.

Почвенный покров представлен бурыми и серо-бурими почвами. Бурые почвы тяготеют к северным районам зоны, где несколько выше уровень атмосферных осадков. Для этого типа почв характерной чертой является бесструктурность верхнего горизонта, рыхлость, пылеватость и бедность гумусом, содержание которого не превышает 1%-2%. Почвенные интразональные образования: солонцы и солончаки - это один из основных компонентов почвенных комплексов. Их формирование зависит от источника солей и причин их аккумуляции [Кириченко, 1980. С.14]. Наиболее безжизненные формы пустынного микрорельефа, встречающиеся среди песчаных массивов Устюрта, целыми группами это глинистые образования - такыры.

Все выше перечисленные ландшафтные зоны передают значительное многообразие природно-географических условий Западного Казахстана, несмотря на общий равнинный характер рельефа, отсутствие внутренних четко дифференцированных интразональных проявлений, в виде высокогорных районов и значительных низменных участков. Присутствие нескольких, последовательно сменяющих друг друга природно-ландшафтных зон в исследуемом регионе, обусловило наличие подзон переходного характера и существование на одной широте различных ландшафтных типов. Все это многообразие в комплексе с климатическими данными оказывает влияние на характер и размещение памятников.

Территория Республики Казахстан находится в южной части умеренного пояса. Расположение во внутренней части Евразии на большом удалении от океана, и в первую очередь, от основного поставщика влаги в этих широтах Атлантического, является главной причиной резко выраженной континентальности климата. Кроме того, южные районы равнинной части расположены в низких широтах, что придает климату засушливый, аридный характер, и как следствие этого, значитель-

ную площадь республики занимают пустынные ландшафты [Гвоздецкий, 1971. С.55]. По направлению к северу аридность смягчается, что находит выражение в смене ландшафтов, от пустыни к степи.

Географическое положение в поясе умеренных широт предопределило характер взаимодействия природно-климатических условий: выпадения осадков, испарения, воздействия солнечной радиации, атмосферной циркуляции и многого другого. Рассмотрение условий климата наиболее целесообразно по схеме природно-географического районирования.

В степной зоне по сравнению с лесостепью, с которой она граничит наблюдается возрастание количества тепла, уменьшение среднегодовой суммы атмосферных осадков и нарастание континентальности климата. Климат становится резкоконтинентальным, что выражается в превышении испаряемости над осадками, суровости зим и больших годовых и суточных амплитудах температуры воздуха, частых засухах и суховеях. Годовое количество осадков составляет от 200 до 300 мм, максимум которых, до 60%-80%, приходится на теплое полугодие [Чупахин, 1968. С.83].

Зону полупустыни характеризует достаточно скудное атмосферное увлажнение и большое количество солнечной радиации. Величина радиационного воздействия увеличивается с севера на юг от 100 до 140 ккал/см² в год, в соответствии с продолжительностью солнечного сияния от 2000 до 3000 часов в год [Жапбасбаев, 1998. С.67]. В этой связи испаряемость за летний период превышает осадки в 7-15 раз в различных районах зоны. Среднегодовые температуры значительно выше, чем в степной и лесостепной зонах, преобладает малооблачная солнечная погода, что обусловлено влиянием антициклонов. Для зоны типичны поздневесенние и раннеосенние заморозки. Годовое количество осадков, максимум которых приходится на май-июль, по направлению к югу падает до 150мм на границе с пустыней. Самое распространенное явление - атмосферные засухи [Климат Казахстана..., 1959. С.17-30].

Главная черта следующей пустынной зоны - это засушливость, которая определяет как сами границы зоны, так и свое-

образе ландшафтов. Число дней с осадками, общее количество которых падает до 80 мм в году в два раза меньше, чем в степной зоне. Испарения превышают осадки в десятки раз [Казахстан, 1969. С.90-97; Климат Казахстана, 1959. С.73-88]. В течение года преобладает ясное небо. Продолжительный теплый период влияет на время вегетации растений, составляющее в среднем 220-240 дней. Сумма часов солнечного сияния максимальная - 3000 часов в год. Период с отрицательным радиационным балансом длится всего один-два месяца. Высокая температура воздуха и сухость создаются зной и перемещения воздушных масс, для всей зоны пустыни характерна значительная средняя годовая скорость ветра - от 3,5 до 5 м/сек [Кириченко, 1980. С.11; Чигаркин, 1984. С.19].

Определенные различия в климате ландшафтных зон наблюдается при сравнении по сезонам. Разница выражается прежде всего в начале наступления того или иного периода. В степной зоне семь месяцев в году наблюдается положительная среднемесячная температура, пять - отрицательная. Средняя высота снежного покрова достигает к февралю 25-30 см. Держится снег в степи около 125-130 дней в году [Москалев, 1984. С.21]. Характер погоды антициклональный. Средняя температура января -19° , с абсолютным минимумом -50° . Для второй половины зимы здесь характерны ветры, поземки и метели. Зима длится с последних чисел октября по начало апреля (рис. 1).

В полупустынной зоне высота снежного покрова уже меньше, около 10-20 см. Число дней, когда присутствует снежный покров, колеблется от 60 до 120. Средняя температура января также несколько повыше - 12° . Нередким явлением бывают повторяющиеся зимние оттепели и гололед [Чупахин, 1968. С.91]. Наиболее теплая зима в пустынной зоне - средняя температура января от -5° до -15° , максимум - 20° . Ее начало приходится на середину ноября и конец на март. Число дней, когда лежит устойчивый снежный покров, снижается до 40, гораздо ниже и сама толщина снежного покрова, около 5-10 см. При такой незначительной толщине ветры обнажают большие участки почвенного покрова. Примерно раз в десять лет постоянного снежного покрова не наблюдается вообще.

Весенний период в пустыне продолжается всего около месяца. Он характеризуется быстрым ростом температуры, с чередующимися похолоданиями. Уже к концу марта оно достигает $+20^{\circ}$. Это условие и выпадение порядка 30% годовой суммы осадков способствует быстрому росту эфемерной растительности. Позднее с конца марта по май проходит весенний период в полупустыне. Он отмечен неустойчивостью термического режима и заморозками. Кроме того, весна - самый влажный период года. После схода снега наступает сезон дождей, иногда ливневого характера [Чухахин, 1968. С.91].

Самый продолжительный весенний период в степи, даже при быстром нарастании среднесуточных положительных температур, периодически до начала июня повторяются похолодания и заморозки. В безморозный период длится в степной зоне 140 дней. В поздний период весна плавно переходит в лето, которое в степной зоне жаркое и продолжительное. Осадков выпадает меньше половины от годовой суммы, причем их основное скопление проходит до июля [Москалев, 1984. С.21].

Средняя июльская температура в дневной период достигает $+35$ - $+40^{\circ}$. Наблюдаются сильные ветры, которые вкуче с высокой температурой производят иссушающее действие. Аналогичные явления усиленного порядка фиксируются в полупустынной зоне. Здесь температура выше, до $+40^{\circ}$. Осадков выпадает мало и очень часто повторяется атмосферная засуха, достигающая 20-25 дней в один летний месяц.

Высокая температура до $+45^{\circ}$ отличает летний период пустынной зоны. Погода устойчивая, с часто повторяющимися атмосферными засухами и большими суточными амплитудами температуры почвы и воздуха. Летний период и самый продолжительный - 150-170 дней в среднем. При значительных термических ресурсах количество осадков невелико. В случае, если запасы влаги в верхнем слое почвы менее 10мм, то растительность начинает выгорать уже в начале июля. С переходом среднесуточной температуры воздуха через $+10^{\circ}$ в начале октября наступает осень, длящаяся около 50 дней [Кириченко, 1980. С.12]. Падение температуры и дождливые дни оказывают влияние на повторную вегетацию ряда растений. Осенью амплитуда температур уменьшается, что способствует накоплению влаги в почве.

литуда температуры снижается в пустыне на 12-16°.

В полупустыне наступление осени отмечается с середины сентября. В первую половину этого периода стоит солнечная, теплая, безветренная погода. Падение температуры наблюдается в октябре с первыми заморозками. В начале ноября погода уже холодная, со снегом и гололедом. На осенний период приходится 15-18% годовой суммы осадков. В степной зоне осень длится около двух месяцев, с начала сентября, включая весь октябрь, и начало ноября. Начальный период обычно сухой с ясной погодой. Зачастую во второй половине начинается дождливый период, переходящий в снегопад. На климатические условия в степной зоне некоторое влияние оказывают Мугоджары, хотя эти горы относительно невысоки, они представляют орографическую преграду для западного переноса воздушных масс. Об этом свидетельствует и увеличение атмосферных осадков в горах до 230-250 мм в год, тогда как на прилегающих равнинах их сумма не превышает 200-220 мм. Сумма температур за вегетационный период (выше 10°) в этом районе колеблется в пределах 2600-3000 °. Летние среднесуточные температуры на 1-2° ниже, чем на Подуральском плато или Южном Тургае. Все это приводит к тому, что по Мугоджарам далеко на юг в пределы полупустынной зоны внедряются ландшафты сухостепного типа [Гвоздецкий, 1971. С.133]. При ближайшем рассмотрении такого характера климатические расхождения, связанные с локальными особенностями, прослеживаются по всей территории Западного Казахстана. Свое влияние оказывают на прилегающие районы Арал и Каспий.

Общим явлением для климатических условий всего региона является резко выраженная континентальность, к тому же нарастающая с запада на восток. Ее основное проявление - большие годовые и суточные амплитуды температур, придает значительную суровость климату. В Западном Казахстане продолжительные холодные, метельные и морозные зимы. Лето жаркое, сухое, с частыми атмосферными засухами, следствием которых становится усыхание растительности, частые степные пожары, резкое понижение уровня водоемов и рек. К числу

таких общих проявлений можно отнести и неравномерность выпадения осадков по сезонам года, которое в значительной мере обусловлено удаленностью от океана, влияющих на мягкость климата. На дифференциацию климатических условий значительное влияние оказывает и протяженность территории региона с севера на юг (рис.1.).

В исследуемом регионе располагаются два уникальных внутриконтинентальных водоема - Каспийское и Аральское моря, главная особенность которых - полная изолированность от Мирового океана и расположение на незначительной по глобальным масштабам удаленности друг от друга. Эти моменты определяют наличие сходных черт обоих морей: отличие солевого состава вод от океанических, значительная изменчивость режима, высокая степень континентальности климата, практическое отсутствие приливно-отливных явлений [Вилесов, 1998. С.85]. Вместе с тем, оба моря по отдельности представляют специфические природные комплексы, с устьями впадающих рек и прибрежными областями.

Крупнейшее бессточное, соленое озеро мира - Каспийское море, расположено в западной части исследуемого региона. В пределах Республики Казахстан протяженность береговой линии около 2340 км. На восточном побережье моря нет ни одного постоянного водостока, что в какой-то мере обусловлено возвышенностью этой части побережья. Северное побережье носит низменный характер. Здесь впадают Волга (около 80% всего речного стока) и Урал.

По геологическому возрасту Аральское море гораздо моложе Каспия. Оно расположено на Туранской низменности, у восточного края плато Устюрт, в пустынной зоне, для которой характерны незначительное годовое количество осадков и высокая испаряемость. Оба моря в голоценовый период были связаны между собой, в период трансгрессии и регрессии через Узбой [Вилесов, 1998. С.90].

Самая крупная река в Западном Казахстане - Урал. Ее общая протяженность составляет 2428 км, из которых в пределах Казахстана немного меньше половины - 1082 км. По принятой в среде специалистов-географов классификации, Урал -

река преимущественно снегового питания, являющаяся транзитной, пересекающей сухостепную и полупустынную зону [Чупахин, 1968. С.92]. На пределы региона приходятся среднее и нижнее течение. Так как река протекает по Прикаспийской низменности, по полупустыне, ее ширина достигает 100 м. При скорости течения воды около 8 км/час происходит размывание суглинков и образование крутых, обрывистых берегов. При впадении в Каспий Урал образует из наносов 100- километровую плоскую дельту. Вода в реке почти на всем протяжении мутная. Наибольший уровень, половодье, приходится на середину апреля. Питают Урал несколько крупных притоков, идущих в меридиональном направлении - Илек, Орь, Суундук, Сакмара, Иртек, Шаган, Большая и Малая Хобда, Утва. Всего в регионе более 800 рек и речушек [Чибилев, 1987. С.5].

Вся протяженность второй по величине реки Эмбы около 647 км. Свое начало она берет из родников в западной части Мугоджар и также, как и Урал, основу ее питания составляют талые воды. Река весьма зависима от сезона года: 90% стока приходится на весенний период, когда она наиболее полноводна и доходит до Каспийского моря. В жаркий летний период Эмба сильно мелеет и теряется в песках. Большая часть рек принадлежит бассейну Каспийского моря, хотя у многих нет четко локализованного стока. Довольно крупные реки Уил и Сагиз сбрасывают воды в обширную Байгужинскую впадину. Большинство рек Урало-Эмбенского региона не имеет притоков, их долины состоят из плоской поймы, двух-трех террас, которые без резких изменений в рельефе сливаются с междуречьями. Речные отложения имеют небольшую мощность и подстилаются, как правило, засоленными суглинками и глинами. По руслам рек нередко развиты береговые валы, придающие этим водостокам вид каналов и затрудняющие выход паводковых вод в долину. В низовьях рек характерны обширные разливы, где застаиваются паводковые воды. Здесь выделяются заливаемые луга трех уровней: высокого, среднего и низкого. Уже к началу лета полностью высыхают второстепенные протоки и водоемы. Летом у большинства рек прекращается течение, и они разбиваются на отдельные плесы, со стоячей часто

солончатой водой [Чибилев, 1987. С.42-41].

На западе в правобережье Урала параллельно протекают две значительные, хотя и бессточные реки, Малый и Большой Узени. В низовьях, дробясь на протоки, они заканчиваются в озерах Камыш -Самарской депрессии. Большой Узень берет начало с южных склонов Сыртового Заволжья, в пределах Саратовской области Российской Федерации. Длина реки 584 км, при общей площади бассейна 15 600 км². Ряд притоков впадает в основном в верховье. Максимальный уровень воды приходится на вторую половину апреля, но уже к середине мая сплошной поток воды на отдельных участках реки прекращается. У поселка Мокринского берега реки сливаются с окружающей местностью, разветвляются на многочисленные протоки, образуя в урочище Жалпак-гал многочисленные лиманы.

Малый Узень свое начало также берет с Сыртового Заволжья, а его протяженность и бассейн несколько меньше данных Большого Узеня - 12250 км² и 560 км длины соответственно. Река не имеет притоков, подпитка только через весенние воды суходольных небольших водосборов. Водные режимы этих рек схожи: после половодья Малый Узень сохраняется в плесах и лиманах. Подобные облик имеют и небольшие речушки, берущие начало с южных отрогов Общего Сырта: Дюра Восточная, Паника, Чиж-1,2,3-я (Мерекень), стекающие в неглубокую и обширную Чижинско-Балыктинскую впадину [Москалев, 1984. С.28-29].

Озера региона по большей части бессточные (Индер, Жамансор, Карабатан и др.) с горько-соленой и непригодной в питьевом отношении водой. Много мелких водоемов с площадью зеркала менее 1 км². С наступлением лета эти озера мелеют, значительная часть их пересыхает, превращаясь в пустынной и полупустынной зонах в солончаки и соры. Основными источниками питания для них являются талые, снеговые воды.

Наиболее крупное пресноводное озеро Шалкар находится в 70 км юго-восточнее города Уральска. В самые засушливые годы его площадь не менее 190км². Оно имеет сток в Урал че-

рез речку Солянку. Из-за малого уклона падения в разные периоды Солянка течет не из озера, а наоборот, в озеро. Крупную систему водоемов образуют Камыш-Самарские озера, разместившиеся в низовьях Малого и Большого Узеней. В многоводные годы их становится свыше 300.

Основной район сосредоточения водных ресурсов - сухостепная зона, имеющая довольно разветвленную гидросеть. Пространство между Уралом и Эмбой рассечено на междуречья долинами рек, никуда не впадающих, что обусловлено особенностями рельефа, менее обводненной является зона полупустыни, и наконец, значительный дефицит водных источников наблюдается в пустынной зоне, где гидроартерии весьма удалены друг от друга, немногочисленны и зачастую не связаны между собой.

Очень важное условие распределения гидроресурсов вкупе с климатическими и ландшафтными данными оказывает свое влияние на растительный и животный мир. Наиболее густая и многовидная растительность приурочена к речным долинам. По долине реки Урал проходит юго-восточная граница распространения европейского дуба. По преобладающему травяному покрову пойменные дубравы подразделяются на ежевиковые, кирказоновые и ландышевые. Для этих дубрав характерен очень устойчивый комплекс сопутствующих древесных и кустарниковых пород, лесного разнотравья. К их числу относятся липа, вяз и тополь белый. В кустарниковом ярусе представлены черемуха, терн, жимолость, шиповник. Фон травяного покрова образуют ежевика, василистник малый, ландыш, дягель, борщевник и плющевидные разновидности. Районы сосредоточия лесных пород по Илеку и Мугоджарским горам выступают далеко на юг в зону степей и даже полупустынь по широтам. Распространение черной ольхи произошло вероятно в ледниковую эпоху. В таких лесочках встречается шиповник, черемуха, черная смородина, папоротники, лабазник, вех. Крайнюю юго-восточную позицию среди выступающих в зону полупустынь лесов занимает урочище Уркаш, в 50 км севернее города Эмба. Комплекс флоры здесь представлен березово-осиновыми колками. Кустарниковый ярус составляет раз-

новидности ивы, алтайский боярышник и шиповник. Всего в этом урочище около 300 видов растений, из которых 32 редкие для края и в прилегающих районах не встречаются [Чибилев, 1987. С.104].

Растительность речных долин, разливов и лиманов отличается большим своеобразием. Географическая сеть представлена бассейнами Урала, Уила, Эмбы, Сагиза, Илека, Ори, Большого и Малого Узеней и левыми рукавами дельты Волги, отходящими от одного из главных волжских протоков - реки Большой Узень. Рукава эти маловодны, в большинстве теряют связь с рекой после спада весеннего половодья. Часть полностью отделилась и образовала сеть лиманов, разделенных грядами "бэровских" бугров [Фаизов, 1970. С.127]. Берега рек насыщены гигрофильными сообществами. Далее этот пояс сменяют мезофильные разнотравно-пырейные фитоценозы. Эти сообщества по мере удаления от водного бассейна переходят в фоновые. На заливных лугах повсеместно развиваются осково-пырейные, разнотравно-пырейные ассоциации. Кроме того, в лиманах большое распространение получили полынные ассоциации: острцово-пыльчатая и изеневы-пыльчатая.

К более засоленным почвам приурочены сведовые ассоциации. Широкое распространение имеют сообщества с доминированием горчачка, додарции, солодки, брусники и других растений этой зоны. Основу луговой растительности на разливах, лиманах и в поймах рек составляет пырейная формация из пырея ползучего (*Agropyron repens*). В прибрежной части распространены тростник обыкновенный, камыш прибрежный, рогоз широколистственный, осок узколистный. С увеличением глубины уже встречаются рдесты, кувшинки, кубышки [Джармагамбетов, 1987. С.51-54]. Особые ассоциации образуют тугайные заросли. Основную роль здесь обычно играют лох и джида (*Elaeagnus angustifolia*), к которым примешиваются различные виды ивовых. В таких тугайниках травянистый покров не развит. В данное время под антропогенным воздействием эти кустарниковые приобретают угнетенный вид [Джаналиева, 1998. С.97].

В степной зоне картина несколько иная - здесь господствуют дерновиннозлаковые (типчачово-ковыльные) и полынно-дерновиннозлаковые (полынно-типчачово-ковыльные, полынно-типчачовые) ассоциации. Полынь (*Artemisia*) нескольких разновидностей, чаще всего белая и Лессинга [Чупахин, 1968. С.132]. Среди степных злаков преобладает ковыли красный и тырса. Значительное место занимает пустынный и солонцовый тип растительности. На грядово-бугристых и равнинных песках растительный покров представлен сообществами ксероморфно-псаммофильных растений. Здесь широко распространены ассоциации с доминированием астраханской полыни и еркека с включением эфемеров.

Определенный тип растительности свойственен пескам, общая площадь которых в Западном Казахстане свыше 7 млн. га. Песчаные массивы образовались в результате развеивания древнеаллювиальных отложений многочисленных рек, впадающих в отступающее Каспийское море во время Хвалынской трансгрессии. Флора песков Западного Казахстана насчитывает 918 видов, относящихся к 88 семействам и 377 родам. Растительность песчаных массивов представлена пятью типами: степным, пустынным, луговым, лесным и болотным. Многообразие растительности песков края определяется расположением песчаных массивов на стыке степной и пустынной зон, водным и температурным режимом в песках. Эти причины позволили продвинуться далеко на юг отдельным луговым и лесным сообществам [Богданов, 1987. С.38-41].

В видовом отношении преобладают мезофиты и ксерофиты. Для растительности характерны четко выраженная сезонная продуктивность, определенная продолжительность вегетационного периода и зональная зависимость. Общий характер растительного покрова разреженный. Климатические условия и определенные виды растительности оказывают влияние на фаунистический комплекс. Разнообразие экологической ситуации обуславливает дифференциацию животного мира по биологическим особенностям.

Степная зона с наибольшим травяным покровом представлена травоядными - косулями, сайгаками, забредающими с

севера лосями. Обилие травоядных создают хорошую кормовую базу для хищников - лисиц, хорьков, волков, орлов, луней, соколов. Растительная пища и ее объемы влияют на популяции многочисленных насекомых и микроорганизмов. Для степной зоны доминирующим видом является малый (серый) суслик. В подзоне умеренно сухих степей многочисленны поселения сурков. В целом, эта зона является наиболее благоприятной экологической нишей для обитания мелких грызунов, ведущих колониальный образ жизни. Кроме сусликов и сурков, это серая полевка, лесная мышь, пестрый хомяк, хомячок Эверсмана, большой тушканчик. Зона бедна рептилиями, доминирующие виды представлены прыткой ящерицей и серой гадюкой.

Обилие мелких травоядных объясняет широкую распространенность пернатых хищников: степного орла, канюка-курганника, орлана-долгохвоста, пустельги, степного луня. Более древним природным комплексам соответствует наличие эндемиков: черного и белокрылого жаворонков, степной тиркуши. К речным долинам "привязаны" бекасы, кряквы, чирки, ремезы, иволги, зяблики и перепелки.

Полупустыни и пустыни по комплексу представителей животного мира значительно отличаются от степей. В пустынях резко возрастает число пресмыкающихся: несколько видов ящериц, щитомордник, гадюки и др. Разница объясняется довольно суровыми условиями пустыни. Большинство животных ксерофилы и эвритермофилы, но имеют пределы температурной выносливости [Давлятшин, 1998. С.131]. Многие животные ночного образа жизни. В жаркое время года некоторые виды животных впадают в спячку. В целом, представители животного мира пустыни отличаются небольшими размерами, приспособлены к высокой летней температуре и недостатку влаги. Колониальные животные уступают место одиночным. Характерными млекопитающими являются пегая землеройка, тонкопалый суслик, песчаные тушканчики, песчанки, зайцы-песчанники, ежи. Из крупных млекопитающих здесь встречаются копытные: сайгаки и джейраны, и хищники: корсаки, хори, пятнистые и барханные кошки. Из птиц обитают

жаворонки, полевой конек, каменки, журавль-красавка, пустынные сычи, филины, орлы-могильники.

Таким образом, и растительный, и животный мир в Западном Казахстане подвержены рельефным и климатическим условиям. В составе растительности и в соответствующем ей фаунистическом комплексе отслеживается закономерность смены зон с севера на юг: степь, полупустыня, пустыня. Наиболее отчетливы различия между двумя крайними зонами. Полупустынная зона является, по существу, связующей и сочетает в себе черты степи и пустыни, как в растительном покрове, так и в представителях животного мира.

Климатические условия, связанные с зональностью, ландшафтные особенности и растительный покров оказывали значительное влияние на расселение человека, плотность размещения по территории, наиболее густо заселенные участки. Своей хозяйственной деятельностью человек ориентируется на наиболее благоприятные условия, а при существовании кочевого скотоводства тем более. Характер расселения человека оказывает непосредственное влияние на характер размещения археологических памятников. Локализация погребальных комплексов подвержена закономерности обитания человека в экологических нишах по мере их наибольшей пригодности.

§2. Топография памятников Западного Казахстана.

От емкости экологической ниши и условий обитания напрямую зависит численность проживающего населения. Кроме того, эти условия оказывают влияние на временные рамки эксплуатации экониши, с коррективой на интенсивность антропогенного воздействия. Главным условием, определяющим размещение человеческих коллективов, является наличие водных источников. На локализацию погребальных памятников в районах с разветвленной гидросетью оказывает влияние также характер весеннего разлива и затопляемости территорий. Поэтому большинство погребений сосредоточены в могильных полях, расположенных на второй надпойменной террасе рек или на гребнях водоразделов. Локализация погребаль-

ных комплексов в могильниках подчинена характеру местности: при больших площадях возвышений могильники имеют рассредоточенный характер, и наоборот, уменьшение пригодной для погребений территории ведет к уменьшению размеров могильника.

Размещение погребений на местности в могильных полях рассмотрено по схеме деления погребений на хронологические группы. Этот момент и общие результаты картографирования, позволяют выявить доминирующие тенденции в размещении памятников разных периодов.

Анализируемые погребения представляют собой несколько видов памятников: индивидуальные захоронения под курганной насыпью, парные захоронения под курганной насыпью; достаточно редко, но присутствуют одновременные захоронения трех и четырех человек, и захоронения, не имеющие собственные курганной насыпи. Наибольшее количество впускных погребений приходится на первый хронологический период, чему, вероятно, способствовала существовавшая у местного населения опасность потери территории. Опасения подобного характера и угроза вторжения сильного врага приводят представителей кочевого общества к необходимости "прятать" своих покойников, никак не обозначая место захоронения. Поэтому впускных могил первого периода около половины от всех рассматриваемых памятников и в большинстве своем они раскопаны в результате планомерного исследования могильника, так как целенаправленный поиск в основном положительных результатов не дает. Этот момент является объяснением того, что погребений раннего периода меньше, чем в двух других группах.

Единственно большая группа курганов с захоронениями этого времени исследована на могильнике Карасу I, расположенном в Казталовском районе Западно-Казахстанской области на первой надпойменной террасе левого берега реки Большой Узень в 5 км северо-восточнее бывшего совхоза "Жулдузский" [Кушаев, Железчиков, 1975].

Еще один могильник с несколькими погребениями раннего периода исследован на левом берегу реки Большой Узень.

Могильник Кос Оба расположен в 2 км северо-восточнее с. Маштексай Джангалинского района. Одиночные погребения исследованы в 1982 г. на могильнике Солянка II ("Лиманы"), расположенном в Теректинском районе Западно-Казахстанской области на правом берегу реки Урал в 2 км юго-западнее с. Акжаик. Экспедицией Уральского педагогического института в течение ряда лет проводились исследования на могильниках Шалкар I, II, III, IV, расположенных севернее озера Шалкар на возвышенном плато Сантас [Железчиков, Кригер, 1977; Кушаев, 1979].

Несколько погребений расчищено на могильнике "Мамай", находящемся на левом берегу реки Малый Узень в 7 км на юг от села Коктерек Казталовского района Западно-Казахстанской области. Естественное плато, расположенное в Зеленовском районе в 8 км юго-восточнее города Уральска дало самые ранние погребения, обозначенные как курганы "Свистун-гора" [Железчиков, Кригер, 1976; Кушаев, Кокебаева, 1978].

Расположение памятников первого периода на карте показывает их максимальную сосредоточенность вокруг крупных водных артерий - рек Большой и Малой Узеней, Урала и его притоков. Значительно их количество вокруг озер Акколь и Шалкар. Но в любом случае погребения первой группы в различном числе располагается на могильном поле, эксплуатировавшемся населением в разные периоды, начиная с эпохи бронзы (рис. 2).

Основное отличие курганов второй хронологической группы состоит в том, что они образуют на крупных могильниках целые группы однотипных насыпей с одним обрядом захоронений под ними, либо кочевнические курганы кыпчакского времени образуют собственные могильники, небольшие по количеству насыпей. В данный хронологический отрезок значительно уменьшается число впущенных захоронений. Увеличивается число курганов с двумя или тремя погребениями одного периода. Причем, расположение курганных насыпей этого периода на могильниках ранних эпох компактное, сосредоточены они в определенной части могильного поля и зачастую повторяют традицию, установленную на могильни-

ке с более раннего времени. Это выражается в расположении курганов определенной группы или построении в цепочку, определенное на конкретном могильнике. Временные рамки бытования могильника определяются по верхним и нижним порогам, выявленным по материалам погребений. Время эксплуатации некоторых из них достаточно короткое и составляет два-три столетия. К этому числу можно отнести исследования Б.Н. Граковым могильники Худай Берген III, IV, расположенные в Актюбинской области на невысокой гряде левого берега реки Урал [Граков, 1935]. Сходное состояние у курганов на могильнике Целинный I, расположенном на возвышенности левого берега реки Илек в 7 км к юго-востоку от станции Яйсан и в 1,5 км к западу от села Целинный [Гуцалов, 1988]. На этом могильнике практически однотипные средневековые курганы располагались компактной группой, несколько обособляясь от курганов раннего железного века.

Восемь крупных могильников Лебедевка исследованы у одноименного села в Чингирлауском районе Западно-Казахстанской области. Первичное обследование проводилось в 1966-1967 гг. Г.И. Багриковым. И первые результаты, полученные тогда, дали именно памятники периода XII-XIV вв. [Багриков, 1968]. Значительная протяженность могильного поля определяет тот момент, что часть памятников могильников Лебедевка VI и VIII находятся на территории Каратобинского района и таким образом занесены на карту. Девять курганов золотоордынского периода исследовано на могильниках Алебастрово I, II, находящихся в Теректинском районе Западно-Казахстанской области. Обе могильные группы располагаются на левом берегу реки Урал, на возвышенности между поселками Долинским и Алебастровым.

Средневековые курганы были обследованы М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчиковым, В.А. Кригером на могильниках Мамбеталы I и Базартобе I, находящимся в Акжайкском районе западнее поселка Мамбеталы и возле поселка Базартобе на надпойменной возвышенности левого берега реки Урал [Мошкова, Железчиков, Кригер, 1980]. Наиболее крупное сосредоточение средневековых курганов в Актюбинской облас-

ти исследовалось в течение ряда лет экспедицией Актюбинского педагогического института под руководством С.Ю. Гуцалова на могильнике Жаман Каргала I. Могильник располагается на левом берегу реки Жаман Каргала в 10 км к северо-востоку от города Актюбинск, по трассе Актюбинск-Орск [Гуцалов, Макаревич, 1986]. Исследования средневековых курганов на этом могильнике началось еще в начале века И.А. Кастанье [Кастанье, 1910. С.69-70]. Погребения могильника широкого хронологического диапазона. Одно захоронение огузо-печенежского времени впущено в курганную насыпь более ранней эпохи. Из поздних памятников половина по материалам погребений датируется XII-XIV вв. Другая половина приходится на время XV-XVIII вв. и надежно датируется монетой Петра I, обнаруженной в кургане № 36.

Большая группа однотипных захоронений, оставленная, судя по обряду, в частности, по редкой для региона южной ориентировке покойных, исследована на могильнике Мокринский I, расположенном в Джангалинском районе Западно-Казахстанской области у Камыш-Самарских озер. Первые исследования на могильниках проводились еще в 50-х гг. И.В. Синицыным и Т.Н. Сениговой. Кроме могильников, большое количество одиночных курганов исследовано в курганных группах Актюбинской и Западно-Казахстанской областей [Кушаев, Железчиков, 1974] (рис.3.).

Курганные насыпи памятников третьей хронологической группы располагаются в большинстве случаев на тех же могильных полях, что и в предыдущем периоде. При этом многие элементы погребального обряда продолжают существовать в этот период. Традиции сооружения курганных насыпей, их форм и размеров, также практически не претерпевают изменений во времени. Изменения обрядовых черт происходит в сооружении на древнем горизонте и в могилах кирпичных конструкций и в исчезновении обычая помещения в яму инвентаря. Но определить с первого взгляда по признакам курганной насыпи эти явления не удастся. Кроме того, курганы XV-XVIII вв. располагаются среди курганов XII-XIV вв. и также фиксируются по установленной на конкретном могильнике системе.

К числу таковых, еще и с соблюдением прежних погребальных традиций, можно отнести погребения могильников Жаман Каргала I, Мокринский I, Лебедевка VI и VIII, Мамай, Кос Оба, Мамбетбай, Мамбеталы, Шалкар III, Калмак Чабан I и др. К группе поздних курганов, образующих собственные могильники можно отнести памятники могильника Караул Тобел, расположенного в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области на второй террасе поймы левого берега реки Урал и могильники Шиликтысай, Новая База и Родники в Актюбинской области. Исследовались эти могильники в 1985 г. В.В. Родионовым и С.Ю. Гуцаловым. Шиликтысайские курганы расположены на краю высокой коренной террасы правого берега реки Орь в 2 км к юго-западу от поселка Шиликтысай Айтекебийского района. Курганы Родники I, находятся на возвышенности левого берега реки Эмба в 8 км к юго-западу от поселка Родники Мугалжарского района Актюбинской области, курганы Новая База находятся на террасе левого берега реки Эмба в 5 км к юго-западу от поселка Новая База этого же района [Кушаев, 1970; Кушаев, 1986; Кушаев, 1968; Мошкова, Железчиков, Кригер, 1978; Родионов, Гуцалов, 1985] (рис.4).

В целом, имеющиеся памятники делятся на две условные группы: могильники с большим числом курганов одного типа и длительной соответственно эксплуатацией и могильники, число насыпей в которых не превышает четырех-пяти, сюда же относятся и одиночные курганы, вкрапленные в могильники эпохи бронзы и раннего железного века. В плане построения реконструкций наиболее показательны большие могильные группы продолжительного хронологического периода, как Жаман Каргала I или Мокринский I. Одиночные захоронения, во многих случаях дающие нетипичный материал, в реконструктивном плане при построении схем, носят вспомогательный характер. Крупные могильники, оставленные, очевидно, одной этнической группой, содержат информацию по сохранению элементов обряда во времени. Размещение памятников по могильникам в большинстве случаев подчинено двум закономерностям: они находятся в районах, имеющих развет-

Бисембаев А.А.

вленную гидросеть, т.е. по берегам рек или озер на возвышенностях, и, второе, при эксплуатации старого могильного поля зачастую соблюдается порядок размещения насыпей.

§3. Результаты картографирования памятников Западного Казахстана.

Дополнительную информацию в особенности погребального обряда несет распределение памятников по регионам, густота размещения и границы. Данные особенности позволяют локализовать ту или иную группу памятников в пределах определенного района. Выявление общих черт в локализованных группах позволит установить присутствуют или нет локальные варианты. И в случае присутствия в какой-то мере объяснить этот факт. Распределение значительного числа средневековых памятников по территории Западного Казахстана предопределяет необходимость работы в данном направлении по принятым хронологическим группам. Такое разделение, по нашему мнению, вполне правомерно, так как для групп различного хронологического диапазона характерны внутренние особенности, связанные с историческими событиями, произошедшими в то или иное время.

Наиболее малочисленной по своему составу является первая хронологическая группа памятников (рис. 2). Всего в наличии имеется 32 погребения, сосредоточенных в 18 могильниках. Особенностью этой группы является то, что погребения в основном одиночные на могильниках и почти не образуют собственных могильных полей. Исключением являются погребения, локализованные в могильнике Карасу I, всего 10, что составляет 31,3% от общего числа анализируемых погребений первой группы. По два погребения представлено в могильниках Калмак Чабан I, Мамай и Свистун-горе, что составляет по 6,25%. Но если в двух первых могильниках погребения находятся в разных курганах, то в Свистун-горе они имеют общую курганную насыпь, т.е. одновременны. Остальные одиночные в могильниках. Важным обстоятельством является наличие или отсутствие собственной курганной насы-

пи. Погребений, впущенных в курганный насыпь предыдущих эпох около половины от общего числа - 14(43,8%), что является значительным показателем, по сути дела характеризующим признаком.

Размещение памятников на карте показывает, что они в основном локализуются в бассейнах Илека, Урала и Большого и Малого Узеней. Половина всех погребений сосредоточена в западной части исследуемого региона, в бассейне Большого и Малого Узеней - 46,9%. Это объясняется расположением здесь крупного могильника Карасу I, а также могильников Мамай, Шалкар и Кос Оба. Бассейн реки Урал занимает вторую позицию по числу имеющихся погребений, здесь их обнаружено 9, что составляет 28,1%. По три одиночных погребения локализуются в Уило-Эмбенском и Илекском бассейнах - по 9,4 % соответственно. Всего два погребения приурочено к бассейну реки Иргиз, что составляет 6,2%. Даже при беглом ознакомлении с картой заметно, что памятники первой хронологической группы образуют две локальные подгруппы, восточную и западную. Условную границу являет собой река Урал. Причем, западная группа локализуется довольно компактно, в ней присутствует наибольшее число погребений с собственной курганной насыпью. Восточная же группа, приуроченная к бассейнам рек Илек, Иргиз, Уил и Эмба, уступает в численном отношении. Кроме того, размещение ее памятников носит рассеянный характер, здесь превалирует группа впускных захоронений.

Таким образом, проведенное картографирование выявляет наличие двух локальных групп памятников, в числе погребений относящихся к первому хронологическому периоду. Данный факт, вместе с особенностью расположения всех памятников в северной зоне Западного Казахстана, дает направление в углубленном исследовании погребального обряда в следующих частях работы.

Следующая хронологическая группа памятников представлена 103 погребениями, сосредоточенными в 85 курганах (рис. 3). Распределение курганов с погребениями приходится на 25 могильных полей. Общего объема материалов вполне доста-

точно для картографического анализа. Ряд могильников, расположенных очень близко и имеющих одно общее название, но с различными числительными определениями - I, II, III, IV и т.д. на карте имеют одно обозначение, так как в большинстве случаев представляют один комплекс, разделенный на части авторами отчетов. Самым крупным подобным комплексом с однотипными захоронениями является могильник Мокринский. Численное превосходство погребений данного могильника подавляющее, их 28, что составляет 27,2% соответственно. Но такое скопление погребений по существу является единственным. Количественное распределение погребений по могильникам в следующей численной, условно принятой как средней категории составляет от 12 до 5 погребений. Самый крупный могильник, исследованный Б.Н. Граковым - Худай Берген, содержит 12 погребений, каждое из которых имеет собственную курганную насыпь. Процентный показатель равен 11,7%. Далее, идет крупный могильник Жаман Каргала I с девятью погребениями (8,7%). По шесть погребений этого хронологического отрезка содержат исследованные И.В. Сеницыным и Т.Н. Сениговой могильники Джангала и Кара Оба, расположенные в бассейне Большого и Малого Узеней [Сенигова, 1956; Сеницын, 1956]. Процентные показатели, равные в этом случае, составляют по 5,8%. Пять погребений приходится на могильник Целинный I - это 4,8% соответственно.

Следующая категория могильников малая, содержащая от 4 до 1 погребения, наиболее многочисленная. По четыре погребения приходится на могильники Алебастрово, Шалкар и Барбастау, т.е. по 3,9%. Но если в первых двух могильниках погребения имеют собственную курганную насыпь, то в последнем они все сосредоточены под одной и, судя по стратиграфии и единству обряда, одновременные. В могильниках Тюкей Молла, Кос Оба, Мамбеталы выявлено по три погребения, интересующего времени - это составляет по 2,9% в каждом. В трех могильниках - Калмак Чабан, Жарсуат и Новая База по два погребения или 1,9%; и в остальных по одному. Процентный показатель одиночного захоронения - 0,97% [Мелентьев, 1970].

Общее размещение могильников по карте показывает их равномерное распределение по площади исследуемого региона. Некоторое скопление наблюдается в западной части за рекой Урал, в бассейнах Большого и Малого Узеней. Восточная зона немного уступает по количеству памятников. Полностью отсутствуют эти памятники в южной части в зоне пустыни. Однако это не говорит об абсолютном их отсутствии. Данный момент объясняется слабой изученностью южной части Западного Казахстана. Картографирование памятников второй хронологической группы XI-XIV вв. показывает, что предложенное первоначально исследователями распределение курганов с различными обрядовыми чертами на две локальные группы: курганы с земляными насыпями западной группы и курганы с каменными насыпями восточной группы, с границей между группами по меридиональной линии у города Актобе, не подтвердилось [Кригер, 1986. С.128; Иванов, Кригер, 1988. С.43; Иванов, Яминов, 1993. С.154-160]. Кроме того, значительно сокращается число впускных захоронений. Их в анализируемой группе всего четыре - 3,9%.

Третья хронологическая группа также весьма представительна, хотя и уступает второй по численности (рис. 4). Временные рамки XV-XVIII вв. охватывают 85 погребений, обнаруженных в 68 курганах и сосредоточенных в 24 могильниках. Распределение погребений третьей группы идет по тем же могильным полям, что и во второй, поэтому при вычислениях за основу взяты те же принципы. Впускных погребений в этой группе несколько больше - 8, что составляет 9,4%.

Самое большое скопление погребений в количестве 16 приходится на могильник Жаман Каргала I. Это единственный, большой могильник этого периода, с процентным показателем равным 18,8%. Два могильника Родники I и Караул Тобе I содержат равное число погребений по 7 (8,2% соответственно). По 5 погребений исследовано в могильниках Шулаксай I, Алебастрово, Жанабаз и у озера Райм, что составляет по 5,9% в каждом. Присутствие 4 погребений зафиксировано в одном случае, в могильнике Шиликтысай, это порядка 4,7% от анализируемого числа погребений третьей хронологичес-

кой группы [Гуцалов, Ткачев, Бисембаев, 1995].

По три погребения приходится на могильник Новая База, Саралжин, Танаберген, Мамбетбай, Калмак Чабан, Лебедев-ка, Мокринский, что составляет по 3,5% соответственно в каждом могильнике. Два погребения исследованы только в могильнике Кенесту I, дающих малый процентный показатель - 2,6%. В остальных могильниках погребения одиночные (по 1,2% соответственно). Одиночные погребения зафиксированы в 8 оставшихся могильниках, что составляет ровно третью часть от общего числа могильников с погребальными комплексами третьей группы (33,33%) [Гуцалов, 1991].

Картина расположения памятников по карте несколько иная, большее число памятников сосредоточено в центральной и восточной частях Западного Казахстана. Довольно значительное количество фиксируется в Иргизо-Илекском междуречье. В целом, в картографировании задействованы 220 погребений, полученных из 44 могильников, исследуемой территории. Внимание привлекают могильники, погребения которых относятся к разным хронологическим группам. Так, при выявлении подобных связей между первой и второй хронологическими группами число могильников, фигурирующих в обоих случаях равно 5, что составляет 11,4% от общего числа могильников. Число подобных связей между второй и третьей группами уже значительное - захоронения обеих групп встречаются в 12 могильниках, это 27,3% соответственно. Могильников, содержащих погребения первой и третьей хронологических групп, 7, процентный показатель составляет 15,9%.

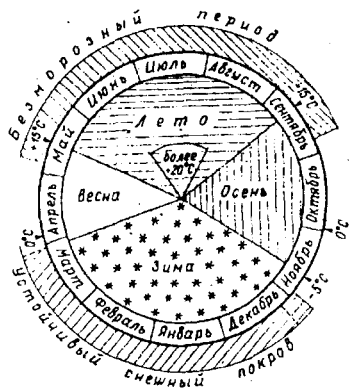
В этом плане особенно привлекательны могильники "сквозного" характера, на которых присутствуют погребения всех трех хронологических групп. Это могильники Калмак Чабан, Шалкар, Карасу, Кос Оба, Жаман Каргала, Лебедев-ка, т.е. всего шесть, процентный показатель порядка 13,6% довольно значительный. При ознакомлении с могильниками становится понятной причина столь длительной эксплуатации. Эти могильники имеют ряд общих черт: они располагаются на значительном господствующем возвышении, их общая площадь довольно велика, присутствуют погребения предыдущих эпох

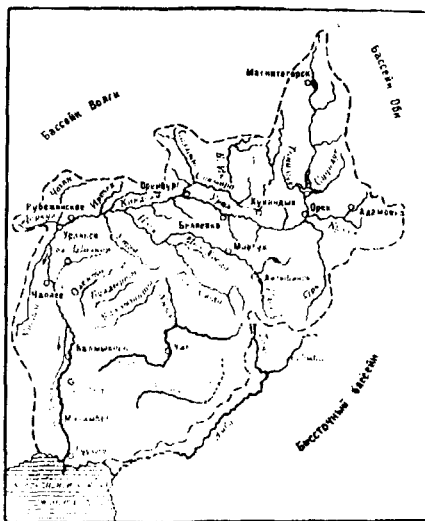
- от бронзы до раннего железного века, причем, такие же яркие и неординарные [Мошкова, Железчиков, Кригер, 1979. С.538-539]. И еще одно немаловажное обстоятельство - все они располагаются в степной зоне, где присутствуют значительные водные источники, т.е. наблюдается определенная привязка к гидросети.

Территория Западного Казахстана весьма обширна. По природно-климатическим данным здесь прослеживаются несколько природных зон: лесостепь, степь, полупустыня и пустыня. Хотя и не наблюдается значительных поднятий местности формы микрорельефа очень разнообразны, от значительных понижений до старых горообразований. Все это многообразие вкпе с климатическими данными и хорошо развитой системой гидросети, приобщенной к бассейну такой крупной реки, как Урал, не могло не повлиять на размещение памятников. Благоприятные условия экологической ниши степной зоны обусловили происхождение большого числа памятников эпохи средневековья. Различия в их размещении и количественный состав вполне объяснимы с позиций произошедших исторических событий. Конкретную роль в этих моментах играют и природно-климатические условия, пригодные для проживания человека, а определенные территории, наиболее комфортные с этой точки зрения, становились притягательными для представителей кочевого населения. При демографическом всплеске или конфликтных ситуациях эти территории являли собой объект претензий с различных сторон. Не случайно именно в таких зонах располагаются крупные могильники, использовавшиеся людьми на протяжении длительного времени.

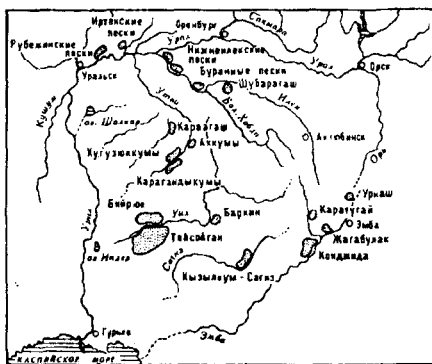

1

2

3

Рис. 1. Природно-географические данные Западного Казахстана
 1 - Диаграмма температурных сезонов;
 2- Гидросеть Урало-Эмбенского междуречья (по Г.Е. Москалеву);
 3- Песчаные массивы Урало-Эмбенского бассейна (по А.А. Чибилеву).

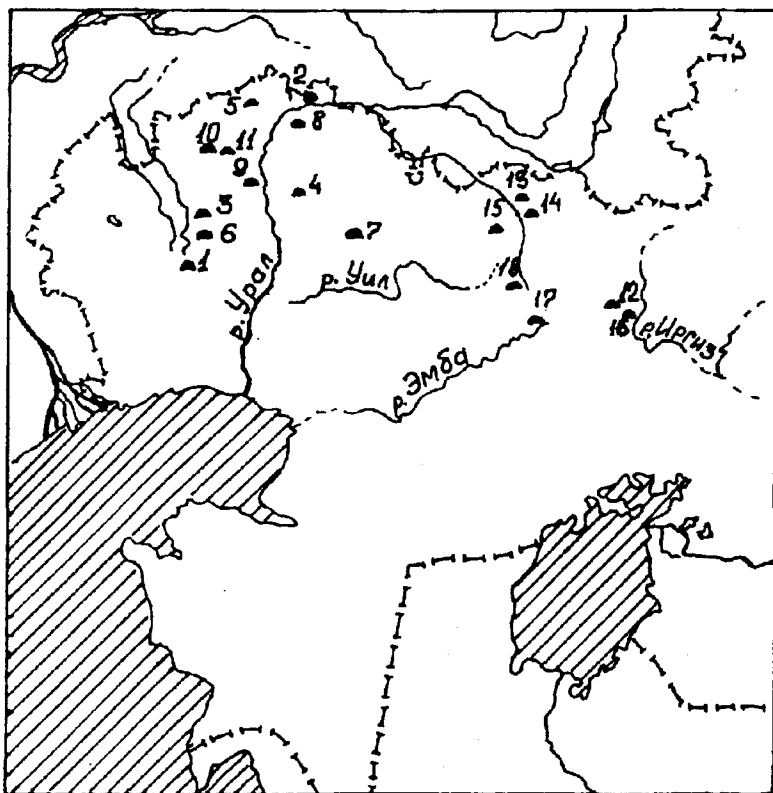

Рис. 2. Карта размещения памятников первой хронологической группы: 1 - Карасу; 2 - Рубежка; 3 - Мамай; 4 - Шалкар; 5 - Калмак-Чабан I; 6 - Кос-Оба; 7 - Лебедевка; 8 - Свистун-гора; 9 - Турбаза; 10 - Солянка; 11 - Орлиное гнездо; 12 - Жолуткен; 13 - Жаман-Каргала; 14 - Песчаный карьер; 15 - Болгарка; 16 - Атпа; 17 - Эмба; 18 - Уркак I.

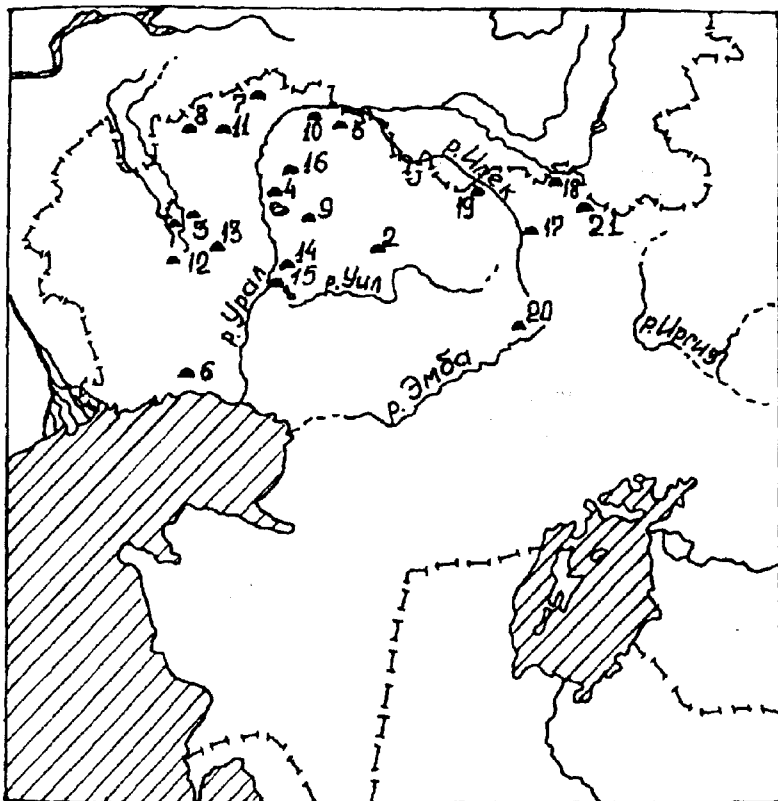

Рис. 3. Карта распространения памятников второй хронологической группы: 1 - Мокрицкий I, II, III; 2 - Лебедевка VI, VIII; 3 - Кос-Оба; 4 - Шалкар IV, V; 5 - Алебастрово I, II; 6 - Тюкей Мола; 7 - Калмак-Чапан I, II; 8 - Мечей (Жиров); 9 - Жарсуат I; 10 - Барбастау I; 11 - Бубенцы II; 12 - Джангала; 13 - Райм I; 14 - Мамбеталы; 15 - Мамбетбай; 16 - Базар-Тобе I; 17 - Жаман-Каргала I; 18 - Салтак I; 19 - Целишты I; 20 - Новая База II; 21 - Худай-Берген.

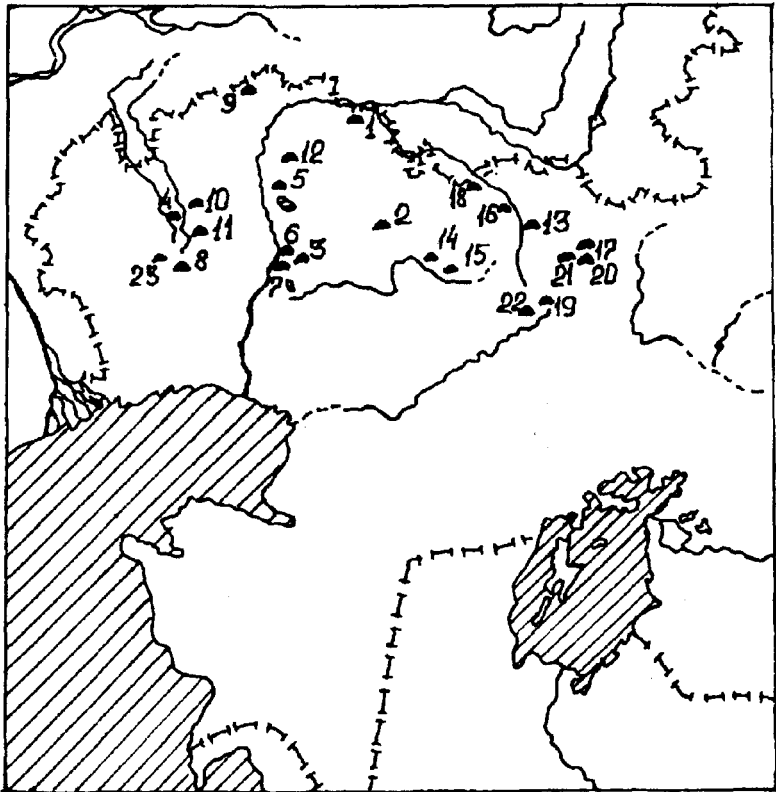

Рис. 4. Карта распространения памятников третьей хронологической группы: 1 - Албастрово I, II; 2 - Лебедевка VIII; 3 - Караул-Тобе I; 4 - Мокришский III; 5 - Шалкар III; 6 - Мамбеталы; 7 - Мамбетбай; 8 - Карасу; 9 - Калмак-Чабан I; 10 - Мамай; 11 - Кос-Оба; 12 - Базар-Тобе I; 13 - Жаман-Каргала I; 14 - Кенесту; 15 - Саралжис; 16 - Танаберген II; 17 - Жанабаз; 18 - Целистый I; 19 - Родники; 20 - Шиликтысай; 21 - Щулаксай; 22 - Новая База I, II; 23 - Райм.

ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО ВРЕМЕНИ (VIII-XI ВВ.)

§1. Общая характеристика погребального обряда.

Археологические памятники первой хронологической группы представлена 32 погребальными комплексами. Материал, в целом, при своей малочисленности крайне разнороден и своеобразен. Общее сравнение памятников между собой показывает: погребения по чертам обряда объединяются в несколько характерных типов. Для более четкого типологического деления были проведены общие расчетные вычисления по всей группе по таким параметрам, как размеры и конструкция курганной насыпи, наличие костей лошади, глубина и форма могильной ямы, ориентировка погребенных и др. Подобные расчеты обнаруживают лишь общие тенденции в погребальном обряде, обрисовывают главные черты по максимальным показателям, но не охватывают всего многообразия и соответственно не могут претендовать на полную и всеобъемлющую характеристику погребального обряда, однако, помогая выявить основные критерии для выделения типов.

Из рассматриваемых комплексов первой группы почти половина - 43,8% не имеют собственной курганной насыпи и впущены в курганы более раннего времени. Курганные насыпи малого диаметра от 4 до 8 м представлены в незначительном количестве - 12,5% от общего числа анализируемых памятников первой группы. Основная часть насыпей от 8 до 15 м, что составляет порядка 37,5%. В подавляющем большинстве случаев курганная насыпь - земляная. Всего в двух случаях насыпь сооружалась с применением камня - курган № 11, могильника Лебедевка VI, и курган № 12 могильника Шалкар III. Но характер присутствия камней в обоих случаях различный. Если в кургане могильника Лебедевка насыпь содержала включение мелкого щебня, что едва ли говорит о присутствии каменной конструкции, то в шалкарском кургане камни плотным слоем образовывали выкладку над могилой, отсутствуя

на периферии кургана. В одном случае под насыпью кургана обнаружено каменное кольцо - в кургане № 4 могильника Жолуткен (Кепир I) [Гуцалов, 1995].

Сложной для определения категорией является наличие костей животных, за исключением копыт, черепа или целого скелета лошади. По наличию костей в насыпи кургана или на дне могильной ямы этот момент условно можно обозначить как следы тризны или остатки заупокойной пищи соответственно. Присутствие костей мелкого рогатого скота или лошади в виде ребер, позвонков или трубчатых костей в насыпи курганов зафиксировано в семи случаях, что составляет 21,9%. Столько же раз кости животных обнаружены на дне могильной ямы. В двух случаях кости обнаружены в насыпи могилы. Этот момент, как нам кажется, больше тяготеет к элементам тризны. Такое проявление в погребальном обряде, как культ огня, зафиксировано трижды в насыпях курганов и пять раз в могилах (15,6%). Следы огня прослеживаются в виде прокаленной земли, кострища, остатков обгоревшего дерева, угольков или золы.

Преобладающей формой могильной ямы для первого периода является обычная прямоугольная - 62,5%. Ямы с уступом или уступами вдоль длинных стен составляют 18,8% от общего числа рассматриваемых комплексов. Наличие уступов свидетельствует в пользу сооружения перекрытия, которое зачастую не сохраняется. Подбойные могилы весьма немногочисленны, обнаружены в четырех случаях (12,5%). Два кургана могильных ям не содержат совсем. Могильные ямы глубиной до полуметра, неглубокие, составляют 21,9%, средней глубины, в пределах одного метра - 25% (8); глубокие от 1,5 до 2,5 м - 49,2%, представлены в подавляющем большинстве.

Целый скелет лошади встречен в одном случае, в могильнике "Турбаза", в кургане № 1 (рис.5.) [Кушаев, 1992]. Части скелета в виде "чучела", разложенных в анатомическом порядке костей ног и черепа, обнаружены в 46,9% погребениях. Кости лошади обнаружены также в 15,6% могил, но в данном случае не установлено из-за ограбления присутствовал целый остов или только "чучело". Кости лошади выявлены на уступе в

могильной яме в шести случаях, что составляет 18,8%; на перекрытии всего два случая; рядом с человеком в могильной яме - семь случаев (21,9%).

Западная ориентировка скелетов погребенных является доминирующей в первой группе - 37,5%. Восточная, северо-западная, северо-восточная представлены в равной пропорции по два случая (6,2%). Северная ориентировка - 12,5%, юго-западная - 18,8%. Погребальные комплексы с юго-восточной ориентировкой костяка не встречены. Южная ориентировка представлена всего в одном случае, в кургане № 12 могильника Шалкар III.

Остатки деревянных конструкций в виде перекрытия зафиксированы в 28,1% могил; в виде гробовищ всего в двух случаях (6,2%); заклад из деревянных плах с камнями, закрывавший вход в подбой представлен 6,2% могил. Дважды достоверно установлено присутствие настила под скелетом погребенного. В кургане Болгарка I расчищена сложная конструкция, закрывавшая вход в подбой. Она состояла из березовых кольев-стоек, косо прислоненных к стенке входной ямы. Поверх стоек был беспорядочно набросан хворост из тонких березовых веток с остатками листьев. Сверху на хворост был насыпан слой черной сажистой земли с мелкими угольками и комками обожженной глины. И на этой площадке было похоронено "чучело" коня с седлом и уздечкой. Кроме этой конструкции, в могиле дополнительно зафиксированы остатки гроба (рис.6.).

Археологические памятники первой хронологической группы практически не образуют крупных могильников, за исключением курганной группы Карасу I, расположенной в низовьях Большого и Малого Узеней и исследовавшейся экспедицией Уральского педагогического института. Небольшой в количественном плане материал рассредоточен по обширной территории Западного Казахстана. Подобная картина с памятниками синхронного периода наблюдается в соседних регионах: в Заволжье и Пруралье, расположенные в междуречье Дона и Волги, имеют тенденцию сближения с памятниками Подонья и Северного Кавказа [Кригер, 1896.С.125]. Пожалуй, только

памятники Южной Башкирии представляют собой хорошо очерченный круг погребений определенного типа со сходным инвентарем и общими чертами в погребальном обряде [Мажитов, 1981].

Осложняет данную ситуацию то обстоятельство, что в погребальных комплексах первой группы значительный процент потревоженных и ограбленных захоронений. Информативность и достоверность таких комплексов значительно снижается (рис. 8, 9, 13.). Возможность сравнения обряда курганных групп затруднена из-за того, что погребения в большинстве случаев единичные, не образующие группы на одном могильнике. В археологической литературе существует разработанная типологическая классификация для этого хронологического периода [Плетнева, 1958; Федоров-Давыдов, 1973]. За основу взято присутствие костей лошади, с дополнительным подразделением по форме могильных ям и ориентировке покойников. В нашем случае эта схема будет выглядеть излишне громоздкой и содержать типы, представленные зачастую одним погребением. Поэтому сравнение более перспективно проводить по типам погребений, которые выделяются на основе рельефных характерных черт. К подобным типам можно отнести погребения с костями лошади, погребения, не содержащие костей лошади, и специфические погребальные комплексы без скелета человека.

Первый тип захоронений, содержащих кости лошади самые многочисленный. В 15 погребениях достоверно установлено присутствие частей скелета и в одном случае имеется полный скелет лошади. Еще в 5 потревоженных погребальных комплексах обнаружены кости лошади, но установить первоначальную картину окончательно невозможно. Общее число комплексов этого типа составляет 21 захоронение, процентный показатель порядка 65,6% - т.е. подавляющее большинство. Погребение в кургане № 1 могильника Турбаза, содержащее полный скелет лошади, выделяется в отдельный подтип. В этом случае скелет лошади находился справа от человека, ориентированного на северо-восток. Остов лошади был ориентирован в противоположную сторону, т.е. на юг. Данное захоронение

частично соответствует VII типу отдела Е, по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966. С.127].

В 9 погребениях "чучело" лошади находилось рядом со скелетом человека в могильной яме (42,9% в этом типе погребений). Расположение костей на уступе, вырубленном в могиле, зафиксировано 6 раз - это составляет 28,6% по рассматриваемому типу, и дважды достоверно установлено расположение костей коня на деревянном перекрытии (9,5%). Погребения с западной ориентировкой покойника в 7 случаях сопровождаются части конского скелета, что составляет ровно треть в данном типе. Юго-западной ориентировке человека установлено 5 случаев соответствия костей лошади - 23,8%.

В кургане № 12 могильника Шалкар III и во втором погребении кургана № 11 могильника Карасу I (рис.7, 8-А) "чучело" лошади было ориентировано в ту же сторону, что и покойник. Два практически идентичных захоронения курганов № 10, 20 могильника Карасу I содержали погребения в подбоях. Кости лошадей, уложенные в анатомическом порядке на уступе во входной яме были ориентированы в противоположную от человека сторону [Кокебаева, 1980. С.96-99]. Разница в погребальном обряде заключается в том, что скелет человека в кургане № 10 был ориентирован на восток, а в кургане № 20 на запад. Все вышеперечисленные погребения содержали "чучело" коня со снаряжением, от которого остались разной сохранности удила, стремяна, пряжки и т.п. Немаловажным обстоятельством является то, что инвентарь, сопровождающий покойника, богат и выразителен - это различного вида предметы вооружения, быта, украшения (рис.8-Б, 9-А.).

Наличие костей лошади в ином варианте присутствует в следующей группе погребений: кургана № 8, впускного захоронения кургана № 18 могильника Карасу I, также впускного захоронения кургана № 11 могильника Кос Оба и кургана № 8 могильника Шалкар II (рис.9-Б, В, 10.). Ориентировка скелетов во всех погребениях западного направления с небольшим отклонением к югу в двух случаях. Отличительной чертой этой группы является присутствие в могиле костей ног и копыт лошади без черепа, причем ног лошади одна, две, три, но никак

не четыре, и они помещаются в ногах у покойника. В одном случае (могильник Шалкар II, курган № 8) они находились на уступе. Учитывая наличие в могилах нижних частей ног лошади с копытами, пищевая ценность которых практически равна нулю, едва ли возможно рассматривать их в качестве заупокойной пищи. Скорее всего, это один из вариантов рассматриваемого обряда. Видоизменение в этом случае можно рассматривать как деградацию обряда во времени, либо как проявление социальной дифференциации. В пользу этого свидетельствует малочисленность и невыразительность инвентаря в этих погребениях.

В 8 погребениях первой хронологической группы кости лошади не содержатся в указанных проявлениях, это порядка 25% от всего количества памятников группы. Этот тип погребений составляют памятники из могильников "Орлиное гнездо", Атна II, Уркач I (рис.11, 17.), Рубежка, курганов № 3,6 могильника Мамай, № 1 могильника Лиманы (Солянка I) и случайные находки погребения Эмба. В 6 погребениях ориентировка западная с отклонениями к северу или югу, в одном случае северная и в одном восточная. Кроме Уркачевского захоронения, во всех случаях форма могильной ямы простая. В 5 погребениях, исключая захоронения могильников "Орлиное гнездо", курганов № 6 могильника Мамай и № 1 могильника Лиманы (Солянка I) (рис.12-А.), присутствуют предметы конской сбруи: остатки седел, стремяна, удила, уздечные наборы, т.е. налицо символизация погребения с конем.

Под тремя насыпями в могильниках Калмак Чабан I, курганы № 8 и 9, а также кургана № 4 группы Жолуткен (Кепир I) захоронения человека отсутствовали. В одном случае, в кургане № 8 могильника Калмак Чабан I, была сооружена яма, где на вырубленном уступе находилось "чучело" лошади в снаряжении и присутствовали наконечники стрел (рис.13-А.). В двух других могильной ямы не было вообще. В кургане № 4 могильника Жолуткен под насыпью на уровне погребенной почвы находились ноги и череп коня, уложенные в анатомическом порядке с двумя железными стремянами без дужек и черешковым наконечником стрелы. На этом же уровне была

обнаружена поясная бляха, единственная находка в кургане № 9 могильника Калмак Чабан I.

Таким образом, разрозненные погребальные комплексы первой хронологической группы объединяются в три основных типа: погребения с конем, погребения без коня и кенотафы. Сравнения по погребальному обряду двух выделенных в результате картографирования локальных групп (см. глава 2, параграф 3) показывает, что в западной более многочисленной группе преобладают два первых типа. Погребения этой группы в большинстве своем имеют собственную курганную насыпь, захоронения человека с конем снабжены выразительным воинским инвентарем и по основным характеристикам они сближаются между собой. Восточная группа, кроме малочисленности, отличается большей вариативностью в чертах погребального обряда. Погребения с частями коня зафиксированы в Болгарке, Жаман Каргале и Песчаном карьере. Этой группе присущ "разброс" в ориентировке и элементах обряда. Общие же тенденции таковы: для первой хронологической группы наиболее характерным типом является погребение человека с конем, точнее с его частями, так называемым "чучелом". В этом случае присутствует конское снаряжение в виде сбруйного и уздечного наборов. Доминирующей ориентировкой является западная, с небольшими отклонениями к северу и югу. Подбойные захоронения во всех случаях имеют богатый инвентарь и усложненный комплект обрядовых черт, что однозначно маркирует особую социальную прослойку кочевого общества. Пара погребений из Эмбы и Атпы по обрядовым чертам и комплексу инвентаря находят полные аналогии погребения Южной Башкирии. Сооружение кенотафов, в целом, не отличается от обычных курганов по обрядовым чертам, кроме того, что отсутствует скелет человека. Инвентарные комплексы обеих локальных групп, в целом, близки и характерны для рассматриваемого времени VIII-XI вв., а подробный анализ и сопоставление с чертами погребального обряда позволит произвести хронологическое и этнокультурное определение.

§2. Типология вещевых комплексов первой хронологической группы.

Предметы материальной культуры поздних кочевников, обнаруженные в результате раскопок представляют собой богатейший материал для различного рода реконструкций этнического, социального, экономического характера. Особенное значение в хронологическом и, соответственно, этнокультурном определении приобретают те категории инвентаря, которые бытовали в четко очерченный временной отрезок и соответственно могут играть роль хронологического "репера". Подобные вещи, находящиеся в погребении и объединенные в логическую цепь, помогают точнее определить время сооружения данного погребения.

Значительный объем вещевого инвентаря имеет продолжительное бытование во времени. Кроме того, отдельные категории незначительно видоизменяются, сочетая в себе черты нескольких типов. Сложность в типологическом определении создают плохая сохранность той или иной вещи, либо утраченная ее часть, как зачастую происходит с верхней частью стрелы, когда по оставшейся подножке затруднительно конкретно определить типологическую принадлежность. Работа в этом направлении значительно облегчается тем обстоятельством, что на данный момент в археологической литературе нарабатан основательный опыт подобного типологического определения. Существует масса разнообразных классификаций, ранее разработанных и ныне действующих. Особенно ценно то, что во многих из них, проверенных временем, проведена датировка вещей, выявлены связующие типы, разработана корреляция [Плетнева, 1958; Плетнева, 1973; Федоров-Давыдов, 1966; Мажитов, 1977; Иванов, Кригер, 1988].

Малочисленность рассматриваемых комплексов, а также их сходство с имеющимися в археологической литературе, позволяет нам при рассмотрении категорий вещей воспользоваться типологией, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, надежность которой показала проверка временем. Дополнительные типы, с учетом того же принципа буквенной и цифровой

индексации введены В.А. Ивановым и В.А. Кригером. Вещи распределены по следующим категориям: 1) принадлежности конской сбруи (стремена, удила, седла); 2) вооружение (наконечники стрел, колчаны, сабли, копыя, защитные доспехи); 3) украшения (серьги, бусы, перстни, подвески, нашивки, зеркала и др.); 4) предметы быта (кресала, ножи, ножницы, гребни, посуда и пр.).

Принадлежности конской сбруи.

Стремена в анализируемых погребениях первой хронологической группы представлены 19 экземплярами. В ряде случаев в ограбленных погребениях встречены обломки, которые типологически не определены. Этот тип вещей в данной категории представляет собой самый массовый материал, доминируя над остальными. Факт превалирования объясняется попарным нахождением стремян в большинстве случаев. Стремена в могилах помещаются зачастую отдельно от седел. По номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова представлены стремяна следующих типов: БI, БII, ВII, ГIV, ДII, ЕIV. Стремена типов БI, БII с достаточно узкой закругленной книзу подножкой, с круглой или прямоугольной выделенной петлей. Характерный контур, переходный от яйцевидного к арочному. Данный тип является доминирующим, т.е. характерным для этого хронологического периода. Наиболее яркие образцы зафиксированы в погребениях курганов № 11 и 20 могильника Карасу I.

Тип ВII - стремяна арочной формы, с широкой плоской подножкой и слегка выделенной петлей. Дужка в месте соединения с подножкой сплющена с боков.

Стремена типа ГIV имеют узкую закругленную книзу подножку и небольшие выступы в месте крепления дужки и подножки. Характерный контур - арочный.

Стремена типа ДII арочной формы, верхняя часть дужки закруглена и расплющена. Дужка округлая в сечении, подножка узкая.

Тип стремян ЕIV имеет арочный контур, широкую подножку. Дужка расплющена в нижней части и образует выступы как у типа ГIV.

Зачастую в погребениях рассматриваемого периода встречается только одно стремя. Располагаются стремена среди костей коня на месте спины. В кургане № 15 могильника Уркач I стремя находилось вместе с седлом в ногах покойного. Из-за ограбления местоположение стремян в ряде случаев определить не удается.

Удила. Находки удила представлены 12 экземплярами. Это вторая по массовости категория вещей из принадлежностей конской сбруи. В рассматриваемых памятниках представлены удила типов VI, GI, GII, GIV. Односоставные удила типа VI являются одной из характерных категорий инвентаря первой хронологической группы. Подобный момент уже анализировался в литературе, когда нахождение именно этого типа было выведено в определяющие моменты для первой хронологической группы: отстаивался тезис о маркировке такими удилами огузских погребений [Мец, 1948]. В противовес выдвинутой гипотезе идет тот факт, что следующий тип удила GI, GII, GIV - двусоставные, наиболее многочисленный. Он встречается на протяжении длительного времени. Зачастую одно из звеньев удила короче другого почти в два раза. Кольца закреплены подвижно за счет загиба концов звеньев. Диаметр колец от 3-4 см до 6-7 см. Обычно удила находятся в зубах у черепа лошади. В этом случае они идут в комплекте с уздечным набором, в который входят различного типа бляхи, являющиеся как украшением, так и несущие определенную функцию, например, соединяя ремни оголовья. В некоторых погребениях без костей коня их находят на дне могилы рядом с человеком.

Седла, точнее их остатки, достоверно зафиксированы в 3-х случаях: в кургане № 15 могильника Уркач I, в кургане Болгарка I, в кургане № 20 могильника Карасу I. Представлены в виде остатков деревянных лук и полок. Частично на них сохраняется обтягивающая кожа. В уркачевском погребении на передней луке седла была закреплена узкая костяная пластинка с отверстиями. В погребениях, содержащих "чучело" коня со стременами, расположенными на месте спины, седла, по всей вероятности, не сохранились.

Предметы вооружения.

Наиболее многочисленная категория наступательного вооружения, присутствующая во многих погребениях - железные **наконечники стрел** различных типов. Всего в данной хронологической группе памятников достоверно определено 46 экземпляров. Затрудняет определение коррозия, в результате действия которой наконечники зачастую "спекаются" в один комок, либо практически не сохраняются. Наконечники черешковые, массивные длиной до 12-13 см. Сечение боевой части круглое, трехгранное или плоское. Представлены типами AI, BIV, VIII, BIV, BVII, BVIII, BIX по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова.

Размещаются стрелы в погребениях в берестяных или деревянных колчанах остриями вверх. Часто находят без колчанов рядом с человеком. Количество в одном захоронении в большинстве случаев невелико - от 3 до 7 экземпляров. Костяные наконечники, полученные в трех памятниках, небольшие по размерам, круглые в сечении, пулевидные. Костяной наконечник длиной 8,5 см с биконическим в сечении пером и длинным черешком, происходит из впускного захоронения кургана № 11 могильника Кос Оба. Интересно то, что этот экземпляр довольно внушительного размера, с башневидной по форме головкой. Длина прямоугольной в сечении черешка составляет 4,5 см. Причем, в этом случае он в погребении был в единственном экземпляре, без железных наконечников [Кригер, 1979. С.175].

Три железных наконечника раннего типа относятся к категории случайных находок. Они трехлопастные, черешковые, со сводчатой боевой частью. У одного в нижней части лопастей сделаны выемки, возможно, для крепления горючих материалов (например, пакли). Два других по форме вытянутые шестиугольники (рис.15-10-15).

Колчаны, в которых располагались стрелы, в большинстве случаев изготавливались из бересты. По форме они представляют собой овальную трубку с расширением на одном конце. В верхней части, где располагаются наконечники, зачастую присутствует щиток. В одном случае, в атпинском погребении

колчан был выполнен из цельного куска дерева. В качестве образца следует привести колчан из уркачевского погребения. Данный экземпляр, найденный в могиле рядом с человеком, изготовлен из бересты. Длиной около метра с широким основанием и сужающейся кверху горловиной. На бересте в нижней части зафиксированы остатки обтягивающей колчан кожи. В верхней части колчана был кожаный пояс с нашитыми железными крестовидными, трехдырчатыми и дуговидными бляшками с остатками позолоты [Бисембаев, Гуцалов, 1996]. При колчане зафиксированы остатки ремней, с помощью которых он крепился к поясу. Кроме того, в погребениях встречаются костяные петли для крепления колчанов и костяные обкладки, применяемые для сохранения формы колчана. Две костяные обкладки стреловидной формы встречены в погребении кургана № 1 могильника Лиманы (Солянка I).

Лук. Обнаружено 28 экземпляров костяных накладок на лук. Сама деревянная основа лука (кибить) не сохраняется. Преобладающая форма костяных накладок - овалы с выемками ("рыбки") с выпуклой одной стороной и плоской с насечками на другой. Другой тип - концевые с характерными выемками для тетивы. Внешняя сторона накладок хорошо заполирована. Косые пересекающиеся насечки с внутренней стороны выполнялись для более надежной фиксации на деревянной основе. В качестве примера следует привести остатки лука и костяные накладки из кургана № 12 могильника Шалкар III.

Сабли. Довольно редкий тип вооружения, что объясняется трудностью в изготовлении и, следовательно, дороговизной. Встречено 5 экземпляров. Клинок слабо изогнутый, длиной около 1 метра. Сечение клинка линзовидное. Наиболее яркий образец выделен в литературе у И.В. Синицына. Сабли иногда находятся в деревянных ножнах, от которых остается тлен. Поэтому технологию изготовления ножен проследить не удастся, для прочности на ножнах используются железные оковки, к которым крепятся кольца или пряжки для подвешивания. Примером может служить клинок из захоронения кургана № 12 могильника Шалкар III. Кроме того, на концевой части ножен этого клинка находилась еще одна бронзовая

Бисембаев А.А.

оковка. У этой сабли рукоять имеет шляпковидное навершие и деревянную обкладку, закрепленную с помощью штифтов.

Кинжал - 3 экземпляра. В уркачевском погребении удалось проследить остатки кинжала с клинком линзовидного сечения и загнутой рукоятью без перекрестия. В могильнике Карасу I, во втором погребении кургана № 11 обнаружен железный кинжал длиной около 18 см с оригинальным навершием рукояти в виде закрученных колец.

Наконечники копий в классическом исполнении с втулкой и выделенным пером не встречены. Известно два экземпляра втоков - задней окантовки древка копья, выполненных в виде свернутой в конус из железного листа трубки. Втоки служили для предупреждения расщепления нижней части древка и могли использоваться в бою в качестве дополнительного наконечника. Первый вток обнаружен в кургане № 8 могильника Шалкар II, второй - в яме Е кургана №1 могильника Турбаза.

Доспехи. Данный тип оборонительного вооружения встречается весьма редко в погребениях средневекового периода. Этот факт объясняется дороговизной такого типа оборонительного вооружения, вытекающей из сложности и трудоемкости процесса изготовления. Наличие оборонительных доспехов "маркирует" элитные погребения. В исследуемом регионе известно два погребения, содержащих пластинчатый панцирь. Это одиночное погребение у озера Сары Айдин, в местности Бек Бике [Синицын, 1950. С.109-112; Синицын, 1956. С.87-92]. И погребение в кургане № 12 могильника Шалкар III [Кушаев, 1993. С.103-104]. Наиболее детально в литературе дано описание и чертежи доспеха из Бек Бике. Панцирь состоял из железных пластин размерами 6,5х3,5 см с небольшими выпуклостями в центре. Пластины заходили друг за друга и крепились кожаными ремешками через небольшие отверстия в верхней и нижней частях пластин. Выполнены пластинчатые доспехи в виде длиннополой безрукавной рубахи. Кроме того, подчеркивает элитность погребений и объединяет их еще одно обстоятельство: вместе с панцирями обнаружены сабельные клинки. У этих пластинчатых доспехов есть некоторые расхождения в технике изготовления. Пластинки из шалкарского по-

гребения уже (1,5 см), при длине 6 см. И они плоские с приостренным нижним краем.

В погребении могильника Шалкар III на лицевых костях черепа обнаружена серебряная маска, которая, по-видимому, также выполняла защитные функции в бою. Кроме пластинчатых панцирей в ограбленной погребении кургана № 1 могильника Карасу I, встречены обрывки кольчуги - защитного снаряжения, выполненного из спаянных железных колец. Шалкарское погребение и захоронение из Бек Бике можно отнести к показательному типу средневекового захоронения. Они содержали защитное вооружение в виде пластинчатого доспеха с лицевой маской, с остатками лука, наконечниками стрел и саблей. В обоих случаях присутствовали кости лошади со сбруйными наборами.

Украшения.

Серьги выполнены из бронзы, серебра или золота. В рассматриваемых комплексах известны 7 экземпляров. 5 из них однотипны: изготовлены в виде кольца с несомкнутыми концами. Иногда концы заострялись и слегка заходили друг за друга. Факт обнаружения в могиле не говорит о половой принадлежности, так как они встречаются и в мужских и женских захоронениях. В атпинском и уркачевском погребениях обнаружены серьги несколько иного типа [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.250-251]. Уркачевское изготовлено из цельного куска золотой проволоки, навитой вокруг одного конца. Завитки заканчивались небольшой овальной петлей. Серьга из атпинского погребения аналогична обнаруженным в памятниках салтовской культуры [Плетнева, 1981. С.150]. Серьги в погребении находятся, как правило, возле черепа покойного.

Перстни известны в двух экземплярах. Они происходят из сходных по составу инвентаря погребений: могильника Атпа II и разрушенного погребения на берегу реки Эмба. Их объединяет и сходство в облике. Оба экземпляра имеют широкий уплощенный щиток с сердоликовой вставкой, зажатой при помощи небольших выступов. Атпинский сделан из серебра, материал эмбенского бронза с серебрением. Камень во втором случае имеет лучшую обработку - отполирован со сто-

ценными гранями (рис.14-35.).

Бусы пастовые, мелкие, круглой формы в количестве четырех штук обнаружены во втором погребении кургана № 11 могильника Карасу I. Одна большая бусина диаметром 1,5 см из горного хрусталя находилась на груди погребенного в кургане № 12 могильника Шалкар III. Точно такой же формы и из такого же материала изготовлена бусина из погребения, опубликованного А.С. Спицыным [Спицын, 1905. С.79-80]. Она, вместе с двумя ониксовыми бусинами, происходит из погребения, аналогичного шалкарскому, где присутствуют оборонительные доспехи, сабельный клинок, колчан и конская сбруя. В эмбенском захоронении бусы были изготовлены из золота в виде шариков с небольшой втулкой и насаживались на тонкую бронзовую проволочку.

Еще одним видом украшений, встречающимся в памятниках рассматриваемого периода являются нашивки на одежду, изготовленные из бронзы, выполненные в виде стилизованных птиц. Характерным украшением именно этого периода являются бронзовые и серебряные бубенчики с небольшой петелькой для крепления к одежде. Чаще всего встречаются по одному. В двух захоронениях, в могильнике Песчаный карьер и эмбенском их было обнаружено несколько. Только в женском захоронении из Песчаного карьера их было 25 штук. По технике изготовления они представляют собой спаянные из двух полусфер шарики с припаянным ушком из проволоки или пластики с отверстием. В нижней части зачастую имеется продольная или крестообразная прорезь и помещенный вовнутрь камешек или кусочек металла для звукового эффекта (рис.14.).

Зеркало в обломках бронзовое с растительным орнаментом на тыльной стороне диаметром 17 см обнаружено в основном погребении кургана № 11 могильника Карасу I. Обломки еще одного зеркала зафиксированы в погребении кургана № 2 на Свистун-горе. Целое зеркало с циркульным орнаментом на обороте найдена в кургане Болгарка I. Все зеркала круглые, без ручек или умбонов.

Железные пряжки различного функционального назначения встречаются довольно часто - известно около 16 экземпляров.

Делятся на поясные и подпругные. Наиболее распространенные следующих типов: 1) прямоугольные, круглые в сечении; 2) полукруглые, плоские в сечении; 3) круглые; 4) восьмиугольные, круглые в сечении. Кроме этих видов, обнаружены две костяные с железным язычком и одна бронзовая, лировидная [Кригер, Железчиков, 1980. С.300].

Еще одна распространенная категория вещей в первой хронологической группе - украшения ремней и поясов в виде золотых, серебряных и бронзовых бляшек, накладок, обойм, распределительных блях и блях-решм. Комплекты блях конской сбруи хорошо представлены в эмбенском и болгаркинском погребениях. Экземпляры выполнены штамповкой, выпуклые с растительным орнаментом. Крепление штифтовое, внешняя поверхность или позолоченная или посеребренная.

Полный комплект поясной гарнитуры встречен в погребениях могильников Уркач I, Атпа II, Карасу I, Мамай. Поясные наборы из Уркача I и Атпы II, а также Эмбы благодаря хорошей сохранности поддаются реконструкции (рис.18-В.). Форма поясных бляшек различная, наиболее распространенный тип - сердцевидные и прямоугольные. Поверхность в некоторых случаях покрыта орнаментом. В погребении кургана № 3 могильника Мамай в комплект поясного набора входили прямоугольные, круглые с отверстиями в центре и фигурные бронзовые бляшки со штифтами или скобами для крепления на ремнях. Особую группу составляют бляхи, украшающие конскую сбрую. Конская уздечка, украшенная бляхами на ремнях оголовья, была обнаружена в погребении кургана Болгарка I [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.254] вместе с массивными бронзовыми с серебрением бляхами - украшениями подпругных ремней.

Предметы быта.

Ножи в могилах располагаются в большинстве случаев у пояса погребенного, иногда у ног или возле головы. В исследуемой группе известно 14 экземпляров. Данная категория бытовых предметов не является показателем половой принадлежности погребенных и в равной степени встречается как в мужских, так и в женских погребениях. Ножи, как правило,

Бисембаев А.А.

черешковые, с прямой спинкой, клиновидные в сечении, небольшого размера - 12-14 см в длину и 1,5-2 см в самом широком месте, возле черешка.

Кресало и точильный камень обнаружены по одному экземпляру. Кресало однолезвийное с несомкнутыми концами. Точильный камень небольшого размера 8,5х3,5х1 см с отверстием на одном конце для подвешивания к поясу.

Ножницы также в одном экземпляре обнаружены в погребении кургана Болгарка I. К сожалению, невозможно точно установить тип этих шарнирных ножниц, так как концы с обеих сторон обломаны. Из этого же погребения происходит хорошо сохранившийся экземпляр двустороннего деревянного гребня с более частыми зубьями на одной стороне.

Шилья или проколки (4 экз.) представляют собой круглые или четырехгранные в сечении железные стержни с остатками насаженных на них деревянных рукоятей.

Посуда в погребениях встречается довольно редко. В богатом уркачевском захоронении находились две небольшого размера металлические плоскодонные чашки. Одна из них меньшего размера с валиком по краю была изготовлена из золота, вторая - из электра, с одной стороны имела полоску железа, прикрепленную двумя заклепками [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.258].

Фрагменты керамики из насыпи кургана № 8 могильника Шалкар II реконструированы и определены автором раскопок Г.А. Кушаевым как составные двух сосудов: в виде плошки с загнутыми краями и лощеного кувшина с узким горлом, по аналогиям с аварскими древностями с территории Чехословакии, отнесены к VII-VIII вв. [Кушаев, 1993. С.100-101]. Обломки керамических сосудов обнаружены также в погребениях кургана № 4 могильника Карасу I и у села Рубежка [Кригер, Железчиков, 1980. С.300-301]. Несколько орнаментированных прорезными линиями фрагментов стеклянного сосуда находились в ограбленном погребении кургана № 2 на Свистунгоре.

Кроме рассмотренных выше категорий вещей, встречающихся в погребении данного времени известны единичные наход-

ки каменного выточенного кольца, костяной ложечки с зооморфным окончанием рукояти, металлического пластинчатого браслета, двух костяных конусовидных колец, надетых на черешок наконечника стрелы, костяной петли от пут, керамического пряслица, железного колчанного крючка, бронзовых прямоугольных обломков, находившихся в тканевых многослойных мешочках и др.

Отдельным блоком представлены случайные находки литых предметов из цветных металлов, сделанные актюбинским краеведом А.Н. Амировым. Предметы, судя по месту общего обнаружения, качеству литья и цвету сплава, одновременные. В составе две серьги со следами излома. Обе похожие, с трехлепестковым наростом на дуге и ромбической рамкой внизу. Также две сходные плоские подвески, по форме напоминающие колесо со спицами, с небольшими утолщениями в виде ложных шариков. На одной из подвесок не ликвидированы затекшие остатки литья между половинками формы. Кроме того, 8 разной степени сохранности биконьковых, трубчатых привесок и ложечка с отверстием на ручке (рис.15). Эти предметы по форме исполнения и по комплекту идентичны вещам прикамских финнов, носителей полемской и ломоватовской культур [Розенфельдт, 1987. С.130-135; Розенфельдт, 1987а. С.144-152]. Интересно то, что эти предметы во многом напоминают литейный брак, т.е. они без следов дополнительной обработки, пожалуй, за исключением серег.

Инвентарные комплексы при детальном анализе являются основным фактором при определении даты сооружения конкретного захоронения. Время бытования той или иной категории вещей, встречающихся в одном погребении, зачастую не совпадает между собой. Кроме того, определенные типы инвентаря отличает длительный хронологический период бытования и значительный географический ареал распространения. Все это осложняет задачу определения даты, рассматриваемых комплексов. Но, как уже говорилось выше, за основу при хронологическом определении была взята оправдавшая себя система датировки и типологии вещевых комплексов, разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым, которая дополнительно

сверялась по результатам работ С.А. Плетневой, Н.А. Мажитова, В.А. Кригера, Е.В. Шнайдштейн и др. Параллельно категорий инвентаря и типы погребений сравнивались с синхронными близлежащих регионов Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Башкирии, Алтая и Сибири.

Значительное количество предметов вооружения данного периода отражает ситуацию той эпохи максимальной приближенности кочевского общества к войне, когда практически каждый кочевник был воином. Наличие изделий из драгоценных металлов, богатые воинские погребения Уркача, Шалкара, Бек Бике иллюстрирует деление общества на определенные слои и служит материалом для социальных реконструкций. Состав инвентаря также фиксирует и половую принадлежность погребенных. Такие категории, как сабли, палаши, луки и стрелы, колчаны, кольчуги и панцири встречаются практически только в мужских погребениях. К преобладающим в женских относятся предметы туалета: гребни, зеркала, отдельные виды украшений.

§ 3. Этнополитическая ситуация в регионе в VIII-XI вв.

К середине I тыс. н.э. доминирующая роль в степной зоне Евразии переходит к объединениям тюркоязычных кочевников. Эти группировки, входившие в состав нескольких последовательно сменявших друг друга государств, вели активную внешнюю политику, участвуя в войнах с Ираном, Китаем, Византией и арабскими полководцами.

На территории Западного Казахстана, являющегося в тот период регионом, контролируемым тюрками, пока не выявлено памятников, аналогичных синхронным "классическим" тюркским, характерных для Алтая, исходной точки тюркской экспансии. Однако нельзя утверждать, что огромная территория, благодатная для кочевого скотоводства была пустующей. Наиболее вероятно, что здесь существовало древнее автохтонное население, оставшееся после значительных перемещений III-IV вв. К сожалению, на данный момент не представляется возможным проиллюстрировать указанную ситуацию конк-

ретными памятниками. Обширной датой IV-VI вв. определены Б.Ф. Железчиковым и В.А. Кригером в отчете Уральского педагогического института, разграбленные погребения кургана № 2 на Свистун-горе в Зеленовском районе в 8 км юго-восточнее г. Уральска. В работе Г.А. Кушаева три погребения - кургана № 8 могильника Шалкар II, кургана № 4 группы Мечей (Киров) и случайно обнаруженного в карьере у южной оконечности горы Сантас отнесены к V-VIII вв. [Кушаев, 1993. С.98-101]. Однако погребальный обряд и инвентарь первых двух памятников, как уже было сказано выше, не позволяет согласиться с предложенной датировкой. Погребение кургана № 8 могильника Шалкар II, относится скорее к рубежу VIII-IX вв. Бронзовые бляшки с изображением головы человека и бронзовая крестовина ножен кинжала или сабли в погребении у горы Сантас Г.А. Кушаевым определены как аваро-булгарские древности VII-VIII вв. [Кушаев, 1993. С.98-99, 170], а В.А. Кригером как огузские [Кригер, 1993. С.144].

К VIII в. на востоке степной зоны скопились новые объединения кочевников: печенегов, огузов, в дальнейшем кыпчаков, которые по целому комплексу причин экологического, военно-политического и демографического характера были вынуждены искать свободное жизненное пространство [Гумилев, 1967. С.53-66]. Во время своих перемещений по просторам Евразии они попадали в поле зрения других народов, оставивших о них письменные свидетельства. Персо- и арабоязычные авторы, европейские хронисты, русские летописцы фиксировали различные стороны жизни кочевых районов, с которыми им приходилось сталкиваться. Нарративные источники дают относительную хронологию последовательно сменявших друг друга миграционных волн с востока на запад. Письменные источники и археологические данные, дополняя и корректируя друг друга, позволяют выяснить события, происходившие в конце I и начале II тыс. н.э.

До IX в. на территории Западного Казахстана восточнее и юго-восточнее Аральского моря обитали племена печенегов. В VIII в. печенеги обитали на среднем течении Сырдарьи, где начинались их первые столкновения с племенами огузов. Вы-

ходцы с этой территории носили название "кангар" [Кляшторный, 1964. С.161-165]. С.П. Толстов пытался установить генетические связи печенегов с племенами эпохи раннего железного века - водными саками (массагетами) на основе письменных данных и лингвистического разбора названия [Толстов, 1950. С.51-52].

Возможно, печенеги подверглись тюркизации в период господства над Средней Азией Западно-Тюркского каганата. Этот момент мог быть зафиксирован в том, что они делились на печенегов-кангар и просто печенегов [Кригер, 1986. С.115]. Во второй половине I тыс. н.э. с территории Южной Сибири и Алтая в низовьях Сырдарьи мигрировали племена огузов. Сведений, касающихся ранней истории огузов крайне мало и носят они косвенный характер [Бартольд, 1968. С.89-92; Корголы, 1976. С.23-25; Савинов, 1979. С.55-69].

Период VIII-IX вв. являлся весьма важным в истории огузов Средней Азии. Это пора интенсивного складывания огузской конфедерации, на основе которой в дальнейшем в конце IX начале X вв. образовалась держава Сырдарьинских ябгу. Часть бурных событий, происходивших в ту эпоху, нашла свое отражение в легендах огузского героического эпоса. После падения Западно-Тюркского каганата огузы приняли участие в борьбе за доминирующее положение. Однако исход этой борьбы был неудачен для огузов и значительная масса их после 766 г. покинула пределы Жетысу и ушла в Приаралье. Однако захватить эти области им удалось лишь к середине IX в., нанеся поражение обитавшим здесь племенам печенегов [Агаджанов, 1969. С.128-129].

Во второй половине VIII середине IX вв. складывается следующая ситуация: территорию Западного Казахстана занимают печенеги, в Южном Приаралье и на Сырдарье складывается племенное объединение огузов, Восточный и Центральный Казахстан занимает кимацкая конфедерация в составе с кыпчаками, на нижнем Поволжье постепенно теряет былое могущество Хазарский каганат.

Таким образом, печенеги и огузы были завязаны в мировой политике. Наиболее невыгодным было положение печенегов,

зажатых со всех сторон более сильными соседями. Огузы в борьбе с печенегами использовали заключенные временные военные союзы с Хазарией и с кыпчаками. Борьба за приаральские пастбища привела к тому, что с середины IX в. земли западнее Центрального Казахстана в нарративных источниках стали носить название "Дешт-и Огуз" [Кригер, 1985. С.17; Плетнева, 1990. С.9-10]. Первые сведения об огузах в арабских источниках относятся к первой половине IX в. [Материалы по..., 1939. С.78; Толстов, 1948. С.244]. По мнению М.И. Артамонова, термин "огуз" первоначально был нарицательным обозначением племени с числительным детерминативом, впоследствии потерявшим свое значение и ставшим этническим наименованием племен, образовавшихся в приаральских степях в результате смешения тюркютов с местными племенами угорского и сарматского происхождения. Таким образом, огузы представляли собой объединение племен различного этнического облика [Артамонов, 1962. С.416-419].

Окончательный разгром печенегов огузами в союзе с хазарами в конце IX в. и вытеснение их из Волго-Уральского междуречья привело к тому, что этноним "огуз" получил широкое распространение на рубеже IX-X вв. Овладение обширной территорией степей, контроль над торговыми магистралями и связи с оседло-земледельческими центрами Центральной Азии способствовали экономическому и, как следствие этого, политическому укреплению союза огузских племен и образованию державы с центром в Янгикенте. Одним из первых исследователей на существование у огузов примитивной державы с политическим центром в низовья Сырдарьи указал В.В. Бартольд [Бартольд, 1963. С.563-565]. Противоположную точку зрения высказал А.Ю. Якубовский в "Очерках по истории туркменского народа и Туркменистана в VII-XIX вв." (Ашхабад, 1954). С.П. Толстов определил огузское государство как "дофеодальное" [Толстов, 1947; Толстов, 1948. С.243-247].

Максимальные пределы земель огузов в X в. определяются с помощью нарративных источников. Согласно данным Идриси, огузские племена обитали в степной полосе Центральной Азии от Южного Прибалхашья до низовий Волги. Их

кочевья были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, по побережью озера Аралсор, а также в Приаралье, в долине Чу, в низовьях Или, в Таласском Алатау. Огузы создали в этих областях, служившие в случае опасности убежищем, небольшие крепости. Племена огузов, кочевавшие в X в. по Уралу и по левому берегу Волги, граничили с башкирами и буртасами в предгорьях Южного Урала [Агаджанов, 1969. С.72-79].

Этнический состав огузских кочевых объединений отличается большой разнородностью и пестротой. В них входили этнические группы, племена и роды различного происхождения: асов, алан и других степных племен [Толстов, 1947. С.55; Толстов, 1948. С.245-249]. Кроме того, в состав огузов входили остатки разбитых печенежских племен, по-видимому, наиболее слабая в экономическом плане их часть. Как пишет Константин Багрянородный: "... некоторые из них (печенегов - А.Б.) по собственному желанию и решению остались на месте и живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали до самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников" [Багрянородный, 1989. С.159]. Посол Арабского халифата в Волжскую Булгарию Ибн Фадлан, проезжавший в начале X в. через территорию огузов и оставивший об их быте весьма ценные сведения, отметил бедность печенегов, встреченных им у озера Шалкар [Ковалевский, 1956. С.130]. В составе печенегов, племенные группировки которых также отличала конгломеративность и разнородность, находились представители древнебашкирских племен и родов, таких как бурзяне, тангаура, усергане. В пользу этого факта говорят археологические данные и предания башкир [Кузеев, Шитова, 1963. С.15; Кузеев, 1974; Мажитов, 1981; Садыкова, 1959; Гуцалов, 1993].

Экономическую основу хозяйства огузов составляло кочевое скотоводство. В качестве сравнения можно привести данные о тюрко-печенежских племенах Восточной Европы. Исследованные могильники и курганные группы свидетельству-

ют о перекочевках по установленным маршрутам с зимними поселениями из юрт и стационарных жилищ, которые в дальнейшем становились центрами земледелия в сочетании с отгонным скотоводством. Из сельскохозяйственных культур возделывалось в основном просо - неприхотливая к уходу культура. После посева весной уходили со скотом до осени на отдаленные пастбища. Бедная часть населения, не имевшая достаточно для перекочевок количества скота, оставалась в поселениях круглогодично [Плетнева, 1958. С.151-226]. Часть огузов осела в крупных поселениях и городских центрах на нижней Сырдарье совместно с другими представителями из Центральной Азии, составлявших в таких населенных пунктах ремесленную прослойку.

Вытеснив в южнорусские степи печенегов, огузы остались во враждебном окружении: на юго-западе и северо-западе - Хазария и Булгария, на севере - башкиры, на востоке - кыпчаки. Свое влияние оказывали оседло-земледельческие центры Средней Азии с мусульманским миром за спиной. В этой ситуации огузам, для сохранения своей независимости, политической и экономической, приходилось идти на дипломатические ухищрения, заключая военно-политические союзы то с одними, то с другими соседями.

Печенеги, оказавшись в восточной Европе, в первую очередь нанесли удар по мадьярам, населявшим Причерноморье. До этого, еще в VIII в. мадьяры локализовались на Южном Урале [Артамонов, 1962. С.343-345]. Прорыв печенегов датируется 889 г. Хазары пытались использовать мадьяр в качестве противовеса печенежской опасности, используя дипломатические приемы и совместные военные действия. Однако эти попытки не имели успеха, и в X в. печенеги контролировали причерноморские области, выйдя на контакт с Византийской империей. Мадьярам - протовенграм, ничего не оставалось, как перед лицом грозной опасности покинуть Северное Причерноморье и двинуться в поисках свободного жизненного пространства в Паннонию. Часть печенегов ушла вместе с ними. К 895 г. венгры в основной массе появились на берегах Дуная [Эрдели, 1986. С.332-333; Халиков, 1988].

Византийцы с помощью подкупов использовали печенегов в своих целях против усиливающейся Киевской Руси. Необходимо отметить, что императорский двор Византии был очень хорошо осведомлен о событиях в степях Восточной Европы, а ситуацию внутри печенежских племен прекрасно показывает труд Константина Багрянородного. Ему было известно восьмичастное деление печенежских племен. Он приводит их название, перечисляет "архонтов" и названия печенежских крепостей. Следует подчеркнуть, что термин "фема", который он употребляет, используется не в обычном для императорской канцелярии X в. значении как военно-административный округ, а как обозначение места, области расселения конкретного племени [Багрянородный, 1989. С.155-159, 389]. Печенегов, переселившихся в Причерноморье, в отличие от подчинившихся огузам, персидских географ Гардизи (XI в.) характеризует как богатый народ, имеющий большое количество скота, хорошее оружие, золотые и серебряные сосуды [Бартольд, 1897. С.120].

Огузы, выйдя на широкую политическую арену, изменили соотношение сил между Хорезмом, Киевской Русью, Волжской Булгарией и Хазарским каганатом. Военный союз, заключенный в 965 г. между огузским ябгу и князем Святославом, был обусловлен общностью политических и торгово-экономических интересов. Камнем преткновения являлись Хазария и поддерживающая ее Византия. Кочевой знати огузов необходимы были новые пастбища. Донские и причерноморские степи представляли собой идеальный вариант. Кроме того, торговые магистрали, пролегавшие через Поволжье на Мангышлак и Устюрт, контроль над которыми приносил доход, приобрели в X в. крупное значение в связи с упадком средиземноморских торговых путей в результате норманнского и арабского завоеваний. Результатом заключенного союза явился разгром Хазарского каганата [Толстов, 1948. С.15; Агаджанов, 1957. С.76-78; Агаджанов, 1969. С.150].

Следующей жертвой военно-политического союза огузов и с Киевской Русью стала Волжская Булгария. В 985 г. князь Владимир в союзе с торками, как называют огузов русские

летописи, двинулся в поход на болгар [Повесть временных..., 1950. С.255]. Разгром Хазарского каганата и Волжской Булгарии способствовал росту политической мощи огузской державы. Начиная с 70-х гг. IX в. по 30-е гг. XI в., в течение столь длительного времени, огузские племена доминировали на территории от Восточного Приаралья до левобережья Волги. В это же время печенеги были самой крупной силой кочевых народов в южнорусских степях [Кригер, 1986. С.117]. Союзы племен печенегов в этот период доставляли много неприятностей Киевской Руси. По мнению С.П. Толстова, активизация деятельности печенегов и русско-печенежская война 988-997 гг. была спровоцирована Хорезмом в ответ на поворот Руси в религиозно-политической линии князя Владимира и принятие христианства. Однако Хорезму не удалось создать между Русью и Нижним Поволжьем печенежский заслон и укрепить там свои позиции [Гостов, 1948. С.262; Артамонов, 1962. С.415].

Говоря об общественном строе печенегов и огузов, следует обратить внимание на свидетельства современников. Оба этих этнических объединения находились на этапе военной демократии. Но у них начинает выделяться племенная знать. У печенегов Константин Багрянородный описывает систему наследования власти боковой линией, через двоюродных братьев, при этом отмечается, что для других родов исключается возможность получения власти [Багрянородный, 1989. С.155]. Ибн Фадлан фиксирует большое значение у огузов собрания свободных мужчин, своеобразного "вече" и права вето каждого: "Дела их (решаются) советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решаются на это, затем приходит самый ничтожный и жалкий из них и отменяет то, на чем они уже сошлись" [Ковалевский, 1956. С.125-126].

К концу X- началу XI вв. в Центральном Казахстане начинает накапливать силы и формироваться новое объединение кочевников выделившихся из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в Прииртышье [Кумекоев, 1972. С.43-47]. В результате крупной миграции племен в 30-х годах XI в. произошли коренные изменения на карте степной полосы Евразии. Начавшаяся волна перемещений

кочевых объединений и группировок докатилась до Восточной Европы и границ Византийской империи. Эти перемещения привели к тому, что перестала существовать держава Сырдарьинских ябгу, началось Сельджукидское движение в Малую Азию, а степи Казахстана получили новое наименование - "Дешт-и Кыпчак" [Ахинжанов, 1980. С.46-53].

Огузское объединение в результате удара раскололось на две части. Первая, как уже было сказано выше, ушла в Малую Азию, вторая отправилась в Восточную Европу, на территорию, занятую печенегами. Вслед за ними ушла часть кыпчакских племен, получивших в русских летописях название "половцы". Огузы-торки (в русских летописях), не сумев дать отпор кыпчакской экспансии и удержать под своим контролем территории степей Подонья, вместе с остатками печенегов поступили на вассальную службу к русским княжествам и образовали союз Черных Клобуков [Полное собрание..., 1962. С.162-163; Плетнева, 1973]. С этого времени начинается новый период в истории степного региона Евразии и связан он с кыпчаками-половцами.

§4. Хронологическое распределение памятников VIII-XI вв.

В задачу исследования входит необходимость в какой-то мере проиллюстрировать происходившие события и различные перипетии борьбы племен, опираясь на археологический материал. Проблема соотнесения памятников второй половины I тыс. н.э. с конкретным этносом, известным по письменным источникам, обитавших и последовательно сменявших друг друга кочевых объединений на территории Западного Казахстана, стоит уже давно. Различными исследователями предлагались попытки выделения черт погребального обряда и определенных категорий вещевого инвентаря, которые могли бы явиться "маркером" того или иного объединения кочевников раннего средневековья [Мец, 1948]. С.А. Плетнева и Г.А. Федоров-Давыдов предложили свои выводы по вопросам решения данной проблемы разными путями. Их результаты во многом совпадают. В частности, Г.А. Федоров-Давыдов на основе

анализа комплексов инвентаря выделил вещи, бытовавшие в первый период предложенной им периодизации - X-XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966].

По мнению С.А. Плетневой, печенежскими следует считать погребения, совершенные в неглубокой яме, с костями ног и черепом коня, разложенными в анатомическом порядке слева от человека и соответствующим инвентарем: короткие прямые сабли, стремяна с выделенной петлей для путлища, луки с тяжелыми серединными накладками, копоушки с богато украшенной ручкой, подвески в виде стилизованных птичек, характерные серповидные бляшки на поясе, сосуды с "роскошным" орнаментом. Кроме того, как особенные выделены следующие черты: отсутствие женских погребений, захоронения "чучела" коня без человека (кенотаф) и помещение в могилы в виде исключения костей коровы или быка.

Группа погребений, принадлежащая огузам, отличается от печенежской наличием женских погребений, отсутствием кенотафов, большей глубиной могильных ям, расположением головы и ног коня не рядом с покойником, а в засыпи могилы на середине глубины. В случае, если покойник погребался без коня, то вдоль длинных стен сооружались уступы для перекрытия. Но необходимо учитывать, что эти разработки относятся к территории Восточной Европы, точнее южнорусских степей [Плетнева, 1973. С.22-23; Плетнева, 1981. С.218].

Южноприуральские и заволжские памятники анализировались В.А. Кригером. Им в качестве черт, характерных для огузских погребений, были определены следующие: прямоугольные могилы, деревянное перекрытие, захоронение черепа и костей ног коня на перекрытии. В основе аргументации лежит ссылка на описание Ибн Фадланом погребального обряда огузов. Корреляция погребального обряда с птицевидными нашивками и копоушками показывает, что данные предметы этнографического характера встречаются на "ограниченной территории, связанной с активным расселением огузских племен" [Кригер, 1986. С.126]. Кроме того, по мнению В.А. Кригера, птицевидные нашивки и копоушки являются предметами, присущими огузскому объединению, исходя из того,

что птица у огузов была тотемом. Предпосылки этого явления следует искать в Обь-Иртышском междуречье в курганах сrostкинской культуры, следуя традиции определять огузов как выходцев с территории Алтая и Южной Сибири [Кригер, 1986. С.126; Кригер, 1993. С.137-144].

Г.А. Кушаев в книге "Этюды древней истории Степного Приуралья" пришел к следующим выводам. Для памятников печенежско-огузской культурно-исторической общности, датированных им второй половиной IX - началом XI вв., характерны следующие черты: земляные насыпи курганов, западная (в редких случаях южная) ориентировка погребений, обязательное захоронение с человеком коня, частей его или "чучела", особые без перегиба (в виде целого стержня с кольцами на концах) удила. Огузские могилы более сложны - с перекрытиями на продольных или поперечных уступах [Кушаев, 1993. С.102-103].

Таким образом, при детальном рассмотрении предложенных вариантов решения данной проблемы, вырисовывается следующая картина: исследователями предлагаются совершенно различные критерии для выделения погребений, принадлежащих печенежскому или огузскому объединению. В данной ситуации нам представляется наиболее целесообразным согласиться с выводами В.А. Кригера по проблеме выделения огузских погребений из целого пласта памятников IX-XI вв. Самая полная сводка по огузо-печенежским памятникам содержится в работе В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича. Всего по территории степной зоны от Днепра до верховьев Урала учтены погребения 308 могильников. Сравнение памятников по регионам, с эталонными образцами, выявило результаты, подтверждающие выводы В.А. Кригера [Ivanov, Garustovich, 1994. С.573-582]. То есть огузскими, вероятнее всего, следует считать погребения с западной ориентировкой, совершенные в прямоугольных могилах, с "чучелом" коня на деревянном перекрытии. Лировидные пряжки, копоушки, птицевидные нашивки, встреченные в погребениях, обладающих вышеперечисленными чертами также могут быть отнесены к признакам огузов.

Печенежские погребения обладают большей вариативнос-

тью в чертах погребального обряда. Работа с материалами раскопок на территории Актюбинской области за последние годы, а также учет опубликованных погребений по Южному Приуралью и Западному Казахстану убеждают в этом. Причина данного явления на наш взгляд кроется в том, что печенежское объединение было конгломеративным, т.е. включало в себя различные кочевнические группировки, в частности, древнебашкирские. Ярким примером служат Атпинское погребение и захоронение Эмба [Гуцалов, 1993. С.162-165]. Богатое погребение № 3 кургана № 15 могильника Уркач I, обладающее довольно редкими чертами погребального обряда того периода, а именно: северной ориентировкой и подбойным захоронением, без костей коня, также может быть отнесено к печенегам. оно датируется по погребальному инвентарю рубежом VIII-IX вв. т.е. совершено в период противоборства с огузами [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.248-252].

После поражения в конце IX в. и ухода основной массы печенегов на запад в южнорусские степи часть печенегов осталась на прежних территориях и подчинилась огузам. Этой группой оставлены бедные и невыразительные памятники, на которых прослеживается смешение в чертах погребального обряда. Иллюстрирует данную ситуацию впускное погребение кургана № 25 могильника Жаман Каргала I [Бисембаев, 1996. С.81-85], исследованное в 1988 г. экспедицией Актюбинского педагогического института под руководством С.Ю. Гуцалова. Это погребение с западной ориентировкой имело весьма скудный инвентарь, состоящий из железного в обломках ножа, астрагалов и сильно окисленных железных удил с различными по диаметру кольцами. В могильной яме не было заплечиков или уступов, а "чучело" коня располагалось несколько выше и слева от скелета на остатках деревянной конструкции (рис.18-Б.).

К XI в. практически повсеместно завершился процесс ассимиляции печенегов в составе огузского племенной союза. Нарративные источники указывают на родство огузов и печенегов [Агаджанов, 1969. С.102, 229, 370]. В соседнем регионе - на Нижней Волге, в зоне активных контактов огузов и печенегов

этот процесс смещения шел значительно быстрее и, по-видимому, этим можно объяснить тот факт, что к X в. печенежские погребения почти неотличимы от огузских [Шнайдштейн, 1985. С.84]. Частичное проникновение кыпчаков, инфильтрационный процесс начался еще до их массовой экспансии в 30-х гг. XI в. - примерно с конца X в. Пожалуй, к этому времени относится погребение из Болгарки [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.245-247]. В пользу даты X-XI вв. для погребения из Болгарки говорит тот факт, что характерные сбруйные украшения наиболее широко распространены были именно в это время [Гаврилина, 1987. С.54-67].

Кроме этнохронологических определений, анализируемые памятники являются прекрасным материалом для реконструкции социального состава кочевого общества, находившегося в тот период на стадии разложения военной демократии [Плетнева, 1982. С.13-18] и выделения элитных социальных групп. Наборные воинские пояса, по мнению некоторых исследователей, изготовлялись индивидуально и отражали положение их владельца в военной или административной иерархии [Ковалевская, 1970. С.144; Руденко, 1962. С.44] Дополнительно отмечено, что захоронения, совершенные в подбоях, представлены богатым инвентарем и соответственно принадлежат к высшему составу - т.е. захороненные в них занимали более высокое положение в этнических группах [Овчинникова, 1983. С.65]. Погребения в подбоях (курганы № 10 и 20 могильника Карасу I, курган № 12 могильника Шалкар III) рельефно отчетливо выделяет комплект инвентаря: сабельные клинки, наборные пояса, доспехи, украшения и др. В этом плане к ним примыкает богатое уркачевское погребение. Группа захоронений без костей лошади отличается тем, что инвентарь менее выразителен, зачастую беден. В этой группе больше впускных захоронений, отличающихся и меньшей глубиной простой по форме могильной ямы.

Особое значение для хронологического определения имеют памятники надежно датированные, т.е. выполняющие роль хронологического "репера". В этом плане возрастает роль определенных категорий вещевого инвентаря. Весьма интересной

находкой является нож с волтообразным навершием из основного погребения кургана № 11 могильника Карасу I. Нож выполнен в виде пластины. Его клинообразный в сечении конец, являющийся клинком переходит в черенок. Вершина черенка раздвоена и загнута спиралью. Подобный тип ножей получил широкое распространение в памятниках Восточной Европы: Побужья, Подунавья, Польши и Чехословакии, датируемых VIII-IX вв. После X в. подобный тип ножей повсюду выходит из употребления [Минасян, 1978. С.151]. В рассматриваемом погребении нож сопровождали находки бронзовых нашивных бляшек в виде птиц. Вещевой инвентарь и элементы погребального обряда позволяют отнести его к IX в.

Дополнительно для определения времени сооружения того или иного захоронения имеет поиск ближайших аналогий. Сходное элитному памятнику могильника Шалкар III исследовано на Нижней Волге в курганной группе Купцын Толга. Второе погребение кургана № 46 содержало захоронение мужчины головой на юго-запад, под перекрытием на уступах вдоль длинных стен. Скелет находился в гробовище из частей кибитки. На перекрытии было уложено "чучело" лошади - череп и кости ног, ориентированные на северо-восток. Погребенного сопровождал выразительный инвентарь: железная сабля, остатки берестяного колчана, обломки лука с костяными накладками и на лицевых костях черепа находилась серебряная маска, подобная найденной в Шалкаре [Шнайдштейн, 1981. С.107-108]. Время сооружения данного памятника рубеж IX-X вв. Этим же временем следует определять и шалкарское погребение.

В целом, подводя итоги, необходимо отметить, что для первого периода практически не характерны крупные серии однотипных погребений, что значительно затрудняет их этническое и хронологическое соотнесение. Картографирование памятников выявило наличие двух локальных групп, восточной и западной. Западную отличает ярче выраженное общее направление в чертах погребального обряда. Восточная с широким диапазоном элементов погребального культа, малочисленнее.

Бисембаев А.А.

Общим для обеих групп является комплект вещей, бытовавших в это время. Именно к восточной группе относятся атпинское и эмбенское погребения по всем признакам, отождествляемые с древними башкирами.

Вероятно, древнебашкирские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину территории расселения печенегов до середины IX в., по соседству с районами, контролируемыми огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне весьма распространенное явление в практике кочевых народов. В составе башкирских племенных групп, по-видимому, присутствовали группы финно-угорского этнического облика. Бракованные и недоработанные изделия, происходящие из Песчаного карьера, свидетельствуют о том, что их делали, судя по всему, в этой зоне, по Илеку. Хотя по форме, составу и комплекту их полные аналогии находятся в Прикамье. Этноконтакты с финно-угорским населением, еще здесь в Западном Казахстане, обеспечили древнебашкирским группам возможность почти бесконфликтно обосноваться на Южном Урале, после прорыва огузов.

Ядро печенежской группировки до этого события, вероятно, локализовалось на правом берегу Урала, в бассейне Большого и Малого Узеней - ими оставлены яркие комплексы западной группы. Большое количество впускных погребений восточной локальной группы в приграничных районах говорит о нестабильности обстановки в условиях эпизодических боевых действий. Близость огузов и печенегов в материальной культуре и чертах погребального обряда обусловило то, что после ухода большей части печенегов на запад, оставшиеся группы, подвергшиеся огузскому влиянию, практически неотличимы. Памятникам X-XI вв. особенно Волго-Уральского междуречья, присуща однотипность и общие характерные признаки. Сосредоточие памятников этого периода приходится на степную зону с разветвленной системой речной сети.

В значительной мере обрядовые действия в погребальной практике, характеризующей первую группу, связаны с культом коня. Проявления в комплексах разнообразные. На рубе-

же VIII-IX вв. распространенным типом являлось погребение с "чучелом" коня на уступе или в могильной яме на одном уровне с человеком. Немаловажное значение при этом имеет способ отчленения ног лошади по первый или второй (пястный) суставы. Этот признак этнографического характера служит дополнительным датирующим материалом [Атавин, 1984. С.134-139]. С момента огузской экспансии распространяется обычай помещения "чучела" на перекрытии могильной ямы, либо на крышке гробовища, над скелетом человека. Распространение этого типа погребений приходится на вторую половину IX в. Одновременно наблюдается измененная форма этого обряда, заключающаяся в погребении одного или двух копыт лошади в бедной по инвентарю могиле. Деградация обрядового действия связана с имущественной дифференциацией. Она коснулась обычая сооружения кенотафов, исчезнувшего с уходом печенегов. Инфильтрация кыпчакских группировок, их спорадическое проникновение началось, вероятнее всего, до массового переселения в 30-х гг. XI в, еще на рубеже X-XI вв. В это время начинают появляться единичные погребения с восточной ориентировкой и инвентарными комплектами этого времени.

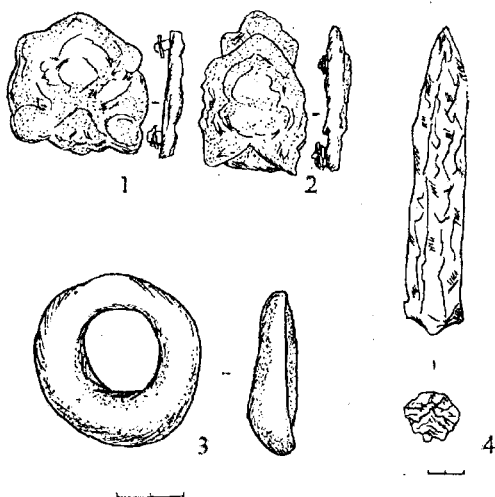
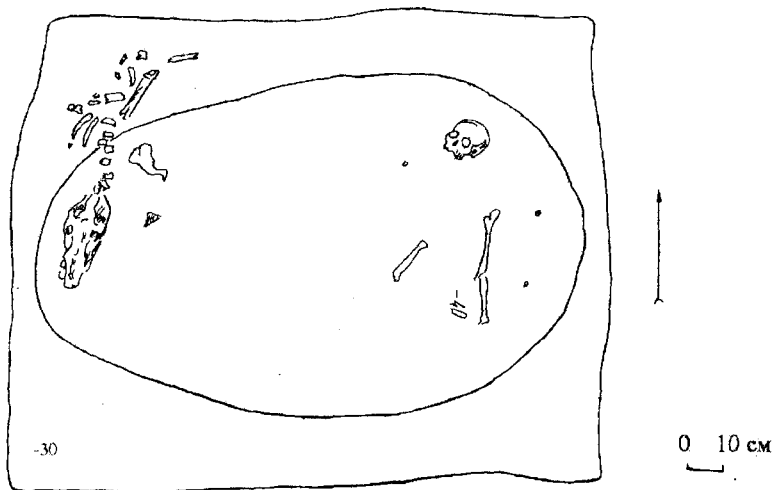

Рис. 5. Могильник Турбаза, курган № 1, яма Е. План погребения и инвентарь погребения: 1, 2 - бронзовые бляшки, 3 - каменное кольцо, 4 - железный вток.

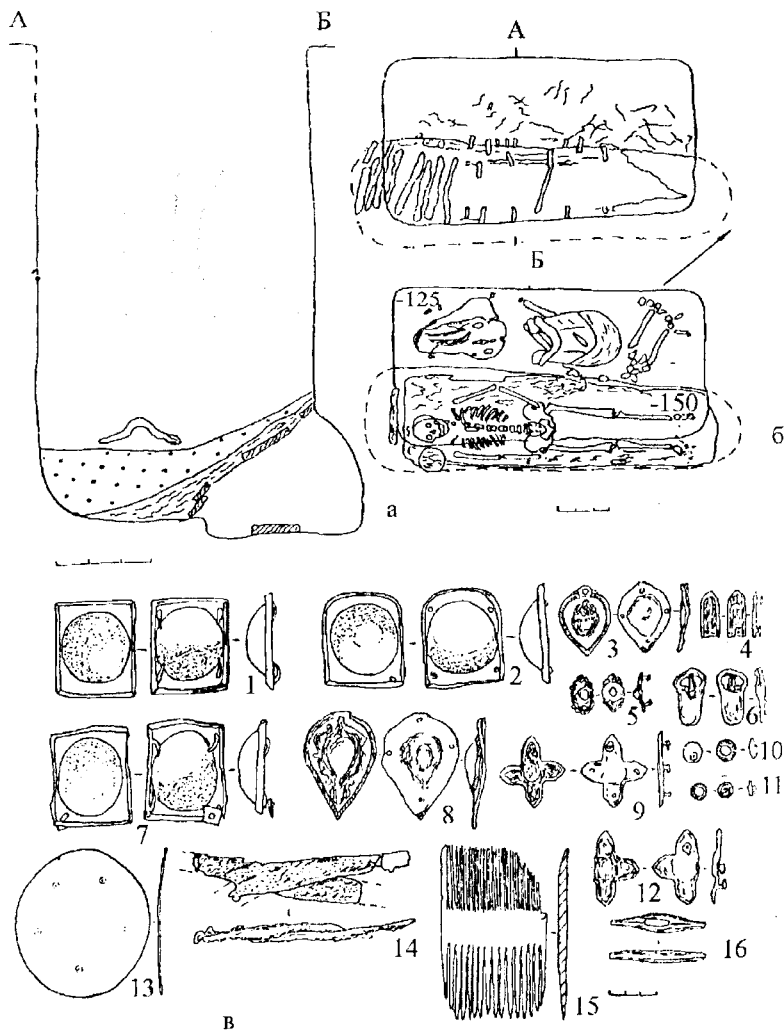

Рис. 6. мог. Болгарка 1. а - разрез могильной ямы, б - план погребения, в - инвентарь: 1-9, 12 - бронзовые бляхи конской сбруи; 10, 11 - бронзовые украшения; 13 - зеркало; 14 - погонницы; 15 - гребень; 16 - костяная петля пут.

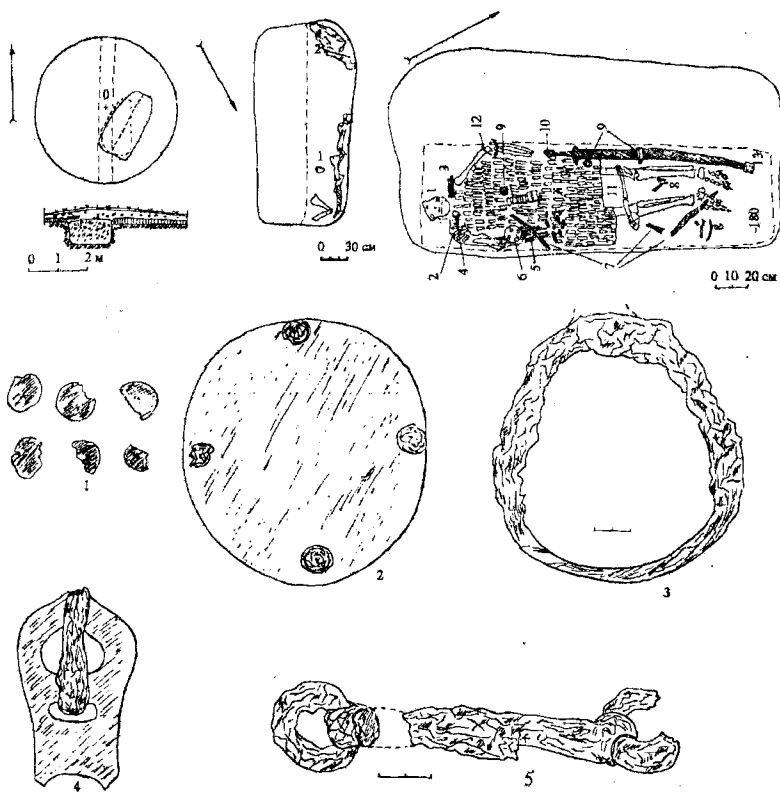

Рис. 7. Могильник Шалкар III, курган № 12. Планы кургана, погребения и инвентарь погребения: 1 - бронзовые пуговицы; 2 - бронзовая бляха колчана; 3 - стремя; 4 - костяная пряжка; 5 - удила.

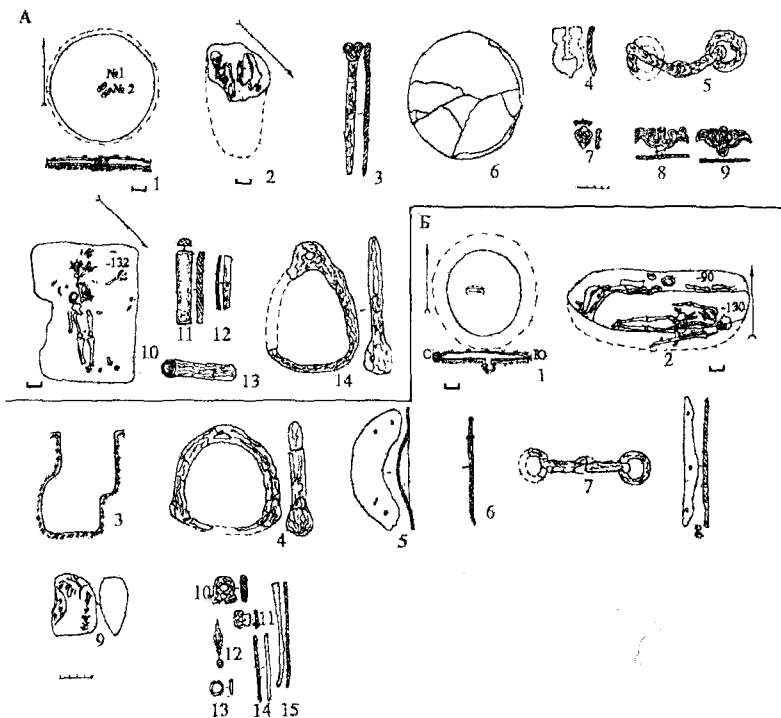

Рис. 8. Могильник Карасу I, А: курган №11. 1, 2, 10 - планы кургана, погребений, погребальный инвентарь; 3 - нож; 4 - пряжка; 5 - удила; 6 - зеркало; 7-9 - бронзовые украшения; 11, 12 - костяные накладки; 13 - железная трубка; 14 - стремя; Б: курган №10. 1-3 - планы кургана, погребения, разрез могильной ямы и инвентарь; 4 - стремя; 5 - накладка; 6 - сабля; 7 - удила; 8 - костяная петля; 9 - мел; 10-12 - железные предметы; 13 - серьга; 14, 15 - костяные пластины.

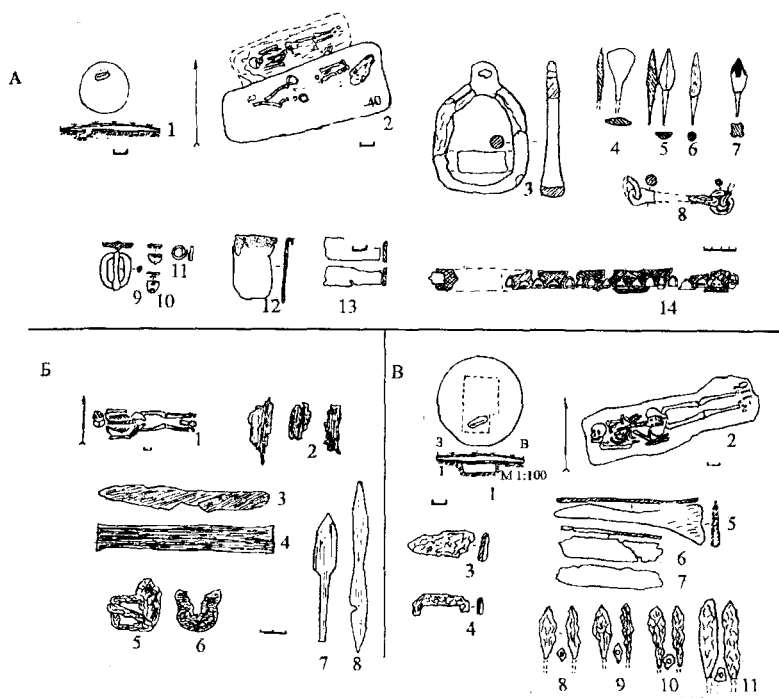

Рис. 9. А: Могилиник Карасу I, курган № 20. 1, 2 - планы кургана; погребения. Инвентарь: 3 - стреля; 4-7 - наконечники стрел; 8 - удила; 9 - пряжка; 10, 11 - украшения; 12, 13 - обкладки; 14 - пояс; Б: Могилиник Кос-Оба, курган № 11. 1 - план погребения. Инвентарь: 2 - железные предметы; 3-4 - костяные накладки; 5-6 - пряжки; 7 - костяной наконечник стрелы; 8 - костяная проколка; В: Могилиник Карасу I, курган № 8. 1, 2 - планы кургана и погребения. Инвентарь: 3, 4 - железные предметы; 5-7 - костяные накладки; 8-11 - железные наконечники стрел.

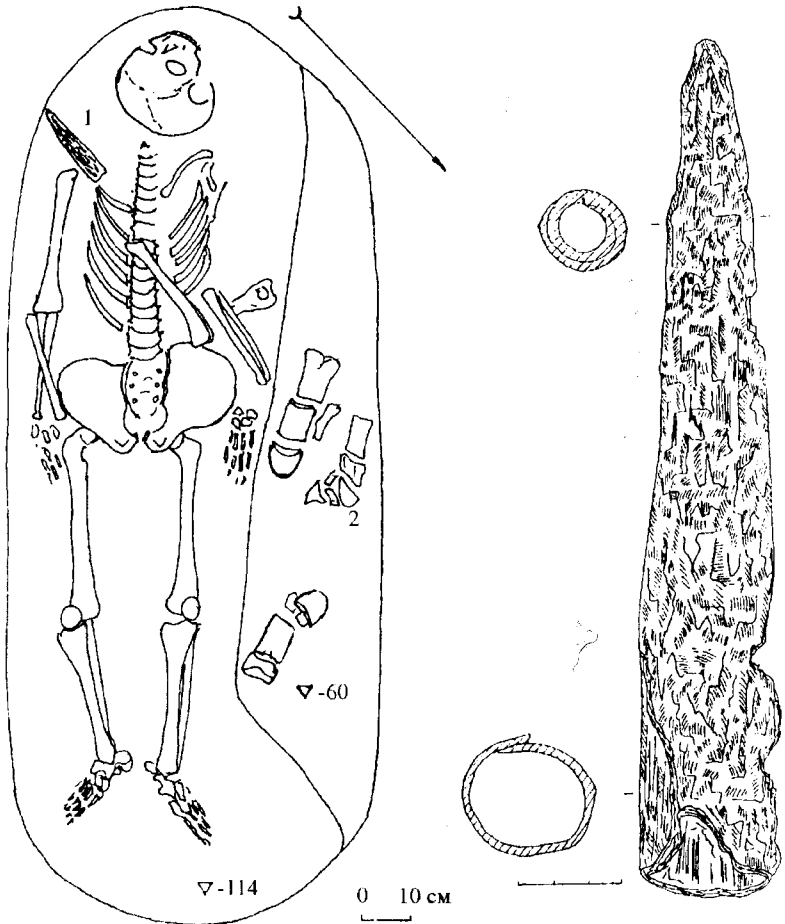

Рис. 10. Могильник Шалкар II, курган № 8. План погребения и железный наконечник копья.

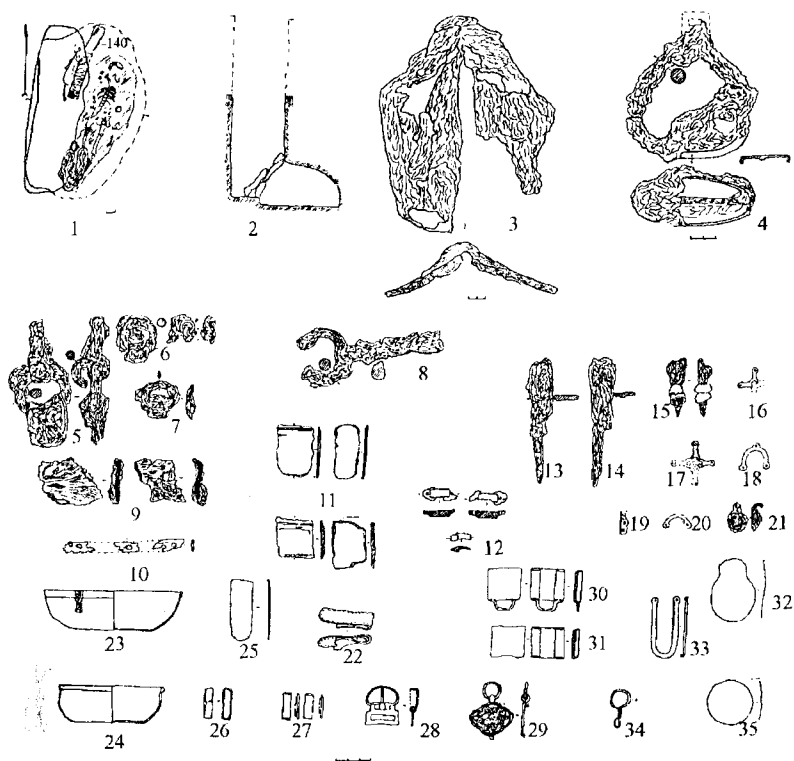

Рис. 11. Могилище Уркач I, курган № 15, погребение № 3, 1 - план погребения; 2 - разрез могильной ямы; 3 - седло; 4 - стремя. Инвентарь погребения: 5 - сбруйная пряжка; 6-7 - пряжки; 8 - удила; 9 - обоймы; 10 - костяная обкладка седла; 11 - бронзовые пластины; 12 - деревянные застёжки; 13, 15 - наконечники стрел; 16-21 - украшения колчана; 22 - кожаный ремешок; 23-24 - посуда; 25-35 - изделия из золота: детали пояса, серьга и бляхи.

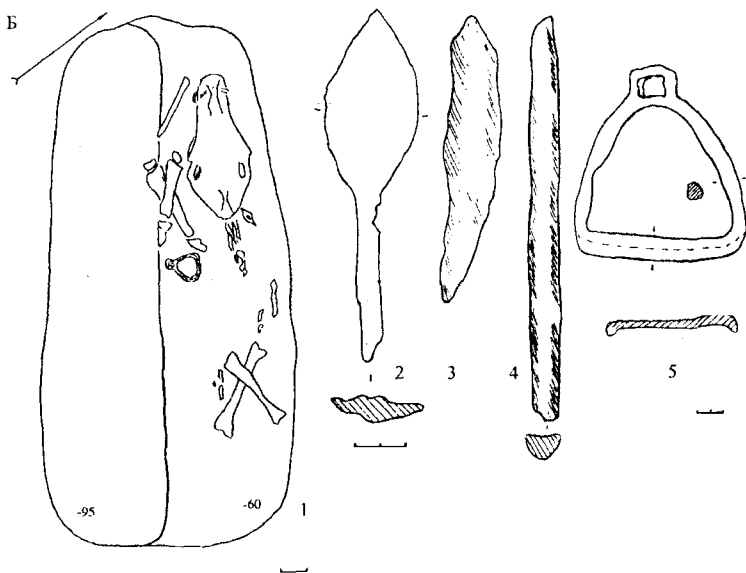
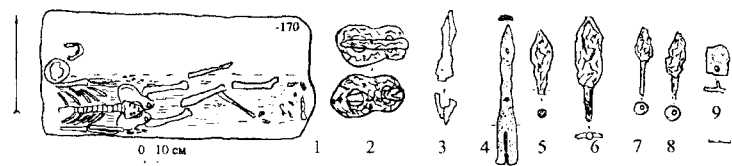

Рис. 12. А: Могильник Солянка II (Лиманы), курган №1. 1 - план погребения; 2 - пряжка; 3, 4, 9 - костяные пластины; 5-8 железные наконечники стрел. Б: Могильник Калмак-Чабан I, курган №8. План погребения (1) и шиветарь: 2 - наконечник стрелы; 3, 4 - костяные накладки; 5 - стремя.

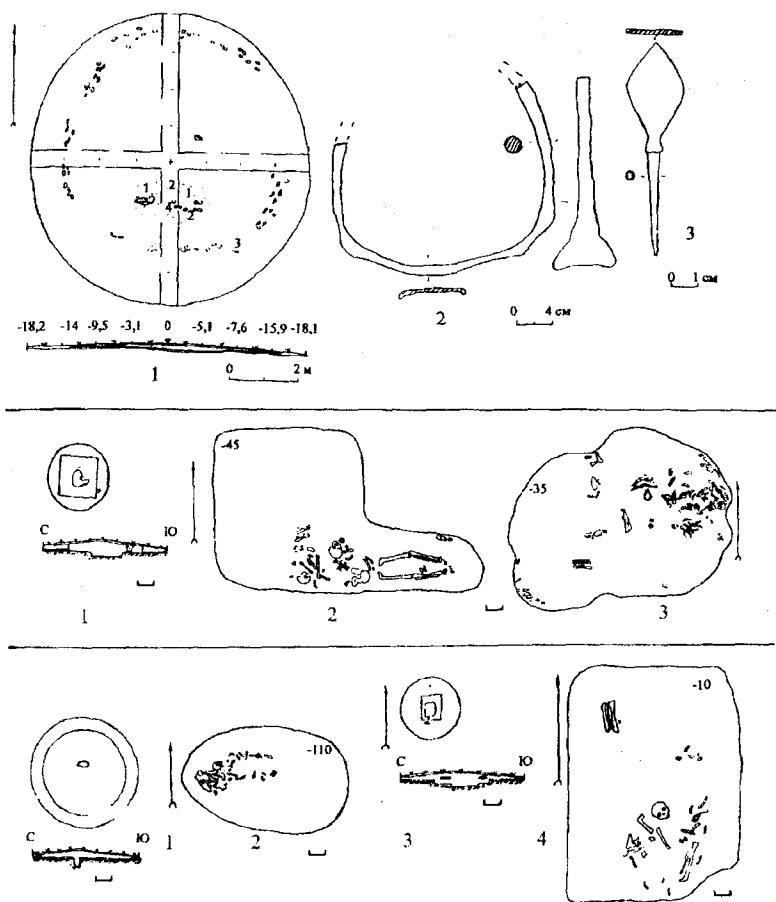

Рис. 13. А: Могильник Жолуткеп, курган № 4. План кургана и инвентарь: 2 - стреля; 3 - наконечник стрелы; Б: Могильник Карасу I, 1, 2 - планы погребения и кургана № 8; 3 - план погребения № 6 кургана № 4; В: Могильник Карасу I, 1, 2 - планы погребения и кургана № 1; 3, 4 - планы погребения и кургана № 2.

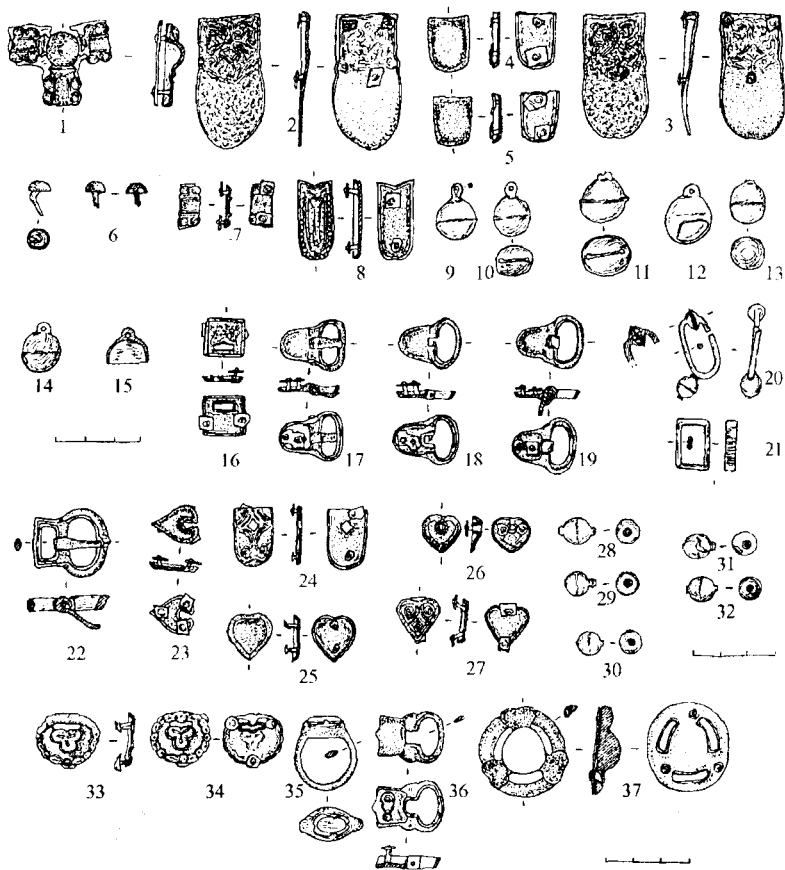

Рис. 14. Погребение "Эмба". Инвентарь: 1-5, 7, 8 - бронзовые бляхи ремней пояса и конской сбруи; 6 - заклепки; 9-15 - бронзовые и серебряные бубенчики; 16, 23-27, 33, 34 - бронзовые бляхи пояса; 17-19, 22, 36 - пряжки; 21 - обойма; 20 - золотая серьга; 28-32 - золотые шарики озсережья; 35 - перстень.

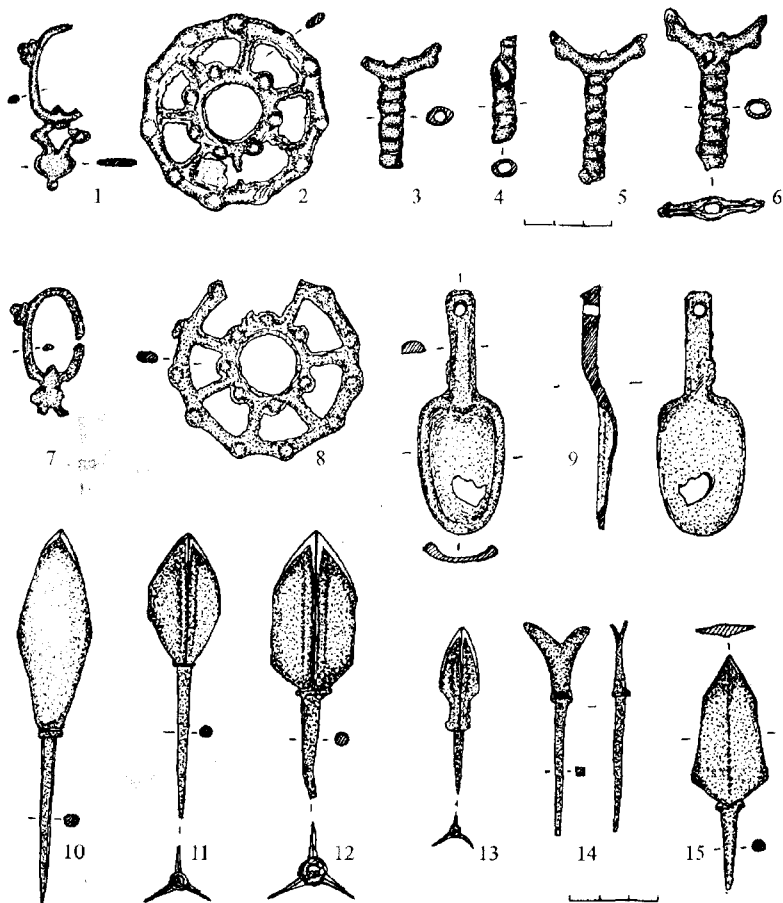

Рис. 15. Случайные находки из фондов АОИМК: 1, 7 - серьги; 2, 8 - бляхи; 3-6 - бикошьковые подвески; 9 - лосечка; 10-15 - наконечники стрел.

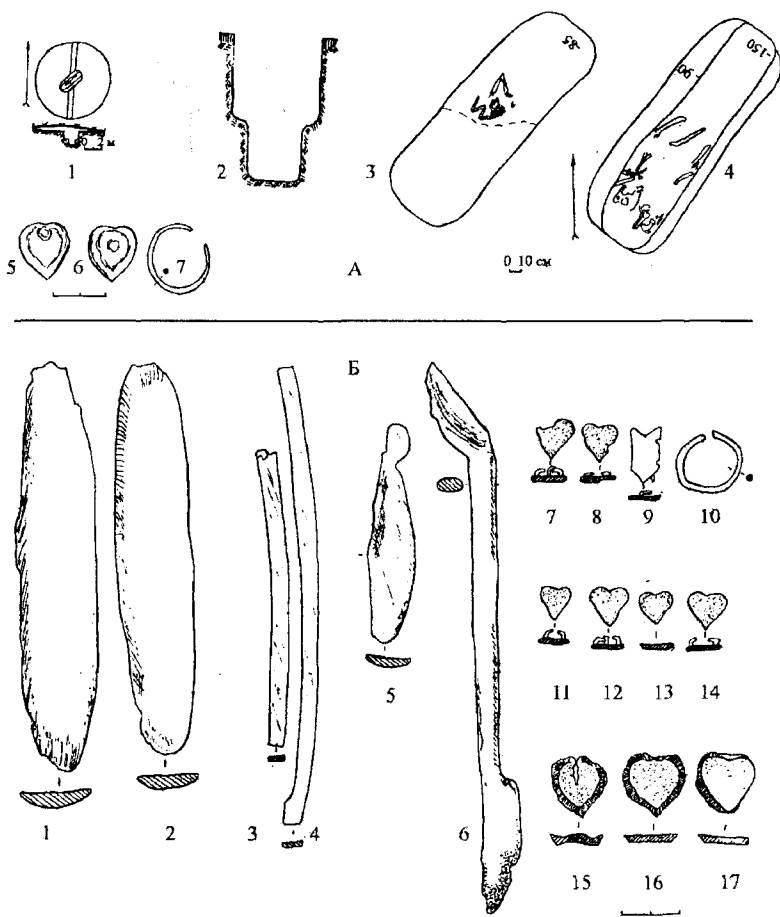

Рис. 16. А: Могильник Лебедевка VI, курган №11. 1-4 - планы кургана. Погребения и разрез могильной ямы; 5, 6 - бронзовые бляшки пояса; 7 - серьга; Б: Могильник Орлиное гнездо, курган № 2, погребение № 2. Инвентарь: 1-5 - костяные накладки; 6 - костяная ложка; 7-9, 10 - серьга; 11-17 - бронзовые бляшки пояса.

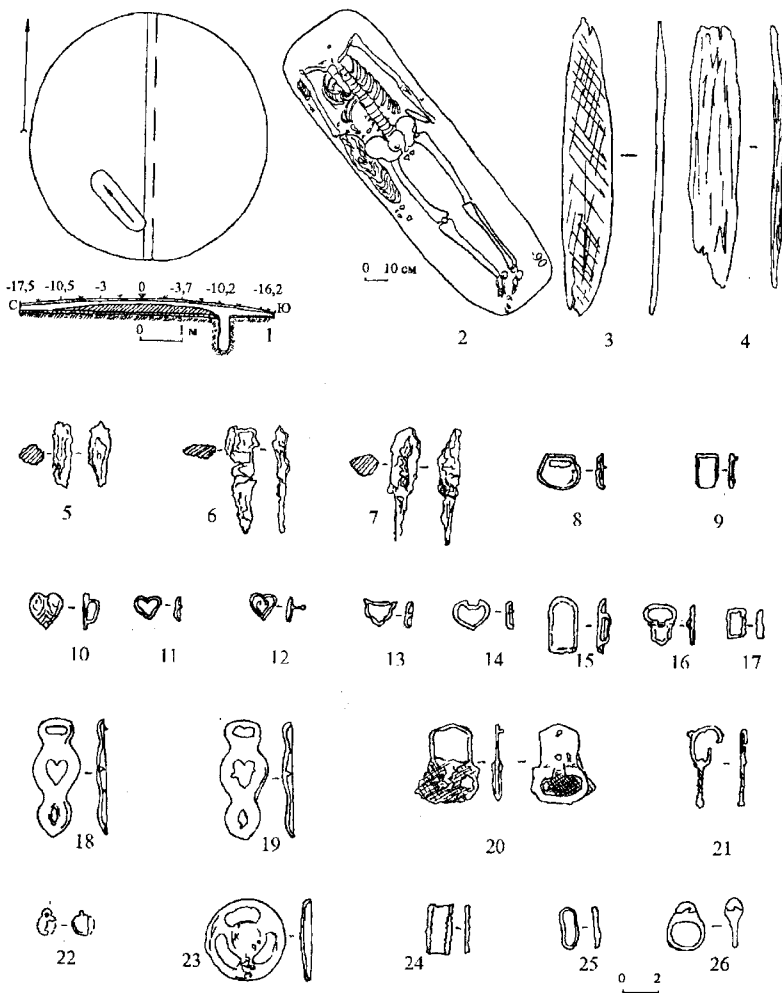

Рис. 17. Могилишк Аtpa II, курган № 2. План кургана, погребения и инвентарь: 3, 4 - костяные накладки; 5-7 - железные наконечники стрел; 8-15, 17, 23-25 - бронзовые бляхи; 21 - серьга; 22 - бубенчик; 16, 20 - пряжки; 18-19 - подвесные бляхи; 26 - перстень.

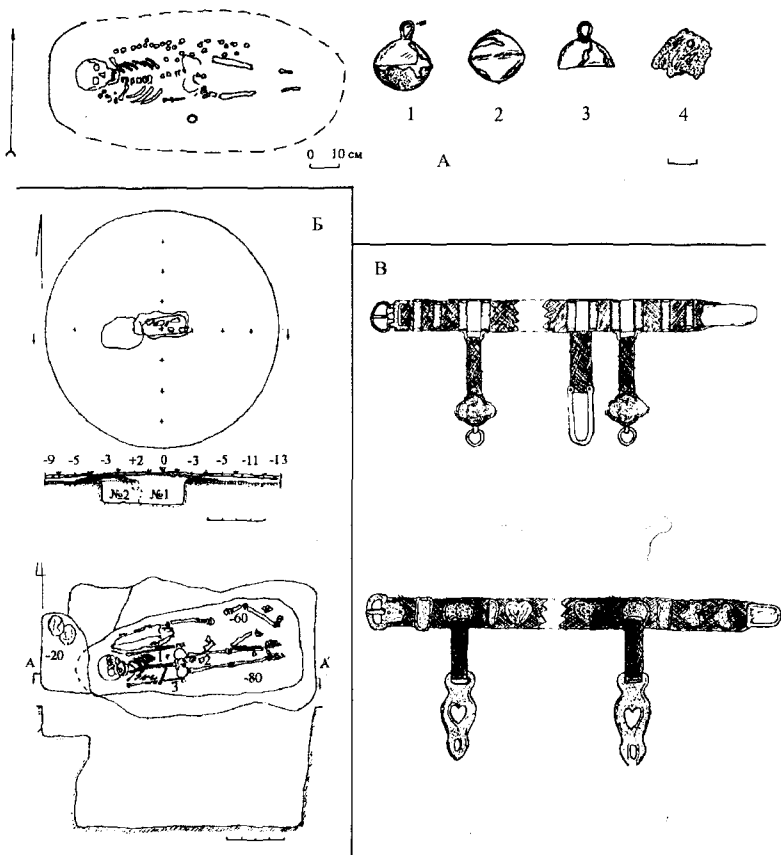

Рис. 18. А: Могильник Песчаный карьер. План погребения и инвентарь: 1-3 - бронзовые бубельчики; 4 - бронзовая пластишка; Б: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 25, погребение №1. Планы кургана и погребения; В: Реконструкция поясов из Уркача и Эмбы.

ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ КЫПЧАКСКОГО ПЕРИОДА

§1. Погребальный обряд XII-XIV вв.

Массовое переселение племен в 30-х гг. XI в. положило начало новому периоду в истории средневековых кочевников. На огромных просторах степной полосы Евразии от Днепра до Алтая, доминирующее положение занимает союз кыпчакских племен. Выход на широкую политическую арену и в зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами привел к тому, что в нарративных источниках того периода, в европейских хрониках, сочинениях арабских, персидских авторов, китайских хронистов все чаще начинают мелькать сообщения о кочевых народах, населяющих Великий пояс степей.

Команы, половцы, шары, кыпчаки - множество этнонимов, обозначающих один и тот же народ - свидетельство повышенного интереса народов, с которыми кыпчакам приходилось сталкиваться. Однако следует отметить, что сочинения средневековых авторов в подавляющем большинстве отмечены фрагментарностью в подаче сведений и ярко выраженным субъективизмом в оценке. Зачастую через источники красной нитью проходит страх перед подвижными и всегда готовыми к войне кочевниками, и как следствие этого, презрительное отношение к "варварам".

Если анализируя письменные данные, мы можем установить различные стороны жизни кочевников, в первую очередь, общественно-политическую, то данные археологических раскопок позволяют во многом дополнить эти сведения и подкорректировать. Период со второй половины XI по XIV вв. наиболее разработан в археологической литературе. Данное явление объясняется массовостью материала этого периода, наличием значительного количества ярких памятников с широким кругом аналогий, появлением больших серий однотипных памятников в крупных могильниках. Гораздо меньше обнаружено погребений. Все это говорит о некоторой стабилизации обстановки в степи в рассматриваемый период.

В работе проанализирован материал 103 погребений. В это число вошли все известные памятники, представленные в отчетах по территориям Актюбинской, Западно-Казахстанской, Атырауской областей, включая опубликованные ранее Ф.Д. Нефедовым, Б.Н. Граковым, И.В. Синицыным.

подавляющее число погребений имеет собственную курганную насыпь, что также отражает факт стабилизации обстановки и отсутствия боязни ограбления могил со стороны враждебных племенных группировок, что было весьма характерно в предшествующий период. Количество впускных могил крайне незначительно - 7,5% от общего числа рассматриваемых памятников. Размеры насыпи курганов варьируют в пределах от 4 до 18 м. Их, в целом, можно разделить на 3 группы: мелкие - до 4 м, средние - 4-10 м, большие - от 10 до 18 м. Наиболее представительна группа памятников с большими в диаметре насыпями - 49,5%, средняя составляет 45,1%, и совсем незначительное в количественном плане группа маленьких насыпей - всего 5 случаев (5,4%).

Простая земляная насыпь встречена у 63,4% памятников. Такие конструктивные особенности, как земляная насыпь, сооруженная с применением камней и построение сырцового ограждения на уровне древнего горизонта под насыпью представлены в равной пропорции - по 16,1%. Каменное кольцо по периметру кургана - черта довольно редкая в памятниках рассматриваемого региона, всего 4 случая.

Остатки костей животных встречены в насыпи курганов в 36 случаях (34,95%), в насыпи могил 8 случаев (7,8%), на дне могил - 24 случая (23,3%). По месту нахождения эти остатки вполне соотносятся с двумя категориями - тризна и заупокойная пища. В количественном плане преобладают кости овец, далее идут кости крупного рогатого скота и лошадей, и в исключительных случаях встречаются кости птиц или рыбы. Кости рыб встречаются в памятниках, расположенных вблизи крупных водоемов - Прикаспийском районе и низовьях Урала.

Погребальные ритуалы, связанные с огнем, не характерная для этого периода деталь. Остатки кострищ, золы или уголь-

ков зафиксированы в 5 случаях (5,4%) в насыпи курганов и 6 (5,8%) - в могильных ямах.

Преобладающей формой могильных ям является простая прямоугольная - 79,6%. В ряде случаев стенки ямы незначительно сужаются или расширяются ко дну. Однако едва ли можно считать такие отклонения специфическими чертами погребального обряда, обусловленными различиями этнического или религиозного характера. Могильные ямы, имеющие уступ или уступы вдоль стен составляют 17,2%; подбойные могилы очень редки - всего 3 случая (2,9%). По глубине могильные ямы разбиваются на 3 группы: до 0,5 м - 24,7%; около 1 м - 23,7%; от 1,5 до 2 - 51,6%. Наиболее представительная третья группа глубоких могил.

Ориентировка скелетов различная, доминирующей является южная - 31,2% далее в количественном плане идет западная - 19,4%, северо-восточная - порядка 12,9%, северо-западная - 11,8%, восточная - 8,6%, северная - 10,8%, менее всего представлена юго-западная - 5,4%. Случаев юго-восточной ориентировки погребенных не встречено.

Деревянная конструкция в виде перекрытия встречена в 33 могилах, что составляет 35% от общего числа анализируемых памятников. Перекрытия встречаются как в простых по форме могильных ямах, так и в могилах с уступами вдоль длинных стен. Перекрытия обычно представляют собой поперечно положенные различного размера доски. Иногда они опираются не на края могильной ямы или уступы, а на два продольных бруса. Остатки гробов зафиксированы в 36,6% могил. Колода, выдолбленная из ствола дерева, редкое явление - всего 4 случая (3,9%). Перекрытия вместе с остатками гробовищ встречаются в 10 могилах (9,8%). Перекрытие с колодой - в 2 могилах.

Для выявления основных черт в погребальном обряде второй хронологической группы стоит остановиться на подробном рассмотрении имеющихся в наличии памятников. Наличие могильников, содержащих несколько однотипных памятников, позволяет сравнивать такие курганные группы между собой по ряду признаков, выявляя определенные различия.

Таким крупным могильником, представляющим собой ро-

довое кладбище отдельной группы кочевого общества, является могильник Мокринский I, расположенный на левом берегу реки Большой Узень, в 1 км на юго-восток от села Мокринское Западно-Казахстанской области. Исследовано 17 курганов, содержащих 28 погребений (рис.30, 31.). Во всех погребениях данного могильника, относящихся к рассматриваемому периоду, зафиксирована южная ориентировка с небольшими сезонными отклонениями. Часть курганов содержит по два и больше одновременных захоронения. Одиночные и индивидуальны захоронения исследованы в 9 курганах, по 2 погребения находилось в 6 курганах, 3 и 4 по одному [Кушаев, 1975].

Почти все погребения могильника основные. Впускное - одно в первом кургане. Насыпи курганов сооружены из земли, без применения камней. К моменту раскопок они представляли собой оплывшие по форме возвышения высотой от 0,15 до 0,3 м. Диаметр насыпей колеблется от 4 до 12 м. К конструктивным особенностям, характерным для этого могильника, можно отнести часто используемую заливку из глины или ила на уровне погребенной почвы, под насыпью кургана. Более половины насыпей (10) содержали остатки тризны: обломки лепных и гончарных красноглиняных сосудов и кости животных. Остеологические материалы представлены костями водоплавающих птиц, овец и лошадей. Кости крупного рогатого скота не обнаружены. Среди находок - ребра, позвонки, трубчатые кости. В двух случаях, в насыпи курганов № 13, 14 находились черепа лошадей. Керамика представлена различными фрагментами донных частей, тулова или венчика. В кургане № 13 находился разбитый крупный сосуд. После реставрации установлены его размеры - высота 1 м. По форме и типу он аналогичен среднеазиатским хумам (рис.31-А-3.).

Заливка из глины, возможно, речного ила присутствовала и в ряде могил, накрывая перекрытия из дерева. В 7 курганах под насыпью находилась конструкция из сырцовых кирпичей. В трех курганах №№ 10, 16, 17 она имела вид сплошной прямоугольной выкладки над могильной ямой до трех слоев кирпича. В курганах №№ 11, 14, 15 из сырцовых кирпичей сложена оградка-сагана, и в кургане № 13 присутствовало и то и

Бисембаев А. А.

другое.

Могильные ямы в курганах в основном простой прямоугольной формы, только в 4 погребениях вдоль длинных стен вырублены уступы. Причем ямы с уступами встречены под одной насыпью с простыми ямами. Глубина ям от 0,5 м до 1,5 м. Засыпь земляная, без дополнительных включений. Кроме перекрытий, в ряде могил сохранились остатки от деревянных гробовищ и коррозированные крупные стержнеобразные гвозди с помощью которых эти конструкции собирались. В качестве подстилающего материала использовались доски, камыш, кошма. Ориентировка, как уже было сказано, у всех покойников южная. Особых расхождений в позе погребенных нет.

Инвентарь довольно однообразен. Это фрагменты выполненной на гончарном круге или способом ручной лепки керамики, бронзовые, серебряные или золотые проволочные серьги в виде знака вопроса, обломки ножей и пряжек, берестяные трубки, остатки кожи от обуви, медные и серебряные монеты и мелкие полиметаллические украшения, разнообразные по форме и исполнению. Предметы вооружения полностью отсутствуют. Еще одна примечательная деталь - украшения из драгоценных металлов и более разнообразный комплект инвентаря находились в погребениях с усложненным ритуалом: с выкладками, оградками или сочетанием гробовища и перекрытия. И наоборот, бедные и безинвентарные погребения совершены по упрощенному ритуалу. В целом же, погребения могильника Мокринский очень однотипны и близки между собой.

Крупный курганный могильник исследовался в течение ряда лет экспедицией Актюбинского педагогического института на реке Жаман Каргала, в 10 км северо-восточнее города Актобе. Первое исследование на могильнике проводилось в начале века И. А. Кастанье. Могильник содержал большое количество разновременных погребений. К интересующему периоду относятся погребения курганов №№ 12, 13, 15, 16, 22, 24, 30, 34, 35. Одно погребение в этой серии впускное, в кургане № 24.

Насыпь только одного кургана № 34 земляная, остальные возведены с применением крупных камней и щебенки. В 3 слу-

чаях, кроме наброски прослеживалось и каменное кольцо по периметру насыпи кургана. Сырцовые конструкции в насыпях курганов этого могильника не прослежены. Размеры насыпи варьируют по высоте от 0,1 до 0,3 м и от 4 до 8 м в диаметре, т.е. в целом, небольшие. Как остатки тризны в насыпях курганов встречаются кости лошади.

Могильные ямы простой прямоугольной формы, в двух случаях в коротких стенках у дна выдолблены неглубокие ниши. В погребении кургана № 15 верхняя часть могильной ямы забутована камнями. Остатки деревянных сооружений в могилах распределяются следующим образом: в 3 погребениях перекрытия из плах, в 4 - остатки сколоченных гробовищ и в одном - долбленная колода. В кургане № 22 деревянный гроб был дополнительно обернут берестой. Нечто подобное было зафиксировано И.А. Кастанье недалеко от могильника Жаман Кургала, в кургане у подножия горы Жылантау [Кастанье, 1907. С.115].

Ориентировка погребенных различная, преобладает северное направление. 4 случая северной ориентировки, 2 -северо-восточной, 1- северо-западной. На запад ориентированы скелеты в 2 погребениях. Инвентарь захоронений состоял из бронзовых зеркал, берестяных трубок, железных ножей, костяных накладок лука, железных наконечников стрел, стремян, удила, пряжек, ножниц, проволочных серег и мелких украшений (рис.19, 20, 24.).

Следующая компактная группа исследована в могильнике Целинный I. Курганы №№ 63, 65, 66, 73 практически однотипны. Во всех курганах под насыпью на уровне древнего горизонта находилась оградка из сырцовых кирпичей. Кроме того, выкладка из сырцовых кирпичей над могилой и заливка площади вокруг ограды жидкой глины присутствовали во всех памятниках, кроме кургана № 73 (рис.32, 33.). В могильной яме кургана № 66 прослежены уступы, на которые была уложена трехслойная кладка из кирпичей. Во всех остальных уступы отсутствовали, а в яме находилось деревянное перекрытие. Перекрытие укладывалось в яму паискосок, упираясь одним концом в дно, другим на вертикально поставленные у стен-

ки плахи. Только в кургане № 73 перекрытие находилось параллельно дну ямы и состояло из поперечных досок, уложенных на две продольные жерди. Ориентировка скелетов западная, в курганах № 65, 66 с небольшим отклонением к северу.

В кургане № 63 исследовано 2 одновременных захоронения - мужское и женское. Могильные ямы под насыпью кургана располагались несколько необычным образом, не параллельно друг другу, а одна за другой в одну линию. Инвентарь рассматриваемых захоронений также однотипен - железные стремена, пряжки от сбруи, удила с перегибом и большими по диаметру кольцами, железные черешковые ножи, наконечники стрел, берестяные колчаны, железные колчаные крючки, бронзовая чашка и два одинаковых украшения ромбовидной формы из припаянных друг к другу 9 бронзовых кружочков.

Комплексы погребений из могильников, расположенных в окрестностях поселка Лебедевка Западно-Казахстанской области в верховьях реки Калдыгайты в течение нескольких лет публиковались различными авторами. Результаты раскопок 1996-1997 гг. были опубликованы Г.И. Багриковым и Т.Н. Сениговой. Одиночный курган содержал захоронение мужчины-воина. При скелете, уложенном головой на запад были обнаружены остатки конской сбруи - железные удила и пряжка, брошенные в ногах, железная сабля, клинок от кинжала, серебряный сосуд, золотая кольцевидная серьга, берестяной колчан с железными черешковыми наконечниками стрел, серебряные с позолотой мицдалевидной формы пластинки, украшенные зооморфным орнаментом. Защитное вооружение воина представляли железный шлем с пластинчатой бармицей и железный пластинчатый панцирь. Скелет лежал на дощатом настиле. Перекрытие было вставлено в пазы, выбранные в стенках ямы [Багриков, Сенигова, 1968. С.86-89].

Курган № 3 могильника Лебедевка IV содержал под земляной насыпью мужское захоронение с западной ориентировкой. Инвентарь состоял из пояса с серебряными накладками квадратной формы и бронзовыми обоями, железной пряжки и двух разнотипных стремян. Авторами раскопок оба захоронения отнесены к XIV в. Однако форма стремян из второ-

го захоронения нам кажется несколько более ранней. Дополнительно эти памятники вместе с другими комплексами из могильников Лебедевка публиковались В.А. Кригером [Кригер, 1984. С.109-111].

Небольшие серии разнотипных погребений исследовались в разное время Б.Ф. Железчиковым, М.Г. Мошковой, Г.А. Кушаевым, В.В. Родионовым на могильниках Мамбетбай, Кос Оба, Жарсуат, Базартобе, Мечей, Калмак Чабан I и II, Шалкар IV, V, Лебедевка, Новая База. Погребения на каждом из могильников типологически близки друг другу и в то же время наблюдается различие в чертах погребального обряда разных могильников. Часть погребений содержит захоронения мужчин с предметами вооружения и костями лошадей в снаряжении. На определенной группе погребений прослеживается смена этого обрядового действия - присутствует конская сбруя, брошенная в ногах покойника или на перекрытии. Инвентарь разнообразный, от сабельных клинков до мелких украшений. Предметы вооружения присущи только мужским погребениям, чего нельзя сказать о предметах конской сбруи. В погребальном обряде этих захоронений наблюдаются все вышеуказанные черты: каменные кольца, перекрытия, гробы и колоды и др. Редким явлением остаются подбои (рис.21, 22, 25, 26, 27.).

Четыре женских захоронения, отнесенных к периоду XIII-XIV вв., исследованы Б.Ф. Железчиковым и В.А. Кригером на могильнике Алебастрово II, в курганах №№ 3, 5, 11, 13 [Кригер, Железчиков, 1980. С.301-306]. Инвентарь, обнаруженный в этих погребениях, весьма характерен для этого времени: бронзовые зеркала, железные ножницы, железные удила, серьги, берестяные трубочки и др.

8 средневековых погребений XIII-XIV вв. были исследованы И.В. Сеницыным в бассейне Большого и Малого Узеней в 1948-1950 гг. [Сеницын, 1956. С.87-139], и еще два Т.Н. Сениговой в 1953 г. [Сенигова, 1956. С.157-162]. Ориентировка скелетов в исследованных памятниках - западная, состав инвентаря - стандартный: предметы конской сбруи - удила, стремяна, пряжки; предметы быта - ножи, сумки, кресала, берестяные

трубочки, серьги и др.

Три частично развезанных погребения исследовал А.Н. Мелентьев в местности Тюкей Молла в центральной части Волго-Уральского массива. Ориентировка скелетов северо-восточная. Присутствует подстилание под скелеты камыша, досок и кошмы. Инвентарь - предметы конской сбруи и украшения.

Женское захоронение с подобным набором вещей было исследовано экспедицией Актюбинского университета в полевом сезоне 1997 г. в могильнике Салтак I, находящемся в пойме реки Урал. Курган № 1, самый западный в исследуемой группе, выделялся скоплением крупных камней на поверхности. Под насыпью кургана на уровне погребенной почвы находилась подквадратная каменная ограда, ориентированная по линии СВВ-ЮЗЗ. Крупные каменные плиты были уложены в стены шириной до 1 м методом безрастворной кладки. Размеры ограды по внешнему периметру 5x5 м. В западной стенке у юго-западного угла прослежено понижение в кладке - своеобразный "вход". Могильная яма находилась в центре кладки, на засыпь ямы на уровне погребенной почвы, почти у центра кургана, находился скелет ребенка полутора-двух лет. Костяк был уложен в неестественной так, что правая височная кость покоилась на правой тазовой кости, ноги были поджаты под тело, т.е. тельце ребенка было буквально сложено пополам вправо набок [Бисембаев, Гуцалов, 1998. С.152-155]. В яме в остатках деревянной конструкции типа гроба головой на СВВ лежал скелет взрослой женщины. При скелете найдены: бронзовое посеребренное зеркало с зооморфным орнаментом, железные ножницы шарнирного типа, бронзовая чашка, берестяная трубка и бронзовая ажурная подвеска головного убора (рис. 23.).

Мазар из сырцовых кирпичей был вскрыт под насыпью кургана № 12 могильника Барбастау I. Частично в кладке присутствовали жженые кирпичи. Мазар состоял из двух камер - северной и южной, с четырьмя захоронениями, из которых два были совершены в склепах, а два в грунтовых ямах. Датируются захоронения находками золотоордынских монет.

Специфическое, ритуально-культовое сооружение было об-

наружено в могильнике Калмак-Чабан I под насыпью кургана № 11. В юго-восточном секторе находились основания двух каменных изваяний, изготовленных из зеленоватого сланца, зарытые в землю на глубину около полуметра. В юго-западном секторе находилась квадратная яма 1,5x1,5 м, в которой лежали скелеты трех обезглавленных овец на правом боку, ориентированные на юг. Черепа животных были уложены позади туш [Кушаев, Кокебаева, 1979].

Таким образом, имеющиеся в наличии памятники укладываются в схематичную и во многом условную разбивку на три группы: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями) с костями коня или без них и 3) погребения с чертами новой идеологии - сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича в засыпях могильных ям.

§2. Элементы материальной культуры XII-XIV вв.

В определении даты погребений второго периода значительную роль играют инвентарные комплексы, включающие в себя принадлежности конской сбруи, предметы быта, украшения и многое другое. Так все эти предметы носят ярко выраженный кочевой характер. Их количество и состав в захоронениях отражают половую принадлежность покойников, в какой-то мере показывают моменты социальной дифференциации в обществе. Рассмотрение вещевых комплексов предложено по традиционной схеме, оправдавшей себя многолетней проверкой с разбивкой на типы по имеющимся классификационным схемам [Плетнева, 1958; Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988].

Принадлежности конской сбруи.

Стремена (25 экз.) - самый распространенный элемент конской сбруи. По типологии Г.А. Федорова-Давыдова представлены следующие типы: БI, ГI, ДIII, ЗI. Наиболее распространенный - арочной формы с широкой подножкой и круглой в сечении дужкой. У подножки на нижней стороне зачастую наблюдаются выступающие ребра жесткости. Верхняя часть ду-

Бисембаев А.А.

жек расплющена и в ней пробита прорезь для ремня. Именно этот тип, неизвестный ранее, начинает широко распространяться с XI в. Расплющивание верхней части дужек можно определить как весьма характерный признак, присущий кыпчакским ремесленникам. Но этот тип не был единственным, наряду с ним существуют и более ранние по происхождению. Довольно часто в сбруйном наборе присутствуют стремена различных типов. Эволюционные схемы изменения формы стремян хорошо обрисованы в литературе [Федоров-Давыдов, 1966. С.12]. Редкие типы стремян происходят из могильника Лебедевка IV [Багриков, Сенигова, 1968. С.89]. Одно стремя с закругленной подножкой и расплющенной дужкой с лопастьями. В верхней части дужки имеется выступ прямоугольной формы с прорезью. У другого (тип ПП): в соединении дужки с подножкой наблюдаются рудиментарные остатки лопастей - небольшие выступы. Еще одно оригинальное стремя с узкой выгнутой подножкой и широкой раскованной дужкой с прорезью происходит из кургана № 6 могильника Лебедевка VIII [Иванов, Кригер, 1988. С.31].

Стремена в могилах помещаются на перекрытии, на уступе, вместе с костями коней или в могиле рядом со скелетом человека. Для второго периода весьма характерно помещение стремян в комплекте с остальными принадлежностями конской сбруи в ногах погребенного. Предметы в этом случае свалены в кучу. Остатки седел не прослеживаются, что позволяет утверждать, что стремена при помещении в могилу отвязывались от путлища. При захоронении костей лошади они располагаются по обе стороны костяка

Удила (16 экз.) однотипные, двусоставные с одинаковой длиной составных колен и большими, до 8 см в диаметре кольцами (тип ПП по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова). Кольца и сами удила в сечении круглые, изготовленные из железного прута диаметром от 8 до 15 мм. В могилах размещаются возле скелета человека или в зубах у черепа лошади. В этом периоде удила практически однотипные по форме и исполнению. Кольца закреплены за счет расплющивания и загиба концов стержней гризла. Эта стандартная форма, наиболее оп-

тимальная и удобная, широко распространилась и существует до сих пор.

Седла зафиксированы в трех погребениях. Судя по остаткам, изготовлены из тонких дощечек. Остаются, в основном, фрагментарные обломки задней или передней луки и полки. На передней луке обычно закреплены костяные пластинки - обкладки. В задней части седла иногда закрепляются железные кольца для приторачивания сумок. Эталонный образец седла этого периода происходит из впускного погребения кургана у села Смелое на Северском Донце [Швецов, 1984. С.264-270]. По седлу хорошей сохранности хорошо прослеживаются конструктивные особенности и техника изготовления. Данный экземпляр с высокой передней лукой и пологой задней. Деревянные детали скреплялись между собой кожаными ремнями через специальные отверстия. Украшения из костяных накладок шли по краям деталей.

Предметы вооружения.

Наконечники стрел (37 экз.). Наиболее массовая серия предметов наступательного вооружения представлена разнообразными типами: VIII, BV, ГI, BIV, BVII, BIX, BX. Все они, железные, черешковые, массивные, длиной до 14 см, делятся на следующие группы: трехгранные или круглые в сечении - "бронбойные", плоские ромбической или треугольной формы, причем, треугольник размещается одним из углов к черешку или угол служит боевой частью, и плоские "двурогие" охотничьи стрелы. Яркие экземпляры случайных находок представлены в экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея. Один из них с удлиненно-треугольной головкой, переходящей в сечении из восьмиугольника в четырехугольник. Три образца имеют вытянутую сужающуюся форму боевой части. На месте перехода в черешок есть специальные расширения, позволяющие избежать расщепления древка и выбивку наконечника при ударе. Черешки заостренные, вытянутые, круглые или квадратные в сечении со спиленными гранями (рис.28.). Кроме этого, в могильнике Жарсуат I в кургане № 1 обнаружен костяной пулевидной формы втульчатый наконечник стрелы. Втулка скрытая, на месте втулки наконеч-

ник круглый, далее переходящий в трехгранную, боевую часть (рис.27-А.-5.).

В могилах располагаются от 1 до 7 экземпляров, находящихся в берестяных колчанах или просто рядом со скелетом. В 3 случаях они обнаружены между ребер скелетов и, по-видимому, являлись причиной смерти.

Наконечники копий (2 экз.), втоковидные, в виде конуса, свернуты из железного листа. "Классических" образцов наконечников копий в Западном Казахстане нет. По имеющимся на Южном Урале можно предположить существование их у местного населения [Иванов, Кригер, 1988. С.13].

От **луков** остаются деревянные обломки и костяные накладки (12 экз.). Накладки вытянуто-овальной формы. На концевых имеется вырез для тетивы. Внешняя поверхность накладок выпуклая, заполированная, внутренняя - плоская с насечками. По имеющимся экземплярам можно предположить, что лук этого времени имел по две концевые с выемками на каждом конце, по паре овальных на плечах и одну фронтальную - на центральном изгибе, в виде двухлопастного весла.

Колчаны (14 экз.), берестяные, в форме усеченного конуса, длиной до 80 см. Для сохранения жесткости имеют каркас из деревянных реек. В сечении овальные с щитком в верхней части. Дополнительно при колчане бывают железные пряжки и обрывки ремней. Колчанных крючков обнаружено 2 экз. Хорошо сохранившийся образец случайной находки имеет откованную спинку с двумя отверстиями и граненый крючок. На спинке прослеживается выбитый орнамент в виде ромбиков, соединенных продольными полосами (рис.28-1.).

Характерной чертой этого периода является наличие у колчанов орнаментированных костяных накладок. В нашем регионе наиболее яркие образцы происходят из погребений могильников Шалкар IV, Худай-Берген. Они представляют собой плоские пластинки с выгравированным орнаментом растительного характера. Для усиления эстетического эффекта применяется заполнение выемок красной или черной краской. Полная сводка костяных колчанных накладок и корреляция их с другими типами вещей позволяет говорить о том, что вре-

мя их распространения и широкого бытования - рубеж XIII-XIV вв. Таким образом, эти пластинки могут выступать в роли датирующего материала [Малиновская, 1974. С.160].

Сабли (2 экз.) крайне редкий вид наступательного вооружения средневековых кочевников, помещаемый в могиле, что, вероятно, связано с трудностью изготовления и дороговизны. Анализируемые экземпляры имеют клинки длиной около 1 м слегка изогнутые с линзовидным в сечении лезвием. На саблях фиксируются остатки деревянных ножен, железных обойм и оковок с петлями для подвешивания.

Кинжалы (3 экз.) типологически похожи на ножи, имеют удлинненно-треугольное в сечении лезвие и выделенный черешок рукояти, но гораздо больше и массивнее, длиной до 30 см. Кинжал из кургана № 6 могильника Лебедевка VIII имел костяную рукоять, украшенную цветным орнаментом. Полностью аналогичный ему обнаружен недалеко от Анапы в Куматырском могильнике [Новочихин. С.121].

Доспех из железных пластинок был надет на воина в погребении кургана № 3 могильника Лебедевка IV. Он представлял из себя панцирь в виде длинной безрукавной рубахи из железных продолговатых пластин размером 8x1,5 см. Пластины заходили одна за другую и скреплялись кожаными ремешками через два ряда отверстий. Шесть пластинок от панциря размерами 6,2x1,7 см найдены в погребении кургана № 3 могильника Мамбетбай. Подобная "символизация" - явление распространенное в погребальном обряде кочевников средневекового периода (рис.26-В-8.).

Вместе с панцирем обнаружен шлем, склепанный из железных пластин (Лебедевка IV, курган № 3). Форма шлема полусферическая, в верхней части закреплена втулка для султанчика из волос. По нижнему краю шлема проходит железное кольцо с двумя рядами железных пластин - "бармицей", для защиты шеи от удара.

К защитному вооружению относятся 4 бронзовых и 1 железный наколенники. Выполнены они однотипно в виде выдвинутой округлой пластины с двумя отверстиями для крепления с помощью ремней. Два одинаковых серебряных нако-

ленников в форме правильной полусферы с бортиком, сопровождали воинское захоронение XIII в., опубликованное А.С. Спицыным [Спицын, 1905. С.81].

Предметы быта.

Ножи (36 экз.) - распространенная категория инвентаря, встречающаяся как в мужских, так и в женских погребениях. В основном представлены двумя типами: с прямой и с горбатой спинкой; черешковые, рукоять или костяная, или деревянная. В могилах остаются лезвия удлиненной формы в сечении, длиной от 7 до 15 см.

Ножицы представлены 8 экземплярами нескольких типов: близкие к современным, шарнирные с круглыми кольцами; шарнирные с незамкнутыми петлями и пружинные, выполненные из цельной железной пластины.

Кресала (6 экз.) овальной формы с несомкнутыми отогнутыми концами одно- или двулезвийные. В погребениях вместе с ними находятся и камни беловатого цвета - кремни.

Точила (2 экз.) продолговатые бруски из камня серого цвета без сквозного отверстия для подвешивания. Редкость их в погребениях объясняется тем, что их не носили постоянно [Иванов, Кригер, 1988. С.15].

Гребни также достаточно редки, их всего 2 экземпляра. В обоих случаях двусторонние, деревянные, с различной частотой зубьев. Атрибут женских погребений.

Шилья или проколки (6 экз.) - металлические стержни, заостренные с обоих концов, квадратные или круглые в сечении, длиной до 12 см.

Посуда. В кургане № 13 могильника Мокринский I при сносе насыпи обнаружен большой красноглиняный кувшин с ручкой, хорезмийской работы [Жумаганбетов, 1995. С.32]. Кроме того, в этом могильнике в большинстве курганов в насыпях найдены фрагменты керамики. В двух случаях зафиксированы частично ислевшие деревянные чашечки. Дважды зафиксированы находки бронзовых, цельнокорпусных чашек. Один серебряный, колоколовидный сосуд находился в могильнике Лебедевка IV.

Пряжки (19 экз.) - следующая категория бытовых предме-

тов. По местонахождению в погребениях, размерам и функциональному назначению делятся на поясные и подпругные. Доминируют типы АI, АII, АIII, БIII. Изготавливались из железного прута круглого или квадратного сечения. Редко использовались костяные пряжки с железным язычком.

Украшения.

Серьги (34 экз.) - довольно распространенная категория в этом классификационном блоке. Выполнялись из металлической проволоки различного диаметра. Материал, из которого изготавливались, - бронза, серебро, изредка золото. По форме делятся на два типа: круглые и в виде знака вопроса. На круглых иногда бывает надета бусина. У выполненных в виде знака вопроса в нижней части имеется намотка, крепятся бусины, жемчужины, полудрагоценные камни и т.д. Предмет, встречающийся в большинстве случаев в женских погребениях, гораздо реже в мужских. В мужских находится одна серьга с левой стороны. Возможно, это проявление общекочевого обычая, нечто вроде моды, тем более, что этот момент известен и в ранних погребениях. В могильнике Мокринский I в погребении кургана № 9 обнаружены 2 серьги из золота, не имеющие аналогов. Выполнены они в форме жуков-скарабеев.

Перстни представлены в 2 экземплярах, и оба происходят из могильника Мокринский I, курганы №№ 14, 17. Они аналогичны друг другу, без вставок, с выделенным прямоугольным щитком, диаметром 1,5 см.

Бусы (88 экз.) редко встречаются в погребениях в виде целого ожерелья, чаще одна-три штуки. Различаются по размерам, форме и материалу, из которого изготовлены. Из стекловидной массы, пастовое, из природных материалов: агатовые, сердоликовые, янтарные, халцедоновые, гешировые и др. По сравнению с остальными гораздо реже встречаются бронзовые, в виде полых шариков.

Бокка (15 экз.) - атрибут женских погребений, характерный для периода XIII-XIV вв. Представляет собой свернутую из бересты трубку диаметром 3-7 см и длиной до 25 см. На бересте иногда видны отверстия от ниток, которыми она сшивалась. Могла использоваться как футляр для кос, тем более что

в районе тазовых костей, берестяных трубок иногда бывает и по две.

Зеркала (19 экз.) встречаются целыми или в обломках, довольно часто в погребении присутствует только фрагмент. Изготовлены из бронзы или серебра. Иногда наличествует такой момент, как серебрение поверхностей. По форме круглые до 12 см в диаметре. Тыльная сторона украшалась изображениями представителей животного мира, растительным или геометрическим орнаментом, надписями. Изображения обычно нечеткие, расплывчатые, что, вероятно, объясняется тем, что зеркала, находимые в регионе являются копиями с импорта. Для рассматриваемого периода характерны однотипные зеркала в форме плоского диска. Зеркала хранились в деревянных футлярах или в шелковых мешочках в остатках которых обычно обнаруживаются в могилах.

Отдельную категорию инвентаря составляют бляшки (4 экз.), привесные цилиндрики (2 экз.), колокольчики (3 экз.) и различные привески, не поддающиеся типологическому сравнению, изготовливавшиеся мелкими сериями. Особое место в составе инвентаря, не вписываясь ни в одну из вышеназванных категорий, составляют монеты (21 экз.). Они подменяют одну из черт погребального обряда - помещение в могилы заупокойной пищи, а также являются свидетельством проникновения в кочевую среду товарно-денежных отношений. Монеты серебряные или медные, чекана поволжских, среднеазиатских или южноказахстанских городских центров.

§3. Каменные изваяния.

Специфичным проявлением материальной культуры средневековых кочевников являются каменные изваяния. Постановка изваяний в Западном Казахстане характерна именно для кыпчакского периода XI-XIII вв. Для огузо-печенежского времени подобные проявления не типичны. После монгольского завоевания традиция изготовления скульптур пошла на убыль.

Частично изваяния исследуемого региона публиковались в археологической литературе. Ряд особенностей, присущих За-

падно-Казахстанским памятникам этого круга, требует подробнее остановиться на их характеристике. Точное местонахождение большинства из них не установлено, что значительно влияет на достоверность информации.

Изваяние № 1 (рис. 29-2.) происходит из Уилского района Актюбинской области, из песков Баркын. Сохранившаяся часть по высоте составляет 98 см, при максимальной ширине 42 см. Выполнено из светло-желтого песчаника. Изображение частично объемное. Рельеф хорошо передан с лицевой части и с боков, и почти не прослеживается сзади. Очень четко в виде выдающейся вперед плоскости выполнено лицо, на котором рельефно выступает крупный нос. В верхней части линия носа соединяется с надбровьем, пробитым углублениями. Прямой короткой чертой выбит рот. Глаза стилизованы в виде неглубоких ямок. Верхняя часть головы сбита. Четко выделенной шеи и ушей нет. Голова переходит в покатые плечи. Хорошо, выпуклым изображением, показана грудная клетка и руки, сложенные на животе. Выявить, что находилось в руках не удастся, так как изваяние подверглось эрозионным процессам. Ниже рук наблюдается небольшое сужение по телу, переходящее в конусовидное расширение основания.

Изваяние № 2 (рис. 29-4.) происходит из местности Ульке Хромтауского района Актюбинской области. Вытесано из глыбы светло-серого гранита. Сильно выветрено. По высоте 78 см, максимальная ширина - 35 см. Общая форма напоминает усеченный конус с широким основанием вверх. Изображение хорошо прослеживается с лицевой части и боков и отсутствует сзади. Детально показана лицевая часть. Путем круговой обивки рельефно выступает нос на почти квадратном лице. Глаза показаны углублениями, окантованными дугообразными линиями. Верхние образуют одну линию с контуром носа. Отдельно над глазами показаны сросшиеся в переносице брови. Рельефно выполнены широкие губы, над которыми присутствует утолщение, идущее к бокам, скорее всего, усы. Двумя сходящимися косыми линиями ниже губ оформлена борода. При переходе головы в тело небольшим сужением намечена шея, ниже которой, повторяя контур лица, начиная с боков, идут заглаблен-

ные, сходящиеся к центру линии. Их вполне можно трактовать как ворот одежды.

Изваяние № 3 (рис.29-3.), найденное на берегу реки Талдык в Айтекебийском районе Актюбинской области, выполнено из серо-черного гранита, объемное, рельефное. По сохранившейся высоте около 80 см, ширина в плечах - 46 см. Изображение очень реалистичное, рельефное со всех сторон. Крупная голова имеет плавные контуры. На голове нечто вроде шапочки. Очень четко, выпукло выполнено левое ухо. Правое и верхняя часть головы отбиты. Следы отбивки видны и на левом плече. Хорошо выполнены скулы, рельефный выпуклый нос и глаза. Брови пробиты дугообразными линиями. Плохо прослеживаются рот и усы. Подбородок имеет приостренную форму со стилизацией небольшой бородки. Шея короткая, переходящая в широкие плечи. Выпуклая грудь обозначена ключичными понижениями и грудной впадиной. Руки, сложенные на животе, выполнены объемно, хорошо проработаны пальцы. В руках находится сосуд кувшиновидной формы. Линия рук также хорошо прослеживается на спине. Нижняя часть утрачена. Слева ниже руки начинается расширение, что позволяет предположить сидячую позу.

Изваяние № 4 (рис.29-1.) происходит из района Мугоджар, истоков реки Улы-Талдык. Выполнено из светло-серого гранита. Подверглось очень сильному выветриванию, поэтому изображение едва прослеживается. Размеры 78x35 см. Техника выбивки точечная. Хорошо выполнена только объемная спереди и с боков голова. Лицо неправильной формы, несколько вытянуто вправо. Глаза миндалевидные, очерчены небольшими углублениями. Длинный и широкий у основания нос выполнен вместе с крупными бровями. Выпукло на лице показаны скулы. Ниже носа идет поперечная, нечеткая линия. Неясность изображения не позволяет однозначно трактовать ее как усы. Рот выбит овальной ямкой. Подбородок приостренный. На месте соединения головы и корпуса небольшие углубления - стилизация шеи. Слева на корпусе двумя линиями показано плечо и часть руки.

Изваяние № 5 (рис.29-5.) представлено только объемно вы-

полненной головой. Точное место находки не установлено. Выполнено из серо-желтого песчаника. Его отличают особенные черты. Общие контуры очень плавные, хорошо обработанные. Голова в сечении напоминает овал. С затылочной части — необработанный каменный нарост. На изображении прослеживаются следы грубой шлифовки. На голове изваяния что-то вроде конусной шапки с выступами по бокам, напоминающее шлем. Изображение головного убора пробито сплошной линией. Такими же прорезными линиями показаны нос, глаза, рот. Линии бровей нечеткие. Рельефно, выпукло показано левое ухо с серьгой в виде знака вопроса. Ниже уха небольшим углублением показан переход к плечам. Изображение небольшое, размеры сохранившейся части 24x18 см. По общему облику значительно отличается от предыдущих.

Два изваяния из Западно-Казахстанской области выполнены из серого гранита. Одно имеет контурный облик лицевой части и грудь, обозначенную небольшими кружками. Второе, меньшего размера, с четко обозначенными плечами и контурным изображением рук. Голова круглая, хорошо выбитый нос и рот. Глаза оформлены в виде ямок. Линия бровей сросшаяся над переносицей [Чариков, 1986. С. 140].

Типологически близки между собой второе и четвертое изваяния. В обоих случаях основное внимание уделено голове и деталям лица. Шея обозначена небольшим сужением, а детали тела не проработаны, также отсутствует хорошо очерченный корпус. У второго изваяния прорисованы усы и борода, т.е. оно, без сомнения, мужское. В четвертом эти явные признаки не наблюдаются. Первое изваяние также трудно определить. А.А. Чариков предложил считать его женским, трактуя по выпуклой форме груди. Третье изваяние вполне хорошо по форме тела и наличию усов с бородкой определяется как мужское. По стилистике исполнения и по сюжету, оно в рассматриваемой группе самое раннее. Я.А. Шером подобные отнесены к II типу и выделены в пятую группу мужских изваяний с сосудом в обеих руках [Шер, 1966. С. 26]. Талдыкское вполне вписывается в предложенную схему и по аналогии с семиреченскими и восточно-казахстанскими, а также по форме сосуда датируется VIIв. От-

личительная особенность - головной убор, близких аналогий которого выявить не удалось.

Второе и четвертое изваяния относятся к третьему типу, объединяющему стеловидные скульптуры по типологии А.А. Чарикова [Чариков, 1980. С.137-140]. По широкому кругу аналогий из Восточного Казахстана и Зауралья можно определить время их изготовления X-XII вв. [Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Чариков, 1979; Арсланова, Чариков, 1974]. Вероятно, этим же временем датируется первое изваяние. По стилистике оно похоже на изваяния с сосудом в обеих руках, тем более что поза та же. Но, к сожалению, из-за выветривания нельзя уверенно говорить о наличии в руках какого-либо предмета.

Пятое изваяние по стилистике и качеству проработки сближается с изваяниями Восточной Европы XI-XIII вв. Отсутствие усов и бороды позволяет отнести его к женским скульптурным изображениям [Плетнева, 1974; Навротский, 1995. С.157-164].

Остановка изваяний носила в кыпчакском обществе следы сложных культов поминального характера, и, как показывает сравнительный анализ, не сопровождала погребальные ритуалы, связанные с конкретным покойником. Работа с половецкими святилищами Восточной Европы приводит именно к такому заключению. От сложных конструкций святилищ на данный момент остаются скопления камней, прямоугольной или округлой в плане формы. Здесь же фиксируются отголоски сложных тотемистических культов [Швецов, 1979. С.199-208]. Кроме того, в западной части степи были широко распространены деревянные скульптурные изображения, изготавливавшиеся в той же манере и для тех же целей, что и каменные [Гуркин, 1987. С.100-108; Копылов, 1981. С.105]. Причем, деревянные изваяния, по мнению исследователей, характерны для XIII в., т.е. для периода после монгольского нашествия, и существование подобных скульптур кратковременно. В Западном Казахстане подобные пока не выявлены и, кроме того, отсутствие сведений по точному местонахождению имеющихся не позволяет определить тип святилищ, на которых они были установлены.

Южно-казахстанские святилища кыпчакского времени, проанализированные Э.А. Новгородовой планиграфически отли-

чаются от восточноевропейских. Они представляют собой скопление небольших каменных оградок со скульптурным изваянием в центре, расположенные на возвышенном плато [Новгородова, 1989. С.136-156] Сандыкского перевала, недалеко от рода Мерке.

Изваяния исследуемой зоны очень близки зауральским, исследовавшимся С.Г. Боталовым. Результаты исследования таковы: изваяния в прямоугольных оградках в абсолютном большинстве располагаются в местах, выделенных ландшафтом - на возвышенностях, в урочищах, где оградки располагаются в ряд, по две или три. Другой тип поминальных комплексов самый массовый - это каменные наброски, вымостки и насыпи земли с камнями. Редко встречаются округлые ровики и валы [Боталов, 1996. С.210-213]. Сравнение и работы в области реконструкции позволяют утверждать о наличии в регионе двух основных направлений, связанных с планиграфическими особенностями и с временем сооружения [Бабенков, 1996. С.246-247]. В Южноуральском регионе наиболее характерный памятник кыпчакского времени - II Акимбетовский курган, представляющий собой кольцевую каменную кладку с двумя изваяниями и небольшой курганной насыпью [Мажитов, 1981. С.158]. Во всех комплексах Уральского региона присутствуют кости животных и следы кострищ. В Западном Казахстане культовое сооружение подобного типа зафиксировано под насыпью кургана № 11 могильника Калмак Чабан I.

Таким образом, в исследуемом регионе присутствует проявление сложных погребально-поминальных культов, в виде скульптурных каменных изваяний. Иконографические особенности, стилистика и сюжет изваяний Западного Казахстана находят широкие аналогии в кругу подобных памятников Семиречья, Алтая, Южного Урала, Восточной Европы. Малочисленность изваяний, следы и характер повреждений на имеющихся позволяют предположить, что верхней датой для обычая установления скульптур является рубеж XIII-XIV вв. Монгольское завоевание прервало традицию изготовления скульптурных изображений у средневековых кочевников Евразии.

**§4. Хронология памятников Западного Казахстана
XII-XIV вв.**

Миграционные процессы и изменения в территориальном расселении племен степной полосы в 30-х гг. XI в. повлекли за собой перестановки в составе племенных группировок, локализовавшихся в Западном Казахстане, что в свою очередь привело к ощутимым изменениям в оставленных средневековым населением памятниках. В первую очередь, это выразилось в том, что в данный период появляются крупные курганные группы, содержащие однотипные или близкие по чертам обряда погребения. Значительно снижается количество потревоженных ограбленных захоронений, а также число захоронений, впущенных в насыпи курганов более ранних эпох.

Сходство в чертах погребального обряда дополняется тем обстоятельством, что состав инвентаря, укладываемого в могилу, и его отдельные категории, такие как стремена, удила, наконечники стрел, зеркала, ножницы, серьги проходят этап "стандартизации". Происходит некоторая унификация: в могилы со сходным обрядом укладывается определенный набор вещей, выполненных в типологическом сходстве. Данная ситуация наблюдается не только в Западном Казахстане, но и в соседних регионах [Иванов, Кригер, 1988. С.43-53; Кадырбаев, Бурнашева, 1970. С.42-53; Мажитов, 1981. С.222-223; Плетнева, 1981. С.213-222]. Опираясь на существующие в литературе хронологические разработки по вещевым комплексам с учетом географической локализации собственно западно-казахстанских памятников, представляется возможным их хронологическая интерпретация и, в какой-то мере, и энтокультурная.

Прорыв в XI в. в степи Восточной Европы сделал кыпчаков доминирующей силой на огромной территории от Днепра до Алтая [Полное собрание..., 1962. С.150; Ахинжанов, 1980. С.46-53]. Вполне вероятно, что в конце X - начале XI вв. до основного миграционного перемещение происходили отдельные спорадические проникновения кыпчакских групп на территорию Западного Казахстана с места их основной локализации -

Центрального Казахстана.

Происходившие в XII-XIV вв. бурные политические события также получили свое отражение в археологическом материале, что позволило исследователям разделить памятники на три хронологические группы: I) домонгольскую (XII - начало XIII вв.); II) золотоордынскую, языческую (середина XIII - первая треть XIV вв.) III) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV - начало XV вв.) [Иванов, Кригер, 1988; Федоров-Давыдов, 1966]. В основе данного хронологического разделения лежит разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым система датировки. Дополняют надежность датировки погребения с монетами. Не ставя под сомнение существующие разработки, следует определить для имеющихся в наличии комплексов, их временные рамки с целью установления тенденций в смене погребального обряда.

Наиболее характерным погребением XI- начало XII вв. является захоронение воина в кургане № 6 могильника Лебедевка VIII. Обряд этого памятника весьма не типичен: наброска из камней и кольцо по периметру кургана. Могильная яма сложных конфигураций, включающая в себя подбой, полуподбой и несколько приступов. Человека, ориентированного на северо-восток, сопровождали кости лошади. По ряду признаков данное захоронение укладывается в тип Г IV по номенклатуре Г.А. Федорова- Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966. С.126]. В общем, по чертам погребального обряда и вещевому инвентарю данное погребение несколько архаично, хотя такие элементы обряда, как камни в насыпи и восточный сектор ориентировки для погребений Восточной Европы трактуется как половецкие [Плетнева, 1981. С.218].

Синхронным этому погребению является захоронение из кургана № 10 могильника Лебедевка VI. Это захоронение имеет черты погребального обряда, аналогичные вышеописанному. Но ориентировка в нем южная. Погребений домонгольского периода известно значительно меньше, чем памятников последующего времени. В основной своей массе они происходят из соседних регионов - Приуралья и Заволжья [Иванов, Кригер, 1988. С.29; Иванов, 1984. С.75-97; Кригер, 1983. С.171-187]. Учи-

тывая их географическую близость и местонахождение в сходных природно-климатических районах, вполне реально интерпретировать западно-казахстанские памятники как погребения одного этнокультурного и хронологического круга.

В первой трети XIII в. в истории кочевников степной половины Евразии произошли коренные изменения, связанные с монгольским завоеванием. Кыпчаки, разгромившие и вытеснившие огузов и заселившие степи Казахстана, Южного Приуралья и Заволжья, оказались бессильными перед лицом нового врага. Кыпчаки-половцы в это время переживали период оформления собственного государства с ярко выраженной тенденцией объединения отдельных племенных группировок [Плетнева, 1982. С.60-62]. Но оформлению государственности предшествовал период, при котором шла ожесточенная борьба ханов за верховную власть. Центробежные тенденции естественно-исторического плана сыграли решающую роль в поражении кыпчаков, равных по силам и количеству монголам, объединенным железной дисциплиной и законами Чингис-хана, возведенными в ранг обычая [Гумилев, 1992. С.302-303].

Стремительное движение монголов, достигших пределов Западной Европы, в какой-то мере походило на гуннское полиэтническое нашествие IV-V вв., проходившее по тем же маршрутам. Сходство в данном случае выразилось еще и в том, что монголы при своем движении на запад вовлекали в орбиту нашествия племена кочевого круга, разбитые и покоренные. Прорыв монголов на запад был остановлен известием о смерти Угедея, занимавшего центральный престол. После получения этого известия монгольские отряды в 1242 г. повернули на восток для закрепления на завоеванных территориях [Полное собрание, 1962. С.794].

1243 год, в котором Бату обосновался на Нижней Волге, стал начальной вехой в полторастолетней истории государства под названием Золотая Орда [Федоров-Давыдов, 1966. С.234; Кригер, 1984. С.27]. Этот же период - середина XIII в. был временем наибольшего территориального охвата земель, входивших в состав Золотой Орды, от Пруто-Днестровского междуречья включительно, до Иртыша и Балхаша. Естественно-

ной границей в этом случае служили переходные ландшафты. По сути дела, Золотая Орда вобрала в себя полностью территории, на которых до этого обосновались половцы-кыпчаки [Егоров, 1985. С.31-47]. Далее по времени географические тенденции шли в направлении сокращения территорий. Закреплению определенной группы монголов на территории Западного, Центрального Казахстана, а также Восточной Европы способствовала раздача инвеститур, поддержанная специальным юридическим актом [Козин, 1941. С.158-171].

В связи с тем, что степи кыпчаков оказались центром нового государства, а покоренное население, ведущее кочевой образ жизни представляло собой наиболее удобный и оптимальный объект эксплуатации для кочевников-монголов - все это в дальнейшем привело к оформлению института зависимости - "унаган-богол", при котором определенному кочевому роду навязывались повинности различного характера родом-сюзереном [Владимирцов, 1934. С.64-65; Федоров-Давыдов, 1973. С.39-42].

Для профилактики возможного сопротивления и его нейтрализации монголами проводилась широкомасштабная акция по уничтожению старой родовой знати кыпчаков как представителей организующего ядра, а восстания жестоко подавлялись [Ахинжанов, 1976. С.87; Кригер, 1986. С.120]. Данный момент имеет свое объяснение по следующим причинам. Если по отношению к населению оседло-земледельческих регионов применялись только сборы налогов и даней через откупщиков или грабительские набеги, то население кочевой степи было включено в формы социальной организации монголов, и в этом случае старая аристократическая верхушка общества выступала как помеха. Произошла замена правящей элиты, выраженная в том, что новая иноэтническая верхушка, благодаря аналогичной хозяйственной системе - номадизму, органично вросла в систему существовавших отношений, привнесла свои черты и монополизировала право престолонаследия [Юдин, 1983. С.106-165].

В средневековых нарративных источниках отмечается парадоксальная ситуация: завоеватели-монголы уже к середине XIV в. начинают терять свое культурное своеобразие, растворяясь

и ассимилируясь в среде кыпчаков [Тизенгаузен, 1884. С.235; Федоров-Давыдов, 1963. С.245; Усманов, 1963. С.246]. Этому способствовала малочисленность самих монголов и соответствие их общественного строя уровню общественного развития кыпчаков. Максимальная цифра, определенная исследователями, насчитывает около 30 тыс. монголов в Золотой Орде [Федоров-Давыдов, 1966. С.157-158; Сафаргалиев, 1960].

В литературе в ходу тезис из сообщения средневекового автора, приведенный В.Г. Тизенгаузеном о том, что Чингис-хан выделил старшему сыну Джучи население, способное выставить в случае военной необходимости 4 тыс. воинов [Тизенгаузен, 1884. С.33]. Этот факт, пожалуй, может служить объяснению того, что в археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу, т.е. нельзя с достаточной долей уверенности идентифицировать какой-либо памятник и связать его напрямую с монголами. Хотя изменения, связанные с монгольским нашествием в памятниках прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что, вероятно, реминисцирует продвижение племен с востока [Гаврилова, 1965. С.73; Костюков, 1997. С.12-13]. Смещение ориентировки несет отпечаток этнических и религиозных изменений, выраженных в том, что культовой стороной света у монголов был юг.

В составе инвентаря появляются берестяные трубочки и вырезанные из листа металла (серебра, бронзы, меди и др.) фигурки человечков - онгоны. Если фигурки человечков распространены незначительно и компактно, в основном в районе Поволжья [Федоров-Давыдов, 1965. С.275], то "бокка" - предмет весьма и весьма характерный для женских погребений XIII-XIV вв. В некоторой степени эту распространенность можно с большой долей условности объяснить как влияние "моды" в кочевом обществе, также как и распространение в период XIII-XIV вв. орнаментированных костяных накладок на колчаны, не несущих существенных функций, кроме эстетических.

Еще одна черта в погребальном обряде выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым, как принесенная с востока - сооружение подбоев. Им подытоживаются и выделяются черты значи-

тельно участвовавшие и появившиеся в золотоордынский период, а именно - северная ориентировка погребенных, без костей коня, каменные выкладки над могилами и подбой [Федоров-Давыдов, 1966. С.160]. Эти моменты подчеркиваются в сочинениях европейцев - Платона Карпини и Вильгельма Рубрика [Путешествия в ..., 1993. С.29, 88-89]. В курганной группе Кривая Лука XVI на правом берегу Волги в Астраханской области при исследовании кургана № 5 зафиксированы следы сложных обрядовых действий. В насыпи кургана по периметру был сложен восьмиугольник из бревен. Стратиграфические наблюдения показали, что между сооружением ямы, бревенчатой конструкции и возведением насыпи существовал продолжительный промежуток времени [Федоров-Давыдов, 1984. С.98-107].

Золотоордынский период отмечен миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, не причинами природно-географического порядка, а насильственным переселением племен, проводимым монголами. Этот момент подтверждается появлением вновь в Поволжье ранних типов погребений, характерных для огузо-печенежского времени. Зато одновременно сокращается число подобных памятников в районах Поросья, Нижнего Дона, Приазовья. Т.е. фиксируется смешение различных типов погребений и категорий инвентаря, различной хронологической и географической принадлежности [Шнайдштейн, 1985. С.78-81].

Кочевое общество само по себе достаточно лояльно к различным религиозным проявлениям. Если они не направлены против основ общества. Но все же попытка провести религиозную реформу и возвести ислам в ранг государственной религии ханом Берке в середине XIII в., потерпела неудачу, так как встретила активное противодействие монгольской кочевой знати, совершенно правильно усмотревшей в исламе инструмент государственной власти и рычаг воздействия на знать саму, как таковую [Егоров, 1974]. В XIII в. еще не наблюдаются в полной мере центробежные тенденции и Золотой Орде удается сохранять внешнее благополучие и демонстрировать свою силу в затяжной войне с Хулагуидами в Северном Ира-

не и Азербайджане. Пределов своего территориального расширения Золотая Орда достигает в 1277 г., когда в результате удачного похода Менгу-Тимура и разгрома алан были присоединены северо-кавказские территории. Более никаких территориальных приобретений Золотой Орде сделать не удалось. Наоборот, прекращение широкомасштабных военных походов, являвшихся одним из основных источников быстрого и легкого обогащения и служивших одновременно фактором временного подчинения феодализованной кочевой знати центральной ханской власти, привело к тому, что в XIV в. очень отчетливо проявился сепаратизм феодалов и их стремление к полной самостоятельности [Егорев, 1985. С.56-57].

В экономическом плане экспансионистская политика и завоевания, сопровождавшиеся колоссальными разрушениями, не сулили ничего хорошего народам, покоренным монголами, а также соседним, населявшим близлежащие территории. Монгольское нашествие резко затормозило развитие покоренных народов, отбросив их назад в экономическом плане, а также нанесло существенный урон этническим процессам из-за перемещений племенных групп и уничтожения части населения [Кадырбаев, 1992. С.32-38].

Правда, конец XIII и начало XIV вв. ознаменовались кратковременным хозяйственным подъемом на покоренной территории, что связано с деятельностью отдельной группы монгольских феодалов, понимавшей, что перманентное ограбление приводит к обнищанию населения и является источником обогащения "одного дня".

Для постоянной экономической эксплуатации необходимо воссоздание существовавшей ранее экономической инфраструктуры. Поэтому в период с конца XIII по 60-е гг. XIV вв. происходит восстановление старых экономических связей и особенно выпукло восстановительный период отражается на градостроительстве по обширной территории Золотой Орды. Но построение городских центров в короткие сроки и с максимальным использованием согнанных людских ресурсов велось без учета историко-географических и экономических аспектов, что явилось основной причиной того, что после запустения не было

попыток восстановления разрушенных золотоордынских городов и население не осваивало их снова. Города Золотой Орды в основной своей массе существовали непродолжительное время, по сравнению с городскими центрами Семиречья и Южного Казахстана. Их история была связана лишь с именем конкретного правителя [Егоров, 1977. С.114; Федоров-Давыдов, 1964. С.1; Рябой, 1993. С.2-23].

Смерть хана Бердибека в 1359 г. явилось одним из основных поводов почти двадцатилетней междоусобной войны, логическим следствием которой стал распад Золотой Орды. Все основные причины зрели внутри самого золотоордынского общества. Со смертью Бердибека в Золотой Орде не осталось ни одного представителя правящей ветви Джучидов, ведущих свое родство по прямой линии от хана Бату, чем не замедлили воспользоваться представители правящей династии Кок-Орды, предъявив свои претензии на золотоордынский престол [Тизенгаузен, 1884. С.129].

Примерно в это же время идет процесс активного утверждения ислама, как доминирующей религии в среде кочевого населения государства, хотя начальный этап следует перенести на второе десятилетие XIV в., связывая ход исламизации с правлением Узбека. Но ислам, как таковой, во всех своих проявлениях не проник во все сферы кочевого общества и не стал мировоззренческой концепцией, так как его обязательность "была относительной, а пропаганда его - непоследовательной" [Гумилев, 1992. С.386].

Окончательно удар Золотой Орде нанес Тамерлан, поссорившись со своим ставленником Тохтамышем из-за территорий Закавказья. Тимур прошел с огромной армией по территориям Западного Казахстана, Поволжья, Приуралья. После этого разгрома Орда подняться не смогла и 1395 год стал последней датой в ее истории. Именно на период XIII-XIV вв., т.е. на время существования Золотой Орды приходится наибольшее число погребений. По основным и наиболее явным признакам им можно разделить на две группы: 1) погребения, совершенные по языческому обряду и 2) погребения, несущие отпечаток ислама. Первая группа имеет широкий хронологи-

ческий диапазон от начала XIII до начала XIV вв. и имеет значительный "разброс" в чертах погребального обряда.

К началу XIII в. относятся погребения из кургана № 3 могильника Шалкар V, кургана № 3 могильника Мамбетбай, № 4 могильника Кос Оба, кургана № 23 могильника Бубенцы. Их объединяет близость в чертах погребального обряда и северная ориентировка покойных. Синхронным им является погребение кургана № 4 группы Мечей (Киров). Оно сочетает черты дозолотоордынского времени с чертами обряда и инвентарем золотоордынского периода. Этим же временам датируется погребение в кургане № 3 могильника Шалкар V.

Рубежом XIII-XIV вв. определяется время сооружения двух во многом аналогичных погребений курганов № 4, №5 могильника Шалкар IV. В кургане № 4 был обнаружен бронзовый предмет, аналогичный найденному в Центральном Казахстане [Кушаев, 1993. С.107; Раскопки погребения..., 1959. С.255].

Переселение кочевых групп из Восточной Европы в XIII-XIV вв. иллюстрируют два погребения из курганов № 6 могильника Мамбеталы и № 8 могильника Базар-Тобе I. Реминиспенцией огузо-печенежского обряда является размещение в ногах покойных костей ног лошади. Временем XIII- начало XIV вв. датируются погребения кургана № 3 могильника Лебедевка VIII, № 1, №12 могильника Мамбеталы I, № 1, №4 могильника Жарсуат I, № 3, № 5 могильника Кос Оба, все вышерассмотренные погребения могильника Жаман Каргала I, № 3, №5, № 11 могильника Алебастрово II, и погребения курганов №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 12 из могильника Мокринский I. В этот же хронологический отрезок вписываются погребения из могильника Тюкей Молла. Их отличие состоит в том, что они происходят из грунтового могильника и не имеют собственной курганный насыпи. Аналогичные им исследовались в группе "Маячный бугор" в Астраханской области. Но в этом могильнике отсутствуют предметы кочевого быта, а вместо них обнаружены семена бахчевых культур и предметы рыбной ловли. Все это определяет его как могильник племенной группы, ведущей оседлый или полуседлый образ жизни [Василь-

ев, 1994. С.47-48].

Следующая крупная группа памятников Западного Казахстана несет в проявлениях погребального обряда черты начального этапа исламизации. К этой группе относятся погребения кургана № 6 могильника Райм, однотипные погребения из Целинного и погребения курганов №№ 1, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17 могильника Мокринский I. Все вышеперечисленные погребения объединяют присутствие специфических построек из сырцовых или жженных кирпичей.

Сектор ориентировки на начальном этапе проникновения ислама различен, хотя доминируют западное и южное направления. И как атавизм прежних погребальных ритуалов в могильные ямы продолжают помещаться вещи личного обихода. В этом плане особняком стоят четыре безинвентарных погребения из кургана № 12 могильника Барбастау I. Но и в них прослеживаются черты языческих ритуалов: над кладкой возведена насыпь, в которой были обнаружены следы тризны - кости животных.

Таким образом, подводя итоги анализа погребений второй хронологической группы можно сделать определенные обобщения и выделить наиболее яркие черты в погребальном обряде, характерные для этого отрезка времени. На первом этапе, в XI-XII вв. в кыпчакском обществе превалировало западное направление миграций и шло активное освоение западных территорий, в Южном Приуралье и Западном Казахстане на короткий период наблюдается относительное запустение [Кузеев, 1974. С.171; Боталов, Костюков, 1993. С.42-45]. Этот момент отразился в малочисленности памятников. Имеющиеся в регионе обнаруживают сходство с одновременными южно-приуральскими, что дает возможность определить характерные черты захоронений региона по аналогиям [Боталов, 1994. С.19-23].

Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней, также как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма

могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его "символизация", выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи. В погребении кургана № 15 могильника Жаман Каргала I, в дно ямы в головах у погребенного был вбит деревянный кол диаметром 5 см. Этот ритуальный момент, как нам кажется, косвенным образом подтверждает семантическую трактовку надгробных памятников более позднего времени как прототипов коновязей, предложенную С.И. Аджигалиевым [Аджигалиев, 1994. С.143]. Часть населения, огузо-печенежского происхождения, переселенная монголами из Восточной Европы продолжает погребальную традицию помещения в могилы костей коня, но этот ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт лошади возле покойного или в погах. Подобная ситуация наиболее ярко прослеживается в памятниках на Нижней Волге [Мыськов, 1993. С.69-83]. Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

Кроме того, в золотоордынский период в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем из Южной Сибири. Правда, известно их пока немного [Федоров-Давыдов, 1984. С.98-107; Кызласов, 1980. С.80-93; Боталов, 1992. С.230-239]. Категории инвентаря, находимые в могилах этого хронологического периода, проходят этап унификации как в комплектации, так и в типологии. К числу особенностей следует отнести берестяную трубку, распространенную именно в это время в женских погребениях. Причем, "стандартизация" инвентаря прослеживается на значительной территории - от южнорусских степей до Восточного Казахстана [Плетнева, 1958; Раскопки погребения..., 1959; Кадырбаев, 1970; Арсланова, 1970].

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся

около городских центров начинает хоронить своих покойников максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы, обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря [Халикова, 1986. С.48-49]. При этом, по погребениям прослеживается поло-возрастная дифференциация - женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что в свою очередь отразилось на археологическом материале. При всех изменениях, общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют проследить смену ритуальных моментов по хронологическим периодам.

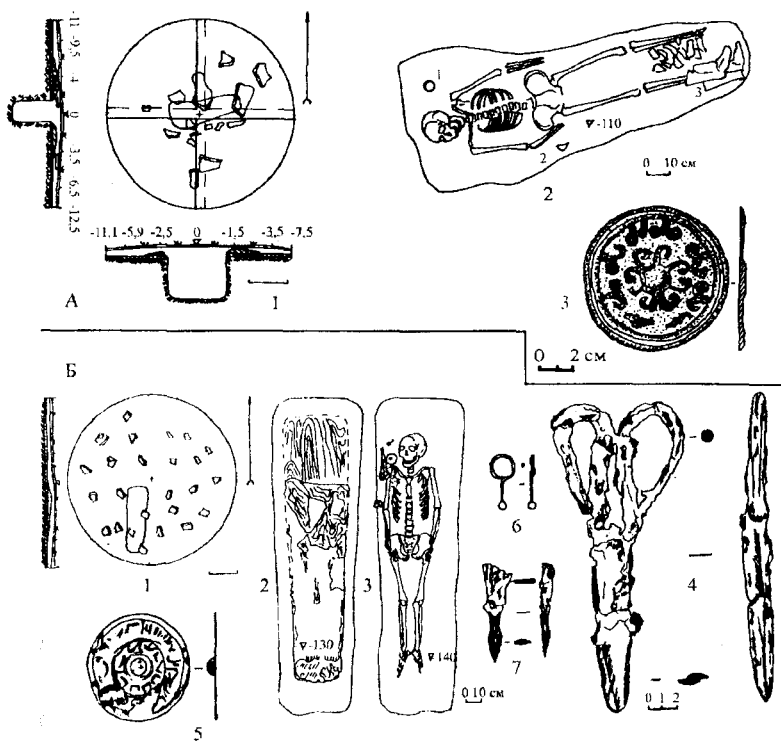

Рис. 19. А: Могильник Жаман-Каргала I. 1-2 - план погребения и кургана № 12; 3 - зеркало; Б: Могильник Жаман-Каргала I. 1-3 - план погребения и кургана № 13; 4 - ножницы; 5 - зеркало; 6 - серьга; 7 - наконечники стрелы.

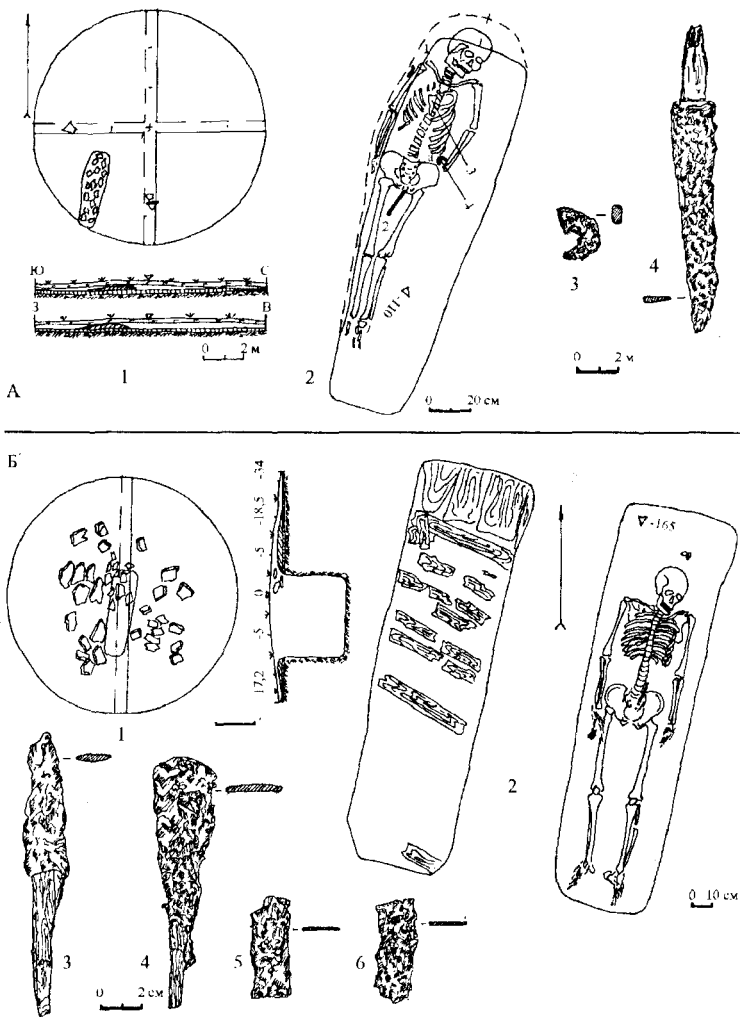

Рис. 20. А: Могильник Жаман-Каргала I. 1, 2 - план погребения и кургана № 15; 3 - железный крючок; 4 - железный нож; Б: 1, 2 - план погребения и кургана № 16; 3-4 - наконечники стрел; 5-6 - железные пластины.

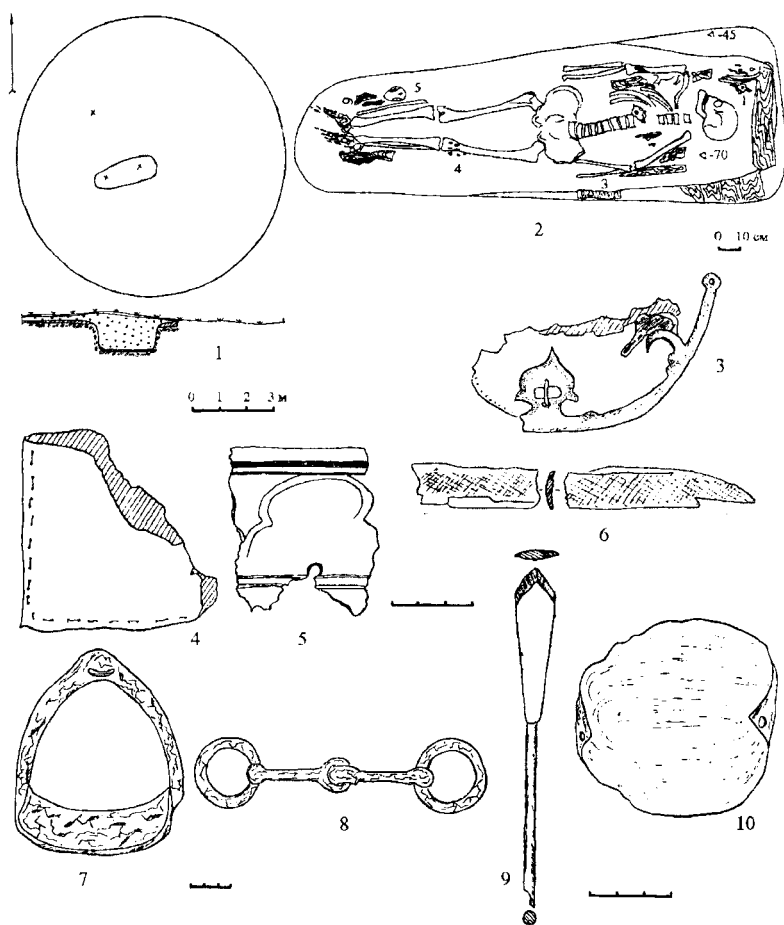

Рис. 21. Могильник Шалкар V 1-2 - план кургана и погребения. Могильник Шалкар IV, курган № 4. Инвентарь: 3 - бронзовая застежка сумки; 4 - кусок кожи; 5 - костяная обкладка колчана; 6 - костяная накладка лука; 7 - стреля; 8 - удила; 9 - наконечник стрелы; 10 - наколенник.

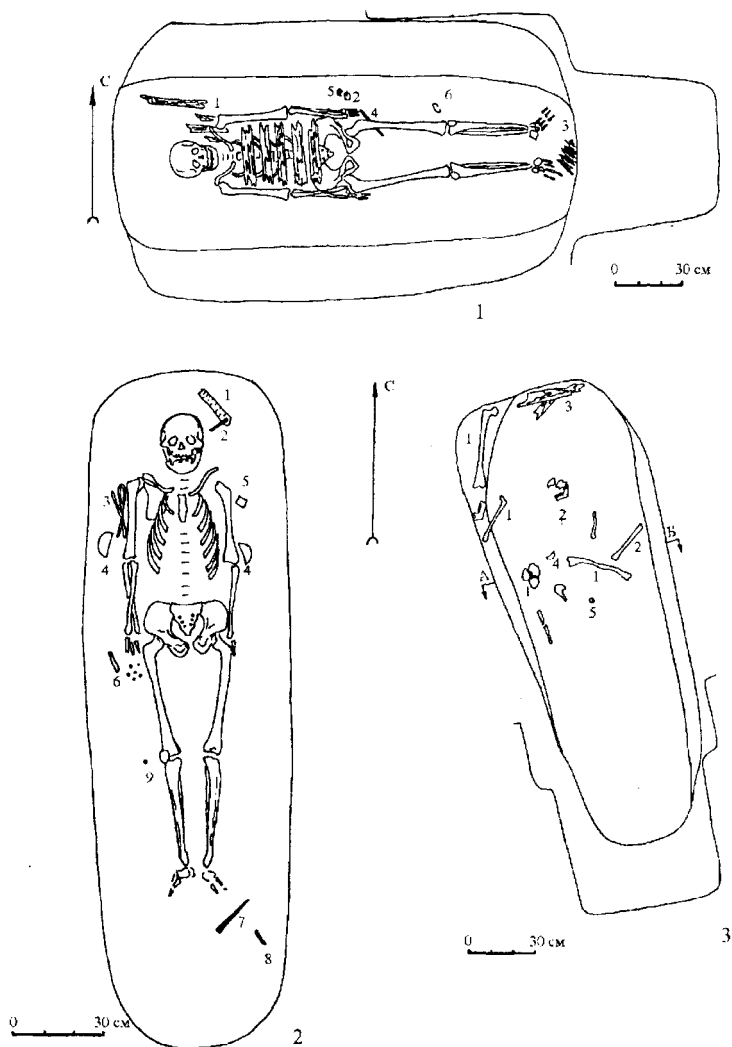

Рис. 22. 1) могильник Родники I, курган № 7, план погребения: 1 - дерево; 2 - железная пряжка; 3 - кожа; 4 - пояс; 5 - железный предмет; 6 - кресало; 2) могильник Новая База II, курган № 1, план погребения: 1 - бокка; 2 - железный предмет; 3 - позитицы; 4 - бронзовое зеркало; 5 - альчик; 6 - серебряный амулет; 7 - кийса; 8 - пояс; 9 - бирюзовая подвеска; 3) могильник Новая База II, курган № 2, план погребения: 1 - кости взрослого человека; 2 - кости подростка; 3 - дерево; 4 - фрагменты зеркала; 5 - перстень.

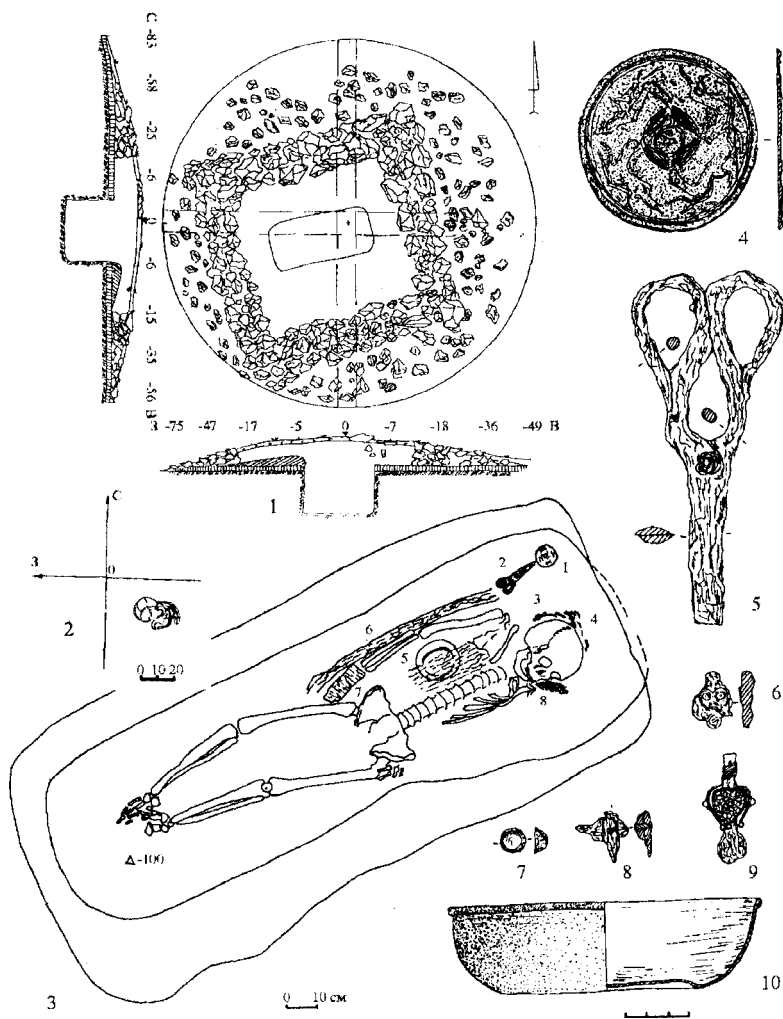

Рис. 23. Могильник Салтак, курган № 1. 1-3 - планы кургана, погребения ребенка и основного захоронения (1 - зеркало; 2 - погисницы; 3 - подвеска; 4 - остатки бересты; 5 - бронзовая чашка; 6 - плеха; 7 - бокка; 8 - шелк); 4 - зеркало, 5 - погисницы, 6 - железная пуговица, 7 - бронзовый умбон футляря, 8 - остатки деревянного футляря, 9 - подвеска, 10 - чашка.

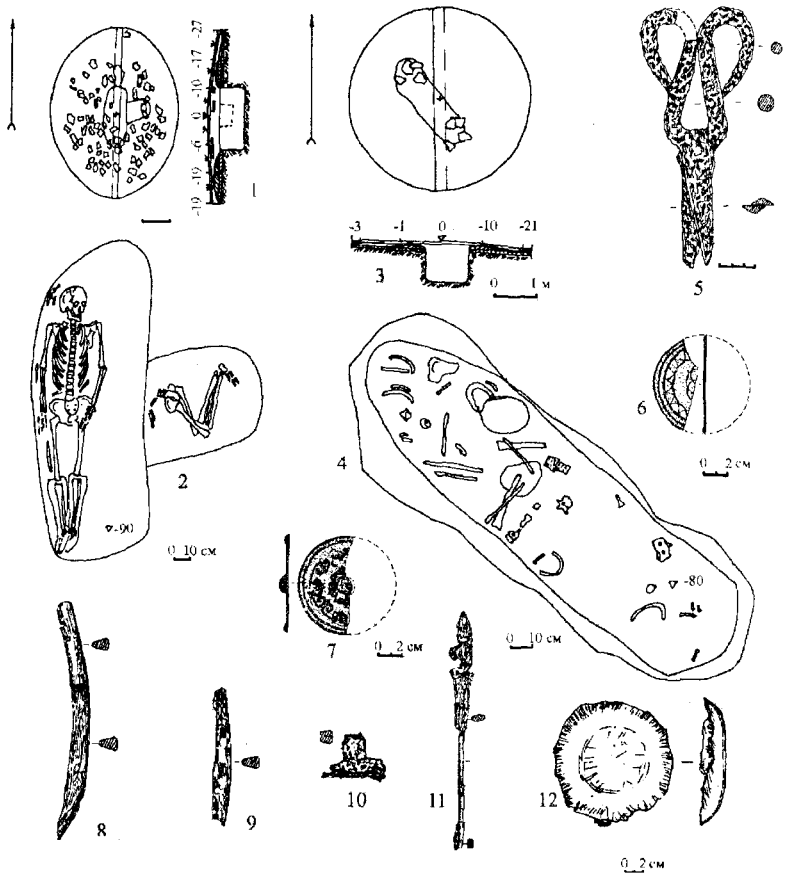

Рис. 24. 1-2 - могильник Жаман-Каргала I, курган № 24, планы кургана и погребений; 3-4 - могильник Жаман-Каргала I, курган № 35, планы кургана и погребения; 5 - могильник Жаман-Каргала I, курган № 22, ножницы; 6 - курган № 30, зеркало; 7 - курган № 22, зеркало; 8-9 - обломки лука; 10 - основа стремени; 11 - древко стрелы; 12 - бронзовый диск.

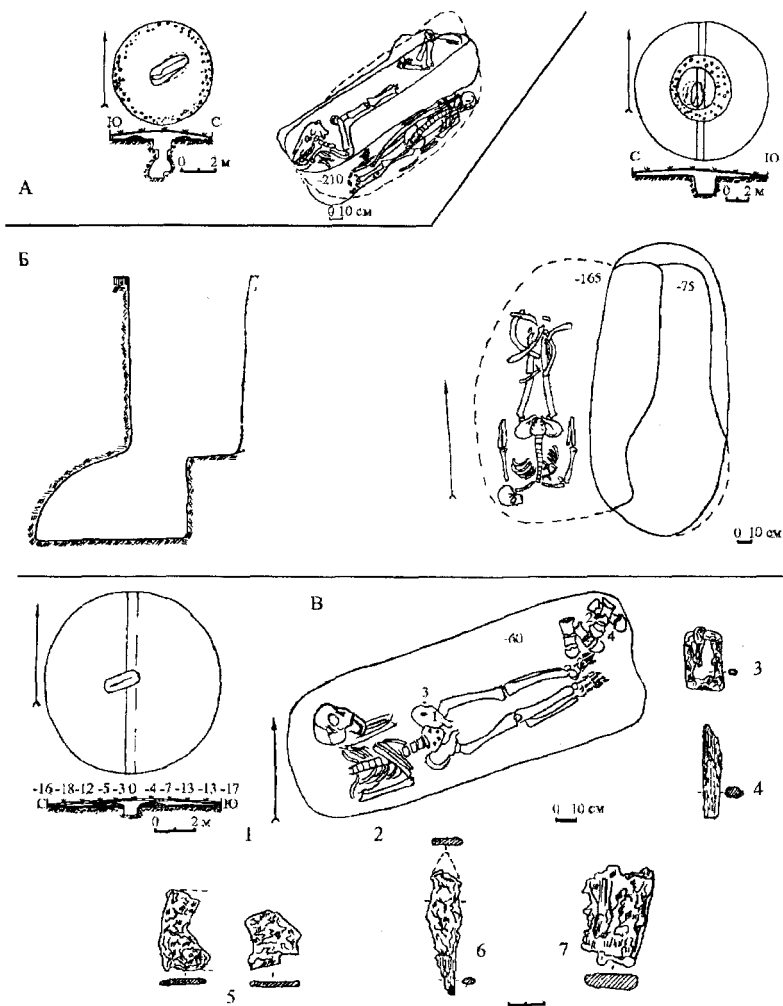

Рис. 25. А: Могилище Лебедевка VIII, курган № 6. План кургана и погребения; Б: Могилище Лебедевка VI, курган № 10. План кургана, погребения и разрез могильной ямы; В: Могилище Мамбеталы I. Планы погребения и кургана № 6 Ивентарь: 3 - пряжка; 4, 6 - наконечники стрел; 5, 7 - железные предметы.

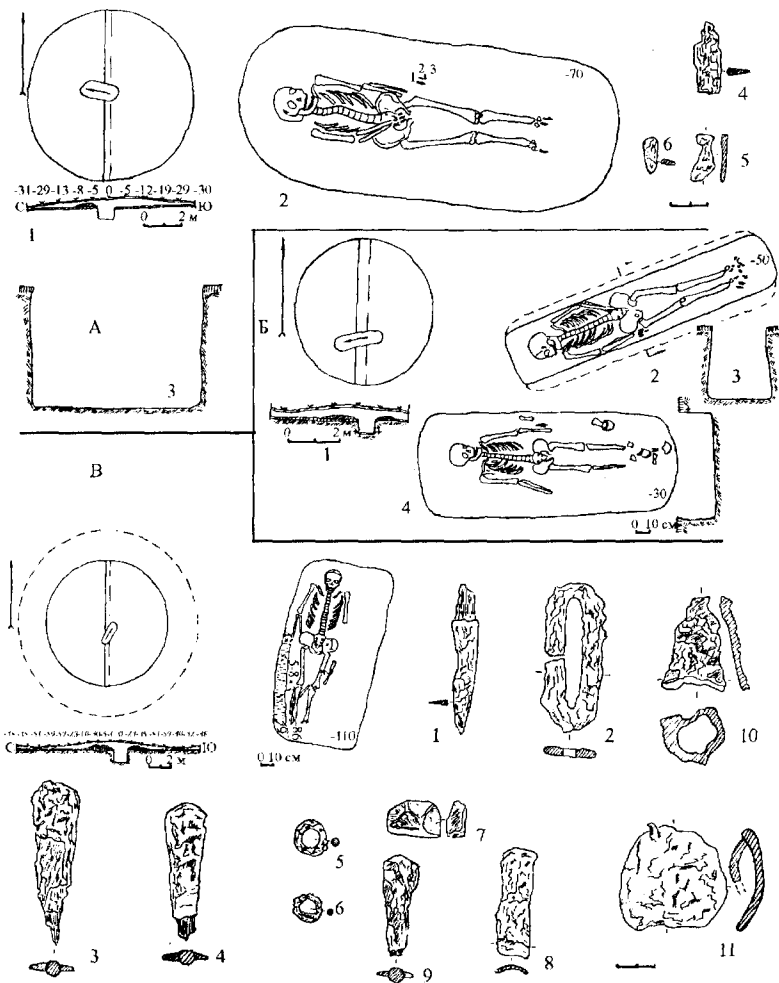

Рис. 26. А: Могильник Мамбеталы I. Планы погребения и кургана № 1, 4-6 - железные предметы; Б: Могильник Базар-Тобе I, 1-3 - планы погребения и кургана № 2; 4 - погребение кургана № 8; В: Могильник Мамбетбай, курган № 3. Планы кургана, погребения и инвентарь: 1 - юоз; 2 - кресало; 3, 4, 9 - наконечники стрел; 5, 6 - кольца; 10 - конус; 8 - пластина панциря; 11 - железный диск.

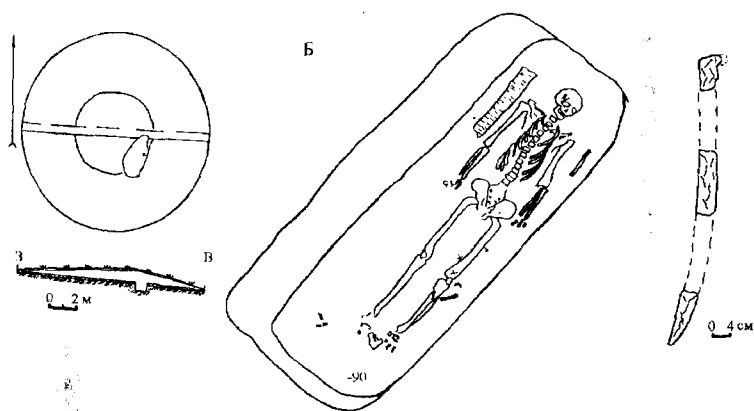
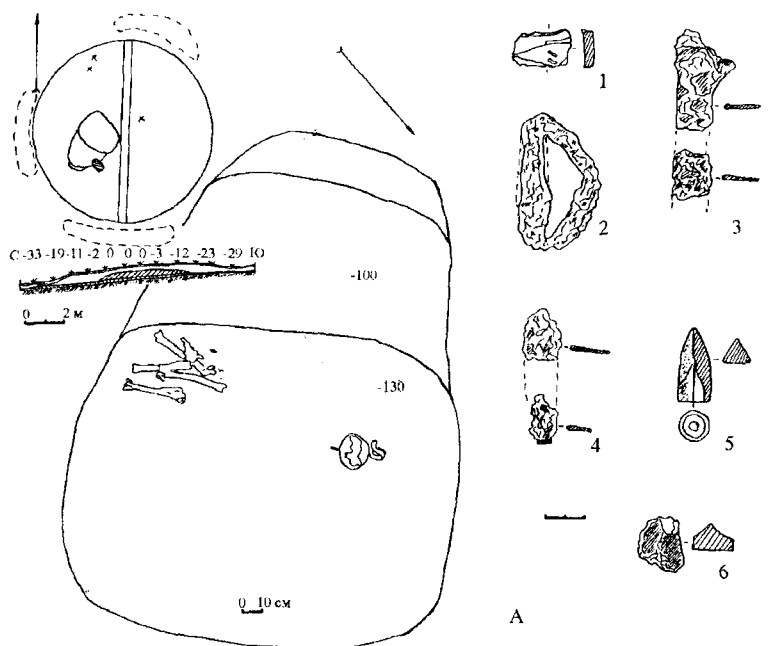

Рис. 27. А: Могильник Жарсуат I, курган № 1. Планы кургана, погребения и инвентарь: 1, 6 - керамика; 2 - кресало; 3 - носок; 4 - железный предмет; 5 - костяной наконечник стрелы; Б: Могильник Бубенцы II, курган 23. Планы кургана и погребения, реконструкция клинка по Г.А. Кушаеву.

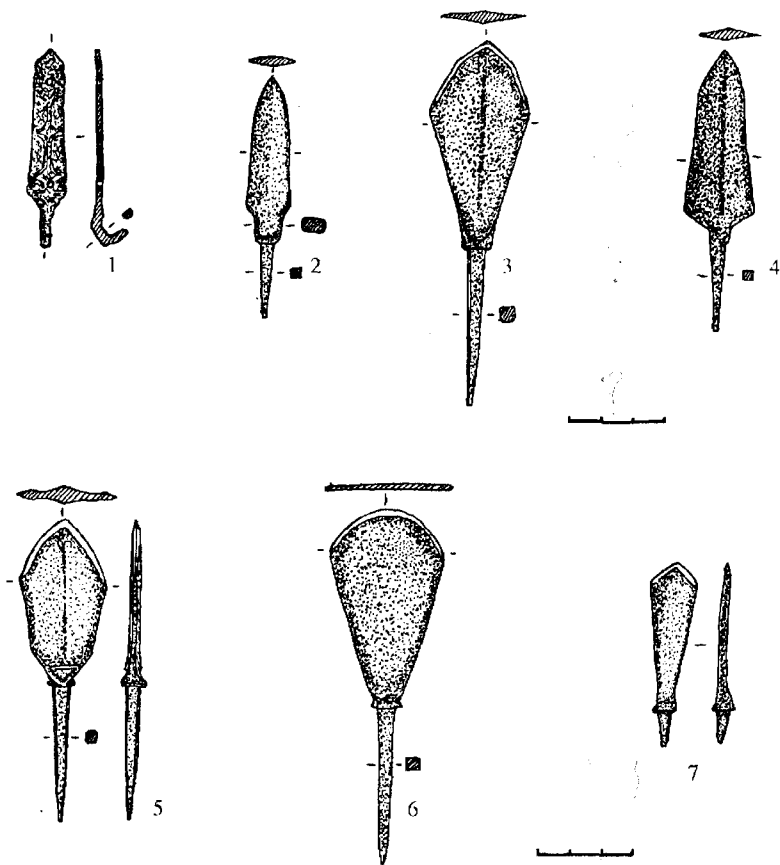

Рис. 28. Наконечники стрел и колчаный крючок из фондов АОИКМ.

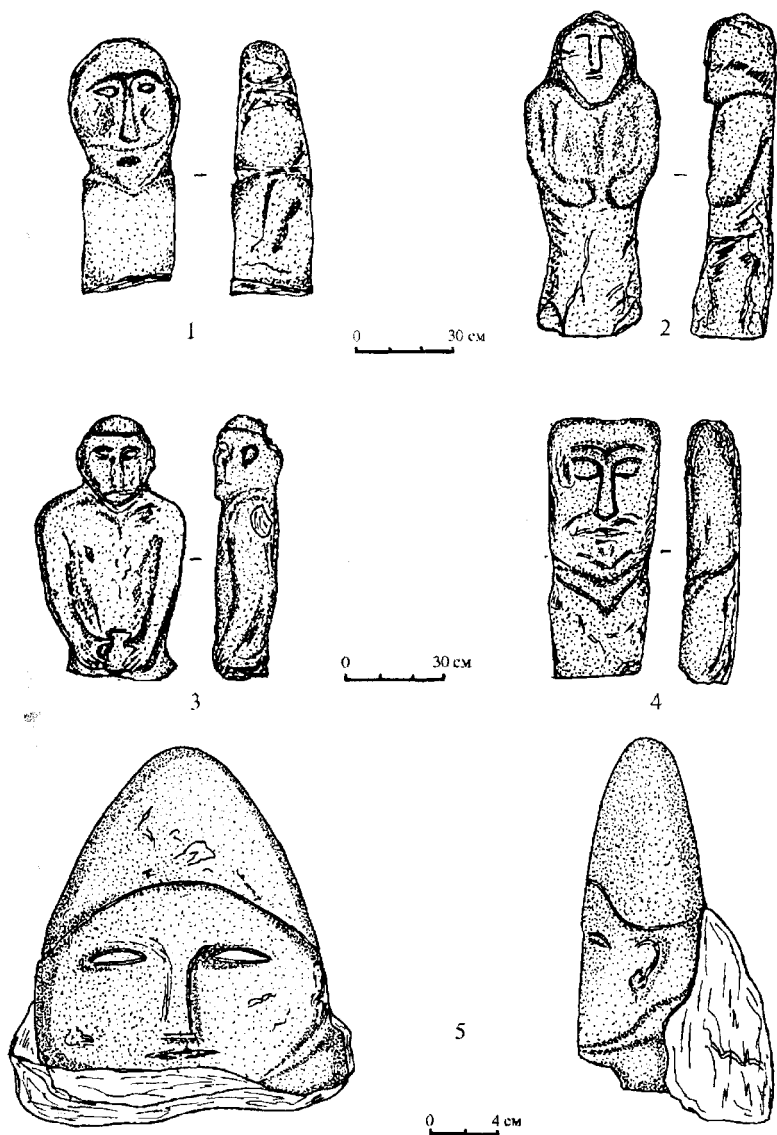

Рис. 29. Камешные изваяния из фондов АОИМК. 1 - изваяние № 4; 2 - изваяние № 1; 3 - № 3; 4 - изваяние № 2; 5 - изваяние № 5.

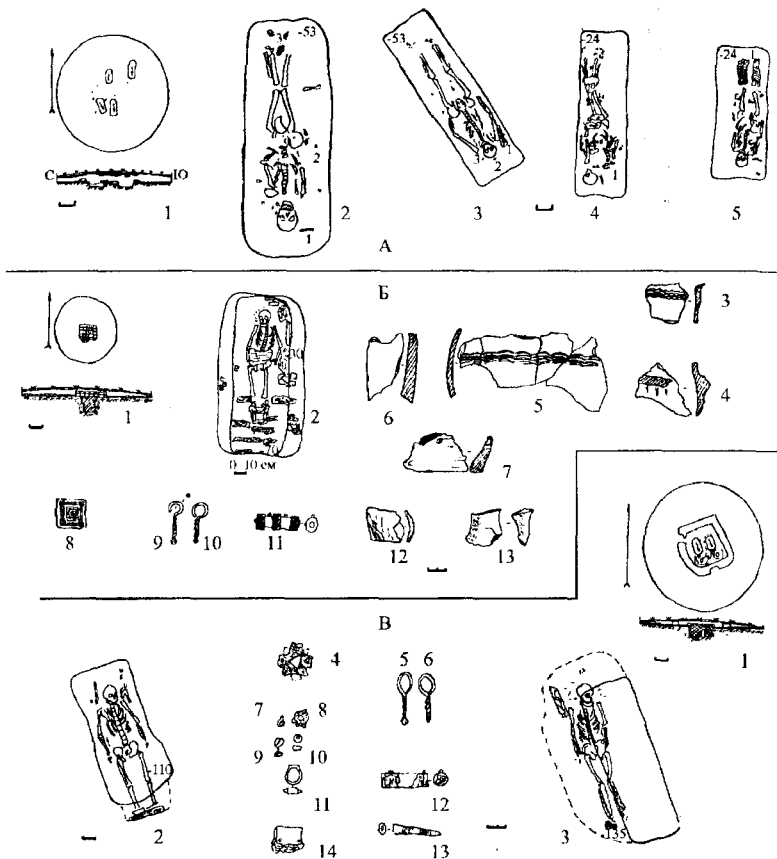

Рис. 30. А: Могильник Мокринский I, курган № 7. План погребения и кургана; Б: Могильник Мокринский I, курган № 11. 1-2 - планы кургана и погребения; 3-7, 12, 13 - керамика; 8, 11 - бронзовые украшения; 9, 10 - серьги; В: Могильник Мокринский I, курган № 14. 1-3 - планы кургана и погребений; 5-6 серьги; 4, 7-14 - бронзовые украшения.

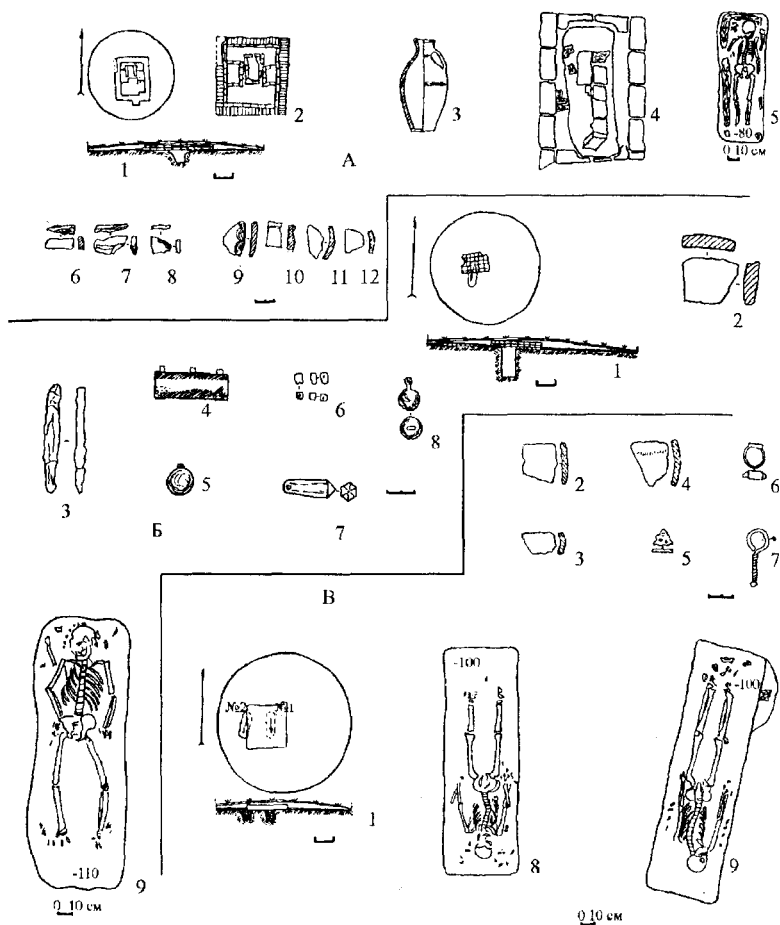

Рис. 31. А: Могильник Мокринский I, курган № 13. 1, 2, 4, 5 - планы кургана, ограды и погребения; 3, 6-12 - керамика; Б: Могильник Мокринский I, курган № 16. 1, 9 - планы кургана и погребения; 2 - керамика; 3 - железный стержень; 4-8 - украшения; В: Могильник Мокринский I, курган № 17. 1, 8, 9 - планы кургана и погребения; 2-4 - керамика; 5, 6 - украшения; 7 - серьга.

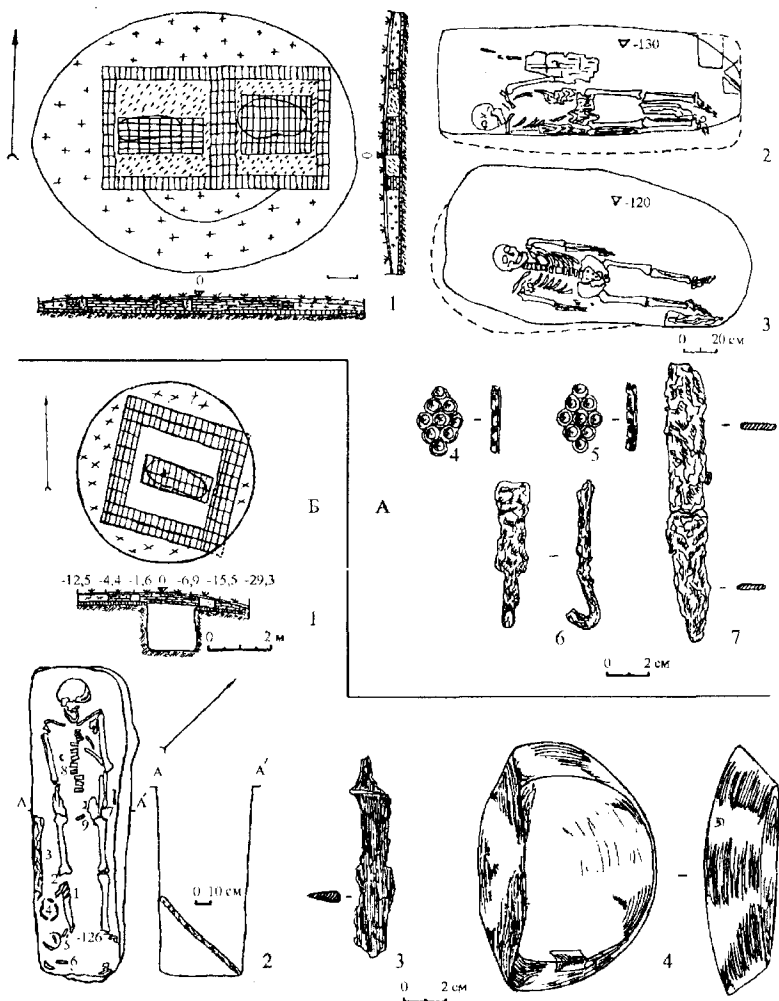

Рис. 32. А: Могильник Целинный I, курган № 63. 1-3 - планы кургана и погребений; 4-5 - украшения одежды; 6 - кожаный крючок; 7 - пояс; Б: Могильник Целинный I, курган № 65. 1-2 - планы кургана, погребения и разрез могильной ямы; 3 - пояс; 4 - бронзовая чашка.

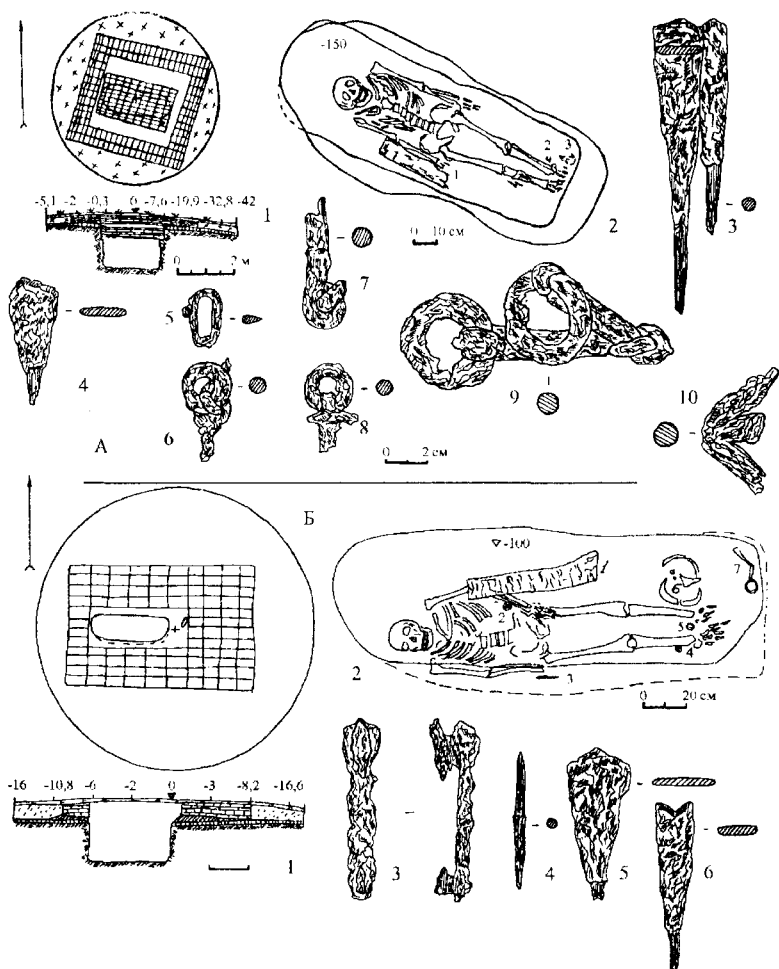

Рис. 33. А: Могильник Целинный I, курган № 66. 1-2 - планы кургана и погребения; 3-4 - наконечники стрел; 5-8 - железные предметы сбруи; 9-10 - остатки узды и удила; Б: Могильник Целинный I, курган № 73. 1-2 - планы кургана и погребения; 3 - колчаный крючок; 4-6 - железные наконечники стрел.

ГЛАВА 5. ПАМЯТНИКИ НОГАЙЛИНСКОГО-КАЗАХСКОГО ПЕРИОДА XV-XVIII ВВ.

§1. Погребальный обряд.

Следующие три столетия, наполненные бурными политическими событиями, имеют очень важное значение в истории Казахстана. Это наиболее динамичный отрезок времени в этнической истории тюркоязычных народов и, в частности, казахов. Откочевка Джанибека и Керяя из Узбекского улуса, располагавшегося на территории и частично воспринявшего идеологические и политические направления Золотой Орды, являвшегося одним из многочисленных ее наследников, вывело на политическую арену обособившуюся группу населения. Слово "казах" стало этнонимом, постепенно теряя свое первоначальное социальное значение [Ибрагимов, 1960. С.66-71]. Этническое обособление от остального населения государства "кочевых узбеков", очевидно, назрела гораздо раньше и имело свое выражение в расхождениях в материальной и духовной культуре в различных аспектах и проявлениях.

Дальнейшая история Казахского ханства, вплоть до присоединения к России представляет собой вереницу дипломатических ходов и столкновений с соседями в борьбе за выживание, тем более что соперников, весьма сильных, было достаточно. Правители Средней Азии претендовали на землю Южного Казахстана, беспокоили калмыкские тайши, обосновавшиеся на землях бывшей Ногайской Орды в Западном Казахстане, назревала джунгарская угроза с востока.

В задачу исследования не входит подробное освещение событий и вопросов политической истории Казахстана XV-XVIII вв., тем более, что по данному направлению существует значительное количество работ, порой даже фундаментальных. Следуя логике работы, необходимо проанализировать имеющиеся в наличии памятники этого периода и максимально выявить присутствие аспектов, характерных для предыдущих периодов.

В данном разделе оперирование идет материалами 85 по-

гребений, крайняя хронологическая граница которых определена первой третью XVIII в., надежно датированная монетой времени Петра I, о чем речь пойдет несколько ниже. Первоначально следует остановиться на предварительных расчетах показателей третьей хронологической группы памятников. Итак, все захоронения имеют курганную насыпь, что полностью не соответствует распространенному тезису об исчезновении в XV в. обычая курганных захоронений. Малая группа курганов, до 4 м в диаметре, представлена 21 памятником, что составляет 24,7%. Курганные насыпи от 4 до 8 м в диаметре представлены в количестве 28 (32,9%). В количественном плане преобладает группа больших насыпей - 42,3% (36).

Основных захоронений, имеющих собственную курганную насыпь - 79 (92,9%), впускных всего 8 (9,4%). Количество впускных захоронений частично влияет на расчет показателей по диаметру насыпей, они находились в насыпях второй и третьей групп. Этот момент был учтен при расчетах количественных показателей, касающихся конструктивных особенностей сооружения насыпей. Простая земляная насыпь составляет большинство - 31,7%; насыпи с применением камня - 19,5%; насыпи, где камни уложены многослойно, как панцирь, немного - 9 (10,6%), также как и насыпей с каменным кольцом - 9,4% (8 случаев). Курганная насыпь, содержащая на уровне погребенной почвы постройки из кирпича встречена в 17 случаях, что составляет 20% от исходного числа.

Следы тризны, представленной костями животных или обломками керамики, зафиксированы в насыпях 24 курганов (28,2%), в насыпи могильных ям в 4 случаях (4,7%). Кости животных на дне могил, имеющие значение в погребальном обряде как заупокойная пища встречена всего в 2 случаях, что составляет 2,4%. Аналогичный количественный показатель у следов огня в могильных ямах. Следов огня в виде золы, угольков или остатков кострищ в насыпях курганов, немногим больше - 6 случаев (7%).

Прямоугольная форма могильных ям составляет преобладающую часть --58,8% (50 ям). Ямы, имеющие уступ или ус-

тупы вдоль стен, занимают следующую позицию, их 22 (25,9%); значительный процент подбойных захоронений - 15,3% (13 случаев).

Доминирующим является западный сектор ориентировки с небольшими отклонениями к северу или югу. Западное направление представлено 46 погребениями (54,1%), северо-западное - 23 (27%), юго-западное - 5 погребений (5,9%). Отсутствуют погребения с восточной ориентировкой, по 2 случая, северного, южного и северо-восточного направления. Юго-восток представлен одним захоронением (1,2%).

Деревянные конструкции в могилах состоят из перекрытий, гробов и колод в следующих пропорциях: 61,2% (52), 14,1% (12) и 3,5% (3). Деревянное перекрытие в сочетании с гробом встречено в могилах, порядка 4,9% от исходного числа погребений. Колода во всех трех случаях шла в комплексе с перекрытиями.

Ямы по своей глубине разделены на три группы: мелкие (около полуметра) - 21 яма (24,7%), средние по глубине (один метр), которых больше всего - 40 (47,1%) и глубокие (от полуметра до двух метров) - 24 ямы (28,2%).

В период XV-XVIII вв. продолжает существовать традиция у кочевнического населения Западного Казахстана совершения однотипных захоронений на одном могильнике. К числу таковых можно отнести 5 курганов могильника Караул Тобе, расположенного на левом берегу реки Урал в Западно-Казахстанской области. Их объединяют следующие черты: западный сектор ориентировки погребенных, курганный обряд захоронений и наличие построек из сырцового кирпича на уровне погребенной почвы, а также деревянные конструкции. Все погребения безинвентарные. В качестве обрядовых черт присутствует заливка глиной площади под насыпью курганов, остатки тризны в виде фрагментов гончарной керамики, сооружения уступов, дощатых настилов и перегородки из кирпичей между ямами (рис.34.).

Группа из четырех однотипных курганов исследована на могильнике Алебастрово I. В данной группе отсутствуют сырцовые постройки, ямы овальные, неправильной формы, ске-

леты ориентированы на запад. В могильных ямах прослежены деревянные конструкции в виде перекрытия или гробовищ.

Также не имеет сырцовых сооружений серия погребений из могильника Жаман Кургала I, курганы № № 9, 21, 23, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 34, 36, 37, 41, 42. По чертам погребального обряда захоронения повторяют памятники более раннего периода этого же могильника. Ориентировка скелетов западная с небольшими сезонными отклонениями. Погребения курганов № № 23, 27, 36 впущены в насыпи более ранних эпох. Курган № 41 содержал под насыпью 3 одновременных захоронения в мелких ямах. В одном из них найдено два железных черешковых наконечников стрелы нетипичных по форме и размерам (рис.36,37.). В могилах фиксируются остатки гробовищ и перекрытий. В насыпном слое ряда курганов имеются камни, уложенные как наброска или кольцо по периметру. Кости животных встречаются в насыпях и в могилах. В кургане № 33 на шее у ребенка обнаружен амулет-монета - алтын эпохи Петра I (рис.37-В.).

Два кургана со сложной внутримогильной конструкцией исследованы на могильнике Мокринский III. В насыпях курганов найдены фрагменты красноглиняной керамики и кости животных. На погребенной почве находились сырцовые оградки, ориентированные сторонами в меридиональном и широтном направлениях. В яме кургана № 2 внутримогильная конструкция представлена склепом из сырцовых кирпичей, построенным в форме двускатной крыши.

Одиночные погребения исследованы в кургане № 78 могильника Целинный I, в курганах № № 13, 14 могильника Та-наберген II. По всем чертам обряда они повторяют языческие захоронения. Присутствуют каменные кольца в насыпи курганов, деревянные конструкции в могилах. Серия подобных погребений была зафиксирована в курганной группе Жанабаз. В насыпях курганов присутствовали сырцовые конструкции, ямы были перекрыты наклонными дощатыми щитами. В насыпях ям и в насыпи курганов встречались фрагменты гончарной керамики и кости животных. Под скелета-

ми прослеживалась органическая подстилка. Особое проявление сложнейших культов, связанных с огнем, зафиксированы в насыпи кургана № 5 этого могильника. Могильную яму окружали три concentрических прокопанных рва, заполненных мощным слоем золы и гумусом. Кроме того, во рвах встречались кости овцы и лошади (рис.38.).

Два одновременных захоронения расчищены под насыпью кургана № 1 могильника Саралжин I. По конструктивным особенностям они похожи на курганы могильника Мокринский III. Два параллельных захоронения, покрытые выкладками из кирпичей, находились внутри большой сырцово-й ограды. Мужское захоронение имело очень сложную конструкцию в виде склепа со сводчатой крышей. Захоронение кургана № 2 этого могильника имело несколько упрощенный ритуал: на уступах могильной ямы в один слой были уложены сырцовые кирпичи.

Безинвентарные захоронения практически не содержащие в чертах погребального обряда элементов ислама исследованы в кургане № 2 могильника Мамбеталы I, в курганах №№ 1,2 могильника Мамбетбай, в кургане № 7 могильника Карасу I, в кургане № 2 могильника Базар-Тобе I, в кургане № 12 могильника Мамай, в кургане № 1 могильника Шалкар III, №№ 1, 4 могильника Калмак Чабан I, в курганах №№ 1, 3 могильника Лебедевка VIII. Все вышеперечисленные погребения безинвентарные, с остатками деревянных конструкций в могилах, наличием камышовых или дощатых настилов, присутствием костей животных в насыпях курганов и на дне могильных ям.

Семейное захоронение четырех человек представлено в кургане № 15 могильника Кос Оба. Под дерновым слоем насыпи фиксировалась заливка жидкой глиной. Под заливкой расчищена квадратная ограда. Внутримогильные конструкции представлены остатками перекрытий. Могила, содержащая захоронение взрослого человека - подбойная.

Большая группа однотипных захоронений исследована на могильниках Родники I, Шиликтысай, Шулаксай, Шпаки II и Новая База в Актюбинской области. Все погребения безин-

вентарные. В насыпях курганов прослеживались конструкции из камня в виде прямоугольных выкладок, каменных оградок, набросок, колец. Могильные ямы, в основном, простых форм с перекрытиями. На скелетах в одном случае обнаружена железная пряжка пояса, в одном - остатки кожи от сапог, и в другом - серебряная серьга. Все это говорит о захоронении покойников в повседневной одежде, что также является отступлением от канонов ислама (рис.39.).

Даже поверхностное ознакомление с памятниками региона третьего хронологического периода показывает большое разнообразие типов захоронений. Особенно хорошо прослеживается сохранение прежних традиций в курганных погребениях без сырцовых сооружений на древнем горизонте и в могилах. Но и мусульманские захоронения дают во многих случаях реликты прежних периодов и, кроме того, сами по себе разноплановы и разнохарактерны, при существовании некоторых общих тенденций в погребальном обряде.

§2. Статистические показатели черт погребального обряда.

Сохранение в значительной мере погребальных традиций домусульманского периода в хронологический отрезок XV-XVIII вв. требует определить точное соотношение обрядовых проявлений и максимально выяснить степень существования и распространенность языческих черт в указанное время.

В этом разделе работы сделана попытка с помощью статистических методов исследования решить поставленные задачи. Картина, дающая разнотипные захоронения прослежена на мусульманских городских некрополях и в этом случае была успешно применена статистка для получения важных в реконструктивном плане выводов [Яблонский, 1975; Яблонский, 1980].

Поэтому, используя существующие методы, необходимо установить взаимосвязь между насыпями курганов и надмогильными сооружениями с одной стороны и способами устройства погребальной камеры с другой. Данные моменты, присутствующие практически во всех погребениях, наиболее

полно характеризуют погребальный обряд. Классификационные признаки во многом однородны и легко составляют в каждой категории соответствующий тип.

Для получения точной картины смены обрядовых черт и сохранения во времени других, при исследовании были объединены данные второй и третьей хронологической групп, а также их предварительные расчетные показатели. Таким образом, рассчитываются данные 175 наиболее достоверных по чертам погребений широкого хронологического диапазона от XI до XVIII вв. Именно такое значительное разнообразие погребального обряда требует применения статистических методов, достаточно хорошо себя зарекомендовавших [Юл, Кэндэлл, 1960; Федоров-Давыдов, 1970]. В данном случае используется метод альтернативных связей между признаками погребального обряда, по методике Л.Т. Яблонского, применявшейся к мусульманским некрополям Водянского городища. Типы, выделенные для расчетов, определены по наиболее четко характеризующим признакам, согласно рекомендации Г.А. Федорова-Давыдова.

В первой таблице способы устройства могильной камеры определены в 6 типов, наиболее точно фиксируемых: устройство склепов из кирпича в могильной яме, ямы, имеющие подбои, могилы с уступом или уступами вдоль стен, могильные ямы простых прямоугольных конфигураций, ямы, перекрытые кирпичными сооружениями, и учтена категория не определяемых из-за ограбления.

Каждая категория признаков выражена в таблицах в количественном и процентном соотношениях. Вторая таблица содержит данные по насыпям и надмогильным сооружениям. В качестве типов также определено шесть: простая земляная насыпь, насыпи, сооруженные с применением камня, причем концентрация камней в составе насыпи весьма различная, насыпи, содержащие по периметру кольцевое сооружение из камня, глины или песка, насыпи, содержащие ограды из камня или кирпича и отдельную категорию составляют впускные захоронения, так как на них вышеуказанные признаки не распространяются.

Бисембаев А.А.

Таблица 1. Способы устройства погребальной камеры

<i>Погребальная камера</i>	<i>Количество на могильниках</i>	<i>% от общего числа</i>
1. Склеп из кирпича	5	2,9
2. Подбойная яма	16	9,1
3. Яма с уступами	38	21,7
4. Простая яма	71	40,6
5. Яма с кирпичным сооружением	41	23,4
6. Неопределенно	4	2,3

Таблица 2. Насыпи и надмогильные сооружения

<i>Типы</i>	<i>Количество на могильниках</i>	<i>% от общего числа</i>
1. Простая земляная насыпь	79	45,1
2. Насыпь с камнем	33	18,8
3. Насыпь с кольцом по периметру	12	6,9
4. Ограда из камня под насыпью	4	2,3
5. Ограда из кирпичей под насыпью	32	18,3
6. Впускные погребения	15	8,6

Этапом, предшествующим всем основным расчетам, является составление общей таблицы взаимовстречаемости (табл. 3), в которой указана численность каждого признака в пределах выборки. При этом типы, указанные в таблице 1, обозначены как признаки А, а типы в таблице 2 как признаки В. В этой же таблице также указывается общее число рассматриваемых погребений и, собственно в самом поле таблицы число случаев, когда признак А (погребальная камера, для таблицы 1) встретился с признаком В (типом насыпи и надмогильным сооружением, для таблицы 2).

При расчетах принимается нулевая гипотеза на тот случай,

если встреча признаков (AB) в памятнике произошла случайно. Далее, каждый из признаков взаимовстречаемости оценивается с применением четырехпольной таблицы:

	AB	$\bar{A}B$	B
A	$A\bar{B}$	$\bar{A}\bar{B}$	N

где AB - число встреч данной пары признаков в погребениях; $\bar{A}B$ - число погребений, имеющих признак B, но не имеющих признака A; $A\bar{B}$ - число погребений, имеющих признак A, но не имеющих признака B; $\bar{A}\bar{B}$ - число погребений, не имеющих ни того, ни другого признака; N - общее число рассматриваемых погребений в пределах данной выборки.

Таблица 3. Насыти - способы

Способ (см. Табл.1) A	N	Насыпи курганов (см. Табл. 2) B					
		1	2	3	4	5	6
		79	33	12	4	32	15
1	5	-	-	-	-	5	-
2	16	5	5	2	-	4	-
3	38	21	7	-	2	5	3
4	71	34	18	3	2	3	11
5	41	19	-	7	-	15	-
6	4	-	3	-	-	-	1

Коэффициент встречаемости указанных признаков - X, рассчитывается по формуле:

$$X = \frac{AB \times \bar{A}\bar{B} - A\bar{B} \times \bar{A}B}{\sqrt{A \times B \times \bar{A} \times \bar{B}}}$$

На следующем этапе, полученное значение коэффициента оценивается с помощью критерия X² для установленных порогов вероятности - P. При этом, если абсолютное значение

Бисембаев А.А.

коэффициента X превышает порог вероятности, принятый за числовой показатель $0,01$, взаимосвязь между данной парой признаков признается статистически достоверной и нулевая гипотеза отвергается. В результате подсчета коэффициент X может быть положительным или отрицательным. Отрицательное значение коэффициента свидетельствует о том, что данное сочетание признаков обнаруживается в выборке реже, чем это должно было бы быть при условии случайного распределения.

Для надежной интерпретации и точного определения результатов были проведены двойные вычисления по совпавшим признакам в таблице 3, по горизонтали и вертикали. Результаты вычислений предстают следующим образом.

Сооружения сырцово-кирпичного склепа в могиле встречено в пяти случаях и во всех случаях идет совпадение с пятым типом по таблице надмогильных сооружений, т.е с сырцовыми оградами. Показатель в этом плане имеет цифровое выражение, равное абсолютному числу - 10, что весьма характерно, присутствует полное совпадение только с одним типом насыпи.

Подбойные ямы имеют более широкий диапазон разброса по типам - по 5 случаев под простыми и каменными насыпями, 2 случая - в кольцевом сооружении, 4 - в сырцовой ограде. Отсутствуют в ограде из камня и среди впускных могил. Цифровой показатель в первом случае при совпадении подбойных могил и простых земляных насыпей - отрицательный, равный - $0,4082$. В данном случае показатель меньше установленного порога вероятности $P < 0,01$ и это позволяет говорить о нехарактерности подобного сочетания.

Подобные могилы, встреченные в том же количестве, что и в предыдущем случае, но соотношения абсолютных показателей среди типов по отдельным таблицам 1 и 2 иное, и этот момент дает иной, положительный цифровой показатель: $0,7984$. В этом случае показатель значительно выше установленного порога вероятности. Дважды могилы с подбоями совпали с насыпью, имеющей кольцо по периметру кургана. Цифровые данные в этом случае дают следующие показатели: $0,9393$, что

также значительно превышает установленный минимальный порог вероятности.

Четырежды подобные могилы встречены под оградами из кирпича на уровне древнего горизонта. Для распределения подбойных могил по типам таблицы 2 этот показатель значительный и достаточно стабильный для диапазона случаев совпадения оград со способами сооружения погребальной камеры. Абсолютный цифровой показатель в этом случае, опять-таки превышает порог вероятности и составляет 0,4147. Подбойные могилы не имеют встреч по таблице с оградами из камня, их нет также среди впускных могил.

Ямы, имеющие усложнение в конструкции в виде уступа или уступов вдоль одной, двух или всех четырех стен, всего в памятниках встречены в 38 случаях. Наибольший показатель - 21 случай попадает на первый тип насыпи, следующим идет второй тип (насыпи с камнем), далее, пятый тип - сырцовые ограды. Три могилы, обладающие вышеуказанными чертами, встречены среди группы впускных погребений и две в оградах, сложенных из камней. Для первого случая встречи расчетный показатель составил 0,1348. Это число также превышает порог вероятности, но малый цифровой показатель объясняется значительным по отношению к случаю встречи числом в типах, у которых встреча зафиксирована. Два случая встречи могил с уступами в каменных оградах составляют наименьший показатель для распределения могил этого типа по типам насыпей и надмогильных сооружений, но это число составляет половину от показателей распределения типов с каменной оградой по диапазону погребальных камер. Абсолютный показатель для расчетов встречи могильной ямы с уступами в ограде из камня равен значительному числу, имеющему единичное и десятичное выражение: 1,9282 и значительно превышающему минимальный установленный порог вероятности.

Совершенно иная картина вырисовывается при составлении соотношения встречи в 7 случаях могил с уступами под насыпями, сооруженными с применением камня. Расчетный показатель, полученный в этом случае, отрицательный - 0,0776, что вполне объясняется значительными цифровыми показате-

лями в обоих типах. Отрицательное значение, выраженное в числе - 0,3516, получено при выяснении соотношения случая совпадения и типов, у которых произошло совпадение, а именно, могилы с уступами и кирпичные ограды под насыпью курганов.

Следующий способ сооружения погребальной камеры дает наибольший показатель для распределения по типам, свыше 40%. Кроме того, данный способ представлен во всех типах таблицы 2, отражающей типологическое деление по способу сооружения насыпи. Наибольший цифровой показатель в первом случае при встрече с типом № 1 - земляной насыпью, равный 34. На втором месте находится показатель встречи простых по форме могил под насыпями с камнями - 18. Следующую позицию занимает показатель, отражающий момент, характерный для впускных могил, равный 11 случаям. Одинаковое количество случаев - по 3, зафиксированы при анализе совпадений с насыпями, имеющими кольцо по периметру и кирпичную ограду вокруг могилы на дневной поверхности. Два случая встречи простых могил в оградах из камня (тип № 4) завершают градационную сетку распределения могил простых конфигураций по типам насыпей. Для четвертого типа в таблице насыпей эта цифра составляет вторую половину распределения этого типа по сетке погребальных камер. Абсолютный показатель для встречи простой могилы под простой земляной насыпью составляет 0,2667, что намного превышает значение 0,01 для порога вероятности в случае встречи типов.

Расчетный показатель абсолютного значения для второго случая встречи ям четвертого типа с каменной насыпью курганов превышает предыдущий показатель с порогом вероятности и составляет 0,3539. В этом случае число встреч составляет больше половины числового показателя насыпей с камнями. Три встречи простых ям под насыпями курганов с кольцевыми сооружениями дают абсолютный показатель, равный 0,4653. При этом, число встреч составляет четверть числового показателя для насыпей третьего типа, что весьма значительно для этой группы. Зато такое же количество встреч простых ям в кирпичных оградах дает отрицательный абсолютный показа-

тель, при расчетах вероятности встречи - 0,8169. Объяснение в данном случае кроется, во-первых, в том, что цифровой показатель оград под насыпью значительно превышает показатель кольцевых сооружений и, во-вторых, три встречи простой ямы в ограде занимают последнее место в сетке распределения по типам ям и в количественном плане значительно уступают остальным.

С этих позиций поддается объяснению положительный показатель, равный 0,3132, полученный при расчете вероятности встречи простых могильных ям и оград из камня под насыпью. При превышении порога вероятности это число значительно уступает расчетному показателю такого же числа встреч каменных оград и ям третьего типа, которых почти в два раза меньше, чем ям, анализируемого четвертого типа.

Значительное число встреч простых ям среди впушенных захоронений, составляющее подавляющее большинство (11 случаев) от общего числа шестого типа таблицы 2 требует применить и в этом случае общую схему статистических расчетов. Абсолютный показатель в этом случае составляет положительное число, значительное и имеющее единичное и десятичное выражение: 1,4617, что объясняется, как раз, доминированием этого числа встреч в шестой позиции таблицы 3.

Пятый способ сооружения могильной камеры, когда яма перекрывается выкладкой из кирпичей, при котором зачастую укладка уходит в яму, находясь на уровне частичной засыпи, имеет распределение по трем типам насыпи в следующих соотношениях. На первой позиции находится число встреч таких ям с простой земляной насыпью (19 случаев), на второй - число встреч, равное 15 случаям при встрече с кирпичными оградами на уровне погребенной почвы под земляной насыпью, на третьей (7 случаев) - число встреч с третьим типом насыпи.

Абсолютный показатель при расчетах встречи перекрытых кирпичом ям с простыми насыпями является положительным числом, превышает порог вероятности и составляет 0,1329. Незначительность цифрового выражения объясняется значительными общими числовыми показателями для рассчитываемых

Бисембаев А.А.

мых типов: 79 и 41.

Два следующих абсолютных показателя близки между собой, хотя в числовом плане число встреч ям пятого типа в кирпичных оградах в два раза превышает число встреч под насыпями с кольцевыми сооружениями. В обоих случаях число встреч составляет около половины общего числа каждого типа, что является объяснением сложившейся ситуации. Абсолютный показатель для числа случаев встречи ям пятого типа с насыпями третьего типа составляет 1,3651, для случаев встречи с насыпями пятого типа оно равно 1,4287.

Для шестой группы ям, вынесенных в тип неопределенных, расчеты абсолютных показателей не проводились, так как подобные вычисления не имеют смысла, в связи с нарушенностью обрядовых черт.

Для выявления четких и ярко выраженных связей между различными типами обрядовых проявлений, необходимо составление процентного соотношения диапазона состоявшихся встреч по горизонтали и вертикали таблицы 3. Вертикальные данные открывает размещение склепов по типам надмогильных сооружений, и в этом случае мы имеем стопроцентное распределение этого типа сооружений погребальной камеры в пятом разделе, в кирпичных оградах.

Подбойные захоронения распределяются в следующих пропорциях: по 31,25% попадают в первый и второй типы таблицы 2 - земляные и каменные насыпи курганов; ровно 25% случаев встречи могил этого типа с сырцовыми оградами и 12,5% от общего числа подбойных могил зафиксировано во встрече с насыпями, имеющими кольцевые сооружения.

Ямы с уступами, составляющие третий тип в таблице 1, распределены по сетке таблицы 2 следующим образом: более половины - 55,3% встреч с простыми земляными насыпями. 18,4% ям этого типа обнаружено под насыпями курганов, сооруженными с применением камня, 13,2% - в сырцовых оградах, 7,9% составляют впущенные захоронения и 5,3% в оградах из камня.

Ямы простых конфигураций, составляющие подавляющее большинство среди способов устройства погребальной каме-

ры, также в большинстве случаев - 47% встречены под простыми земляными насыпями. Случаи встречи с каменными насыпями составляют 25,4%. Значителен процент таких могил среди впускных захоронений - 15,5%. Равные показатели, по 4,2%, составляют случаи встречи таких ям в кольцевых сооружениях и кирпичных оградах. На последней позиции находится число встреч ям этого типа в оградах, сложенных из камня - 2,8%.

Ямы, перекрытые выкладками из кирпича, в почти половине случаев - 46,4% обнаружены под простыми земляными насыпями, несколько меньше - 36,6% таких ям встречено в оградах из кирпича и 17% - под насыпями с кольцевыми сооружениями по периметру насыпи. В трех категориях таблицы 2, таких как насыпи с камнем, каменные ограды и среди впускных могил, случаев встреч с ямами пятого типа не зафиксировано. Расчет процентных показателей распределения типов насыпи и надмогильных сооружений по вертикальной сетке типов сооружения погребальных камер дает иную картину, приведенную ниже.

Насыпь кургана, возведенная только из грунта, не имеет встреч с первым типом способов устройства могильной камеры - сырцовым склепом. Процент встречи земляной насыпи с подбойными могилами имеет наименьший цифровой показатель в этой группе и составляет 6,4%. Больше всего процент встреч зафиксирован у первого типа насыпи с простой могильной ямой - 43%, далее, в количественном плане идут случаи встречи с ямами, имеющими уступы - 26,6% и чуть меньше этого показателя, число встреч с ямами с кирпичной конструкцией - 24%.

Насыпи курганов, имеющие камни в различной концентрации, максимальный процентный показатель имеют при встрече с ямами простых конфигураций, четвертого типа по таблице 1 - 54,6%. 21,2% - таков показатель встреч этих насыпей с ямами, имеющими уступы, немного меньше 15,2% составляет процент встреч с подбойными могилами и 9% встречи с шестым типом.

Кольцевые сооружения в насыпях по периметру кургана в

Бисембаев А.А.

количественном плане занимают незначительное место по отношению к общему числу анализируемых памятников. Максимальная доля - 58,3%, выпадает на встречи с могилами, имеющими кирпичные выкладки. На следующей позиции находится процентный показатель встреч третьего типа таблицы 2 с простыми могильными ямами - 25%. И на последнем месте число встреч этого типа с подбойными ямами - 16,7%. По 50% разделились цифровые показатели насыпей с оградами из камня в двух типах по таблице 1: ям, имеющих уступы и простых прямоугольных могил.

Значителен процентный разброс по вертикальной сетке у насыпей с кирпичными оградами на древнем горизонте, представляющих пятый тип. Максимальное число встреч кирпичных оград выпадает на могилы с кирпичной же выкладкой - 46,9%. Поровну, по 15,6%, дают показатели встречи с первым типом - кирпичными склепами в могиле и с третьим типом ямы. Следующая позиция - 12,5% зафиксирована при случаях встречи с подбойными могилами. На последней позиции находится процент встреч пятого типа насыпи с простыми по форме могилами - 9,4%.

Разброс впускных могил по вертикальной сетке таблицы 3 невелик и представлен следующими результатами. Впускные могилы в большинстве случаев простых конфигураций - 73,3% (11 случаев встреч). Ровно 20% из них имеют уступы (3 случая встречи) и 1 случай выпадает (6,7%) на долю могил, достоверное установление обрядовых черт которых невозможно.

Различные процентные показатели по горизонтальной и вертикальной сеткам одних и тех же случаев встречи дают разные числовые соотношения, что вполне объяснимо, так как исходные цифровые данные в таблицах различны, и поэтому, опираясь только на процентные показатели, ни в коем случае нельзя делать выводы об обрядовых проявлениях и их сочетаниях. Процентная сетка дает наглядное представление о методике работы в этом разделе и показывает необходимость построения градационного ряда совпавших признаков, указанных выше, для выявления устойчивых связей в обряде и получении эталонных в одном памятнике черт погребального обряда.

Бесспорной признается связь между склепами из кирпича в могильной камере и кирпичными оградами, выстроенными под насыпью курганов на древнем горизонте. Совпадение этой пары признаков отражено в абсолютном показателе, занимающем первое место по числовому выражению. Второе место среди устойчивых связей занимают совпавшие признаки третьего типа по таблице 1 и четвертого по таблице 2: могилы с уступами вдоль стен и ограды, сложенные из камня под насыпью курганов.

Далее, по градиционному ряду устойчивых связей находится совпавшее число, показатель соотношения могил простых конфигураций и впускных захоронений. Несколько меньшее числовое выражение, но все же с единичными и десятичными показателями, имеют устойчивые связи могил, перекрытых кирпичной выкладкой, с оградами из кирпича под насыпью, и могил этого же типа с кольцевыми сооружениями по периметру кургана.

Значительное превышение, установленного минимального порога вероятности, но уже без единичного числового выражения, зафиксировано в установлении прочности связей между могильными ямами, усложненными подбойной нишей, и кольцевыми сооружениями. Несколько меньший показатель на 0,1 у устойчивых связей, полученных в результате встреч подбойных могил под насыпями из камня. Установление прочности связи в градиционной колонке рассматривается по убывающей для наиболее точного соотношения среди совпавших пар признаков.

Простые по форме прямоугольные ямы, встреченные под насыпями с кольцевыми сооружениями, составляют восьмую по счету, устойчивую и, соответственно, признанную достоверной, совпавшую пару признаков. Следующее совпадение признаков приходится на связь между подбойными могилами и оградами из кирпича. Вполне устойчивую связь образуют такие признаки как простая могильная яма и насыпи курганов из камня, а также простые могильные ямы и ограды, сложенные из камней.

Двенадцатую позицию занимает устойчивая связь пары при-

знаков четвертого типа в таблице способов устройства погребальной камеры и первого типа в таблице насыпей и надмогильных сооружений - простых по форме могильных ям и простых земляных насыпей. Ямы, усложненные уступами, вдоль стен и совпавшие с простыми земляными насыпями, образуют следующую устойчивую пару с достоверно установленной связью. Последнюю четырнадцатую позицию занимает совпадение могил, перекрытых кирпичными выкладками и простых земляных насыпей курганов.

Особое место занимают результаты исследований связи пар признаков, по которым получены отрицательные результаты. В этом случае, несмотря на значительное числовое выражение состоявшихся встреч, исходя из условий начального этапа расчетов, приходится признать, что связь рассматриваемых пар признаков является недостоверной, и в качестве опорного материала и эталона приниматься не может.

Пять случаев встреч подбойных могил под простыми земляными насыпями при подсчете результата по принятой формуле, как раз, дают такой отрицательный результат. Такое же отрицательное число получено при расчетах встреч могильных ям с уступами и курганных насыпей с камнями. Правда, в этом случае отрицательное число очень близко к нулевой гипотезе, при которой оценка результатов встречи признается случайной. Пара признаков: яма с уступами - кирпичная ограда под насыпью, по тем же причинам не может считаться достоверной и определяющей. Последний отрицательный результат при вычислении коэффициента встречаемости X получен при расчетах связей простых могильных ям с кирпичными оградками. Но необходимо отметить, что отрицательные результаты всех вышеуказанных случаев ни в коем случае не говорят об исключительности произошедших встреч, и, самое главное, об абсолютной нехарактерности и нетипичности подобных встреч. Объяснением здесь, как уже говорилось, служат значительные различия в цифровых показателях, исходных расчетных данных общего числа анализируемых памятниках и числа, полученных встреч признаков.

§3. Сравнительный анализ статистических результатов.

Анализ полученных достоверных связей не противоречит построенным первоначально предположениям, а только дополняет и корректирует их. По результатам статистической обработке материалов погребения различных хронологических периодов с различной религиозной окраской можно проследить, что основной пласт проявлений в чертах погребального обряда, более всего распространенных в домусульманский и дозолотоордынский периоды, продолжает существовать и в достаточно позднее время, когда многие обрядовые стороны кочевого общества напрямую связаны с исламом.

В какой-то мере "классическим" мусульманским погребением можно было бы считать захоронение, обладающее такими чертами, как укладка покойника без одежды в саване, в склепе из кирпича, и возведенной вокруг могилы оградой без курганной насыпи. В нашем случае материал погребений дает приближенные к подобному образцу памятники, но полного соответствия нет, и, кроме того, в каждом отдельном памятнике с обрядовыми чертами ислама происходит реминисценция отдельных элементов прежнего обряда. В западно-казахстанских памятниках устойчивые связи образуют признаки погребального обряда, характерные для двух разных религиозных систем. Наиболее ярким моментом сочетания исламских признаков в одном погребении можно было бы считать присутствие в погребальном комплексе выкладки над могилой и кирпичной ограды, но и в этом случае реликты язычества, выраженные в деревянных конструкциях в виде перекрытий, дощатых гробов или даже долбленых колод и возведения над погребением человека курганной насыпи.

Весьма сложен момент интерпретации захоронений с кольцевым сооружением под насыпью. Если в ранний языческий период кольцо выполнялось из камней различного размера, то в позднее время этот элемент обряда изменяется под давлением новой идеологии, и кольцевая конструкция сооружается из глины, песка или золы. Смысловая нагрузка кольца в этом случае частично теряется и размывается.

Довольно устойчива связь подбойных могил с кольцевыми выкладками на раннем этапе. При этом, подобное сочетание в определенной мере подчеркивает значимость погребения [Ковалевский, 1956. С.65]. Подтверждением этому может служить устойчивая связь и тот факт, что впускные могилы в абсолютном большинстве имеют простую форму. В данном случае происходит дифференцирование социального положения индивида через обрядовую сторону. Усложненная часть обряда проходит во времени до устойчивого сочетания подбойных могил и кирпичных оград. А также кольцевых сооружений с выкладками над могилой. В пользу существования дифференцированного подхода говорит устойчивое сочетание и значительное число встреч простых могильных ям и курганных насыпей без усложнения, возведенных только из грунта. Следует отметить, что ямы простых конфигураций значительны по численности, имеют широкое распространение по регионам и в хронологических периодах. В силу этого обстоятельства, они образуют устойчивые связи с насыпями с камнем, каменными оградами и кольцевыми сооружениями. Но, что особенно характерно, отрицательный результат получен при выяснении наличия связей простых могил и кирпичных оград. Определяя полученные результаты легко заметить, что происходит структуризация в погребальном обряде по нескольким направлениям. Первый момент связан с тем, что элементы ислама как кирпичная ограда, например, сочетаются с усложненными могильными камерами при некотором существовании прежних тенденций. Обособляется и продолжительно существует во времени языческий обряд с захоронением в простых или усложненных могилах под курганной насыпью, без кирпичных строений (Жаман Каргала1). И, кроме того, даже в мусульманский период в погребениях с ярко выраженными чертами ислама фиксируется поло-возрастная дифференциация, характерная и для более ранних периодов истории. Мужские погребения в таких случаях усложнены, по сравнению с детскими или женскими.

Особняком среди мусульманских захоронений находятся погребения на территории жилых помещений Сарайчика и на

поселениях Ак-тобе и Кзыл-Кала [Афанасьев, Бисенов, Галкин, 1976; Галкин, Афанасьев, Бисенов, 1979]. Территория городских центров Золотой Орды после запустения активно использовалась местным населением как кладбище. Для территории Сарайчика характерно очень плотное размещение костяков и постройка невысоких мазаров. Только в XII раскопе при его заложенной площади выявлено 6 мазаров и 12 отдельных погребений. Мазары возводились как над индивидуальными захоронениями, так и над коллективными. Кирпич золотоордынского стандарта при постройке мазаров, скорее всего брался тут же из кладки стен, поэтому он, по большому числу битый. Ориентировка скелетов северо-западная, у большинства покойников не фиксируется такая черта, как поворот лицевой частью черепа к югу. При расчистке мазара № 1 установлено, что костяки лежат в деревянных конструкциях, обнаружены обломки керамики, рог коровы и перстень. Аналогии постройкам сводов склепов имеются в городищах этого же времени Поволжья [Егоров, 1980. С.82-88]. Вполне вероятно, что кладбище начинает функционировать с конца XIV в. (см. отчет Западно-Казахстанской экспедиции под руководством З.С. Самашева в архиве Института археологии). Косвенным подтверждением служит находка медной монеты времени Тохтамыша в верхнем строительном горизонте (рис.40, 41, 42, 43.). Данные захоронения совершены с максимальным соблюдением обрядовых сторон ислама и во многом идентичны синхронным захоронениям Водянского городища. Такое явление наблюдается в регионах, близких оседло-земледельческим центрам, и принятие ислама населением в таких районах по времени происходит значительно раньше [Нурмуханбетов, 1994. С.34-39].

Западный Казахстан географически удален от городских центров, пожалуй, поэтому здесь не наблюдается обрисованной картины. Данная территория представляет собой контактную зону с четко выраженными признаками. Отсюда и наличие разнотипных памятников. В целом, можно проследить во времени определенные тенденции. В раннем средневековье из-за бурных политических событий, противостояния и перемеще-

Бисембаев А.А.

ния племенных группировок наблюдается значительный разброс в проявлениях погребальной обрядности. Овладение кыпчаками значительной территорией влечет за собой "унификацию" обряда в районах доминирования, что иллюстрирует стабилизацию политической обстановки. Незначительные обрядовые различия этого периода могут свидетельствовать о различиях группировок, составлявших кыпчакский союз. Нашествие монголов радикально не повлияло на обрядовые проявления собственно кыпчакского обряда, за исключением того, что одиночными вкраплениями появляются памятники с индигенными чертами [Боталов, 1992. С.230-238] - Салтак, Кула-Айгыр, Мануйловка [Кызласов, 1980. С.80-92].

Распад Золотой Орды и деструктивные процессы, с этим связанные, повлекли за собой дестабилизацию обстановки и нарушение восстановленных после нашествия связей. Рельефно обозначаются тенденции к обособлению отдельных групп населения и оформлению в отдельные этнические коллективы. Эти события находят свое отражение в проявлении и существовании в один хронологический отрезок различных по содержанию памятников.

Наиболее живучими остаются такие черты погребального обряда, как возведение курганной насыпи, сооружение могил прежних конфигураций, захоронение покойников в повседневной одежде [Жумагапбетов, 1995. С.32-34], наличие в могилах и насыпях костей животных - остатков заупокойной пищи и тризны, а также присутствие хотя бы минимального инвентаря.

Исламизация в период средневековья, прошедшая среди кочевого населения Западного Казахстана в дальнейшем получила дополнительную поддержку [Казахи..., 1995. С.232], особенно в XIX в., что встретило возражение передовых людей того времени [Валиханов, 1985. С.71-76]. Свидетельства исследователей того периода говорят о наличии языческих проявлений в погребальном обряде вплоть до конца XIX в.: "Иногда еще, нарушая мусульманский закон, и без ведома своих мулл, киргизы (казахи - А.Б.) хоронят своих мертвецов на краю какого-нибудь кургана, и с тех пор этот последний носит имя покойного" [Кастанье, 1911. С.6].

А.И. Левшин приводит сведения о том, как проводились похоронные обряды у казахов в первой половине XIX в. Он отмечает, что иногда с покойником зарываются оружие и конская сбруя. Он же приводит информацию о том, что Абулхаир хан был похоронен с комплектом вооружения: с саблей, копьем и колчаном со стрелами [Левшин, 1996. С.340-34; Ерофеева, 1999. С.308].

И.А. Кастанье, проводивший многочисленные опросы информаторов и исследовавший в течение длительного времени погребальные обряды у различных групп населения, убежден, что в большинстве своем памятники анализируемого региона принадлежат местному населению и не могут быть оставлены другими этническими группами, к примеру калмыками [Кастанье, 1905. С.178-187]. Ряд особенных моментов, связанных с погребальной обрядностью, зафиксированные им, а именно перенесение костей человека для захоронения в другом месте, некоторыми исследователями определяются как реликты зооастризма [Кастанье, 1911. С.94-96; 285]. Наличие реликтовых явлений касается не только погребально-поминальной обрядности, но и практически всех сторон жизни казахов в прошлом и настоящем. В этой связи наиболее показательное распространение в Казахстане именно суфизма как гибкой и восприимчивой системы [Мустафина, 1992. С.61-90; Султангалиева, 1975. С.96-98; Орынбеков, 1997; Толеубаев, 1975].

Таким образом, ислам, не являвшийся мировоззренческой концепцией кочевого населения Казахстана в силу многих обстоятельств и внутреннего содержания был вынужден "приспособиться" к условиям существования во многих случаях, вращая и сливаясь с прежними пластами религиозных и культурных проявлений, что в свою очередь нашло отражение в анализируемом в работе аспекте - погребальном обряде.

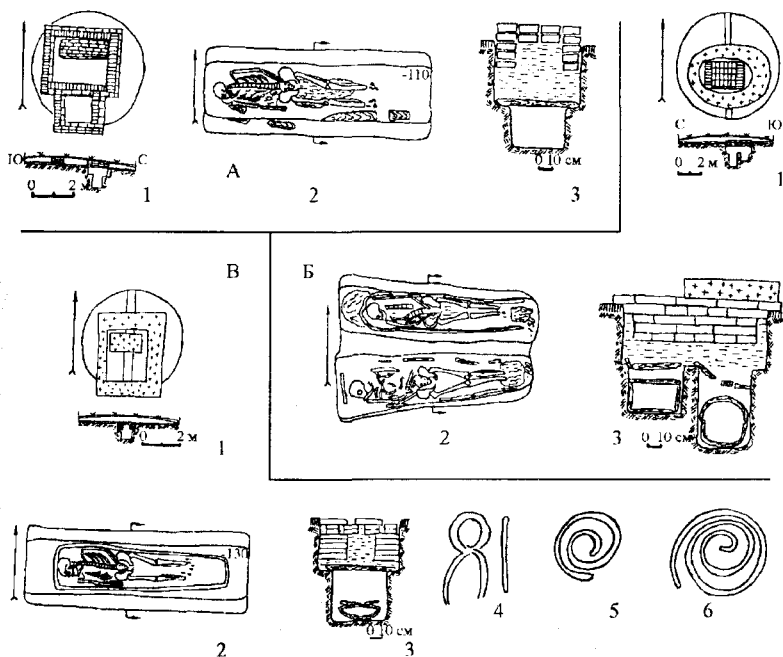

Рис. 34. А: Могильник Караул-Тобе, курган № 1. 1-3 - планы кургана, погребения и разрез могильной ямы; Б: Могильник Караул-Тобе, курган № 2. 1-3 - планы кургана, погребения и разрез могильной ямы; В: Могильник Караул-Тобе, курган № 3. 1-3 - планы кургана, погребения и разрез могильной ямы, 4-6 - знаки на сырцовых кирпичках.

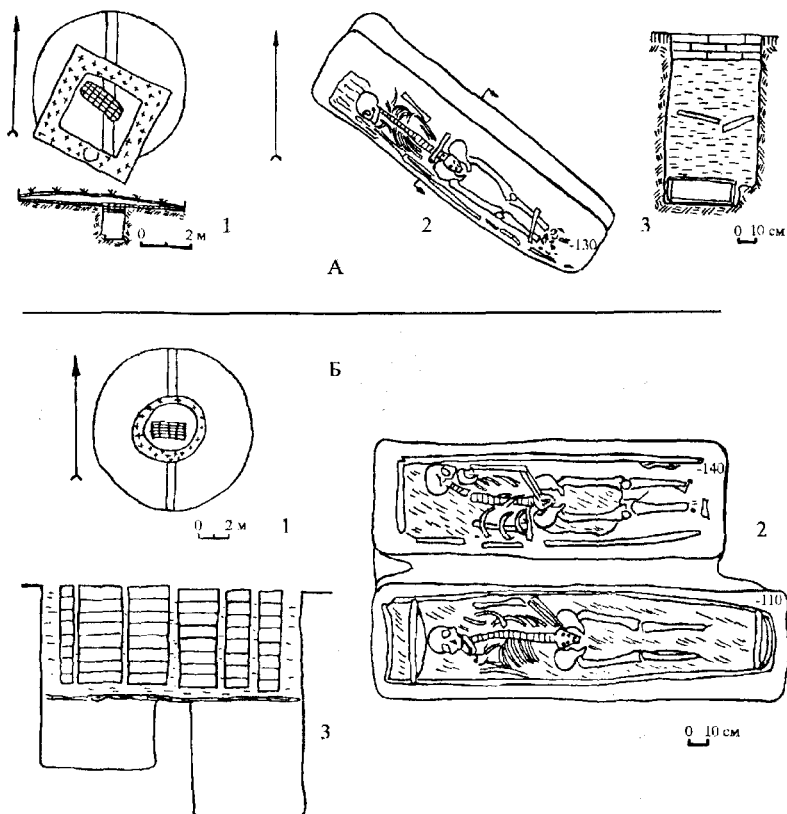

Рис. 35. А: Могильник Караул-Тобе, курган № 4. Планы кургана, погребения и разрез могильной ямы; Б: Могильник Караул-Тобе, курган № 5. Планы кургана, погребений и разрез могильных ям.

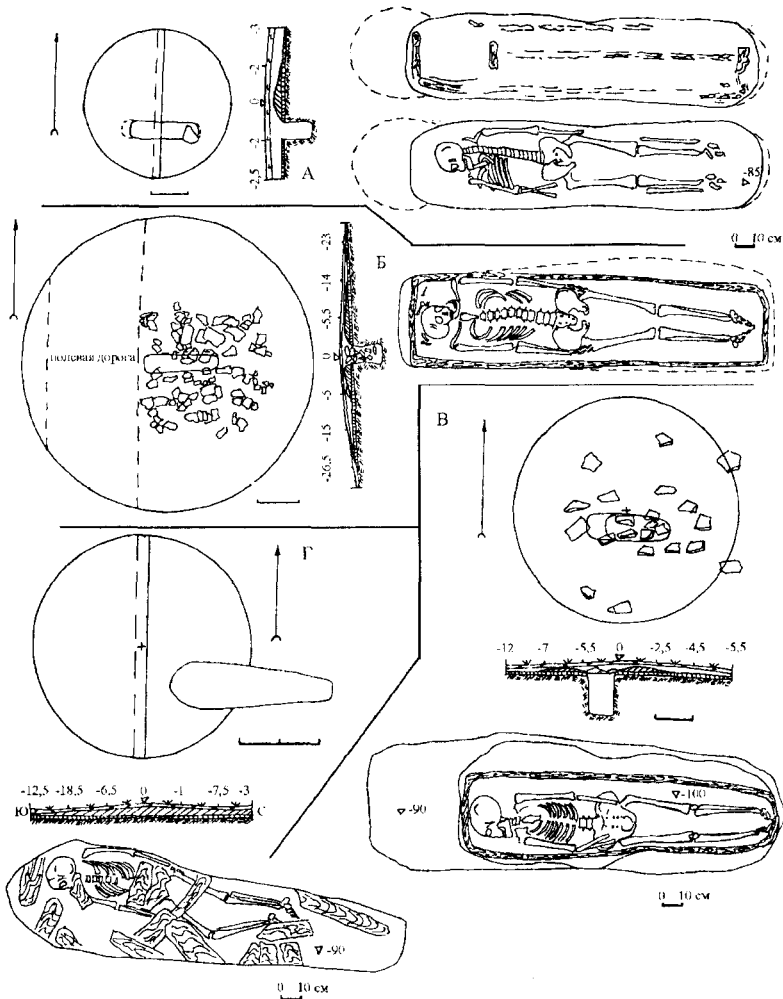

Рис. 36. А: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 9. Планы кургана и погребения; Б: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 21. Планы кургана и погребения; В: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 28. Планы кургана и погребения; Г: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 29. Планы кургана и погребения.

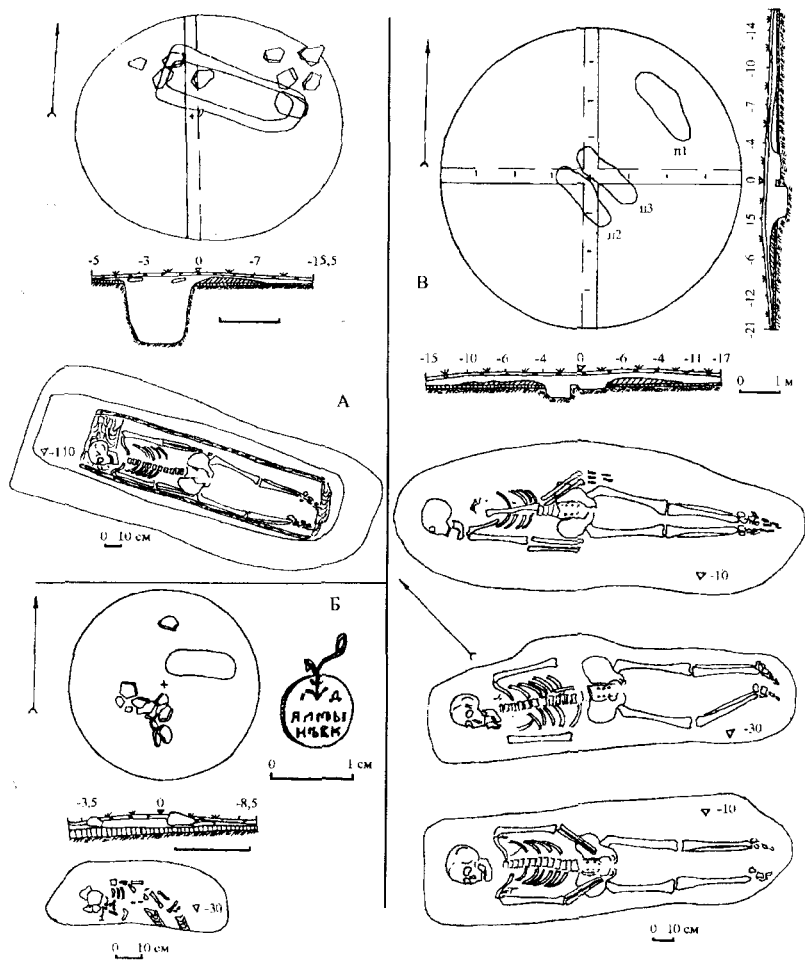

Рис. 37. А: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 32. Планы кургана и погребения; Б: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 33. Планы кургана и погребения; В: Могильник Жаман-Каргала I, курган № 41. План кургана и погребений.

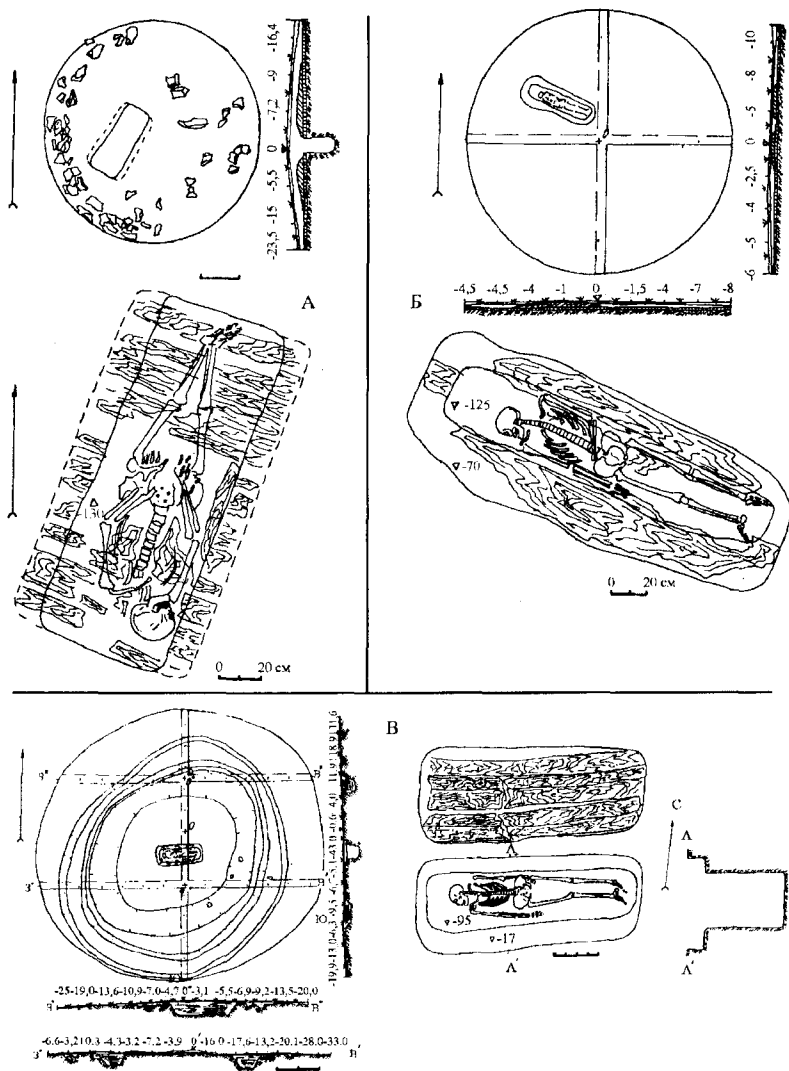

Рис. 38. А: Могильник Целинный I, курган № 78. План кургана и погребения; Б: Могильник Тапаберген II, курган № 14. План кургана и погребения; В: Могильник Жапабаз, курган № 5. План кургана и погребения.

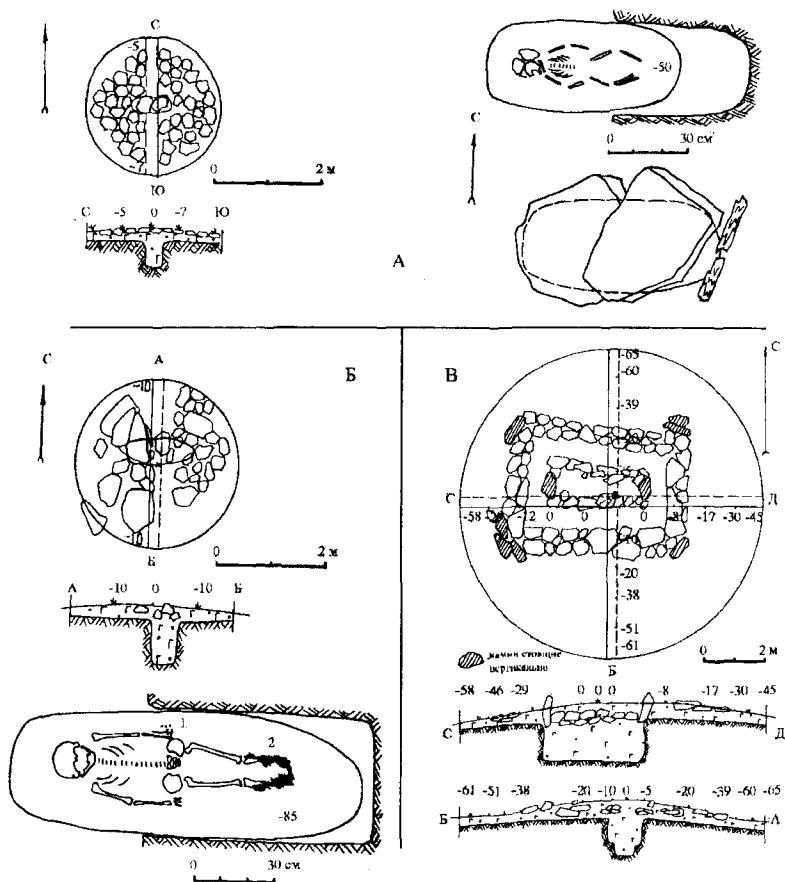

Рис. 39. А: Могилище Родники I, курган № 1. План кургана и погребения; Б: Могилище Родники I, курган № 5. План кургана и погребения; В: Могилище Родники I, курган № 7. План каменной конструкции.

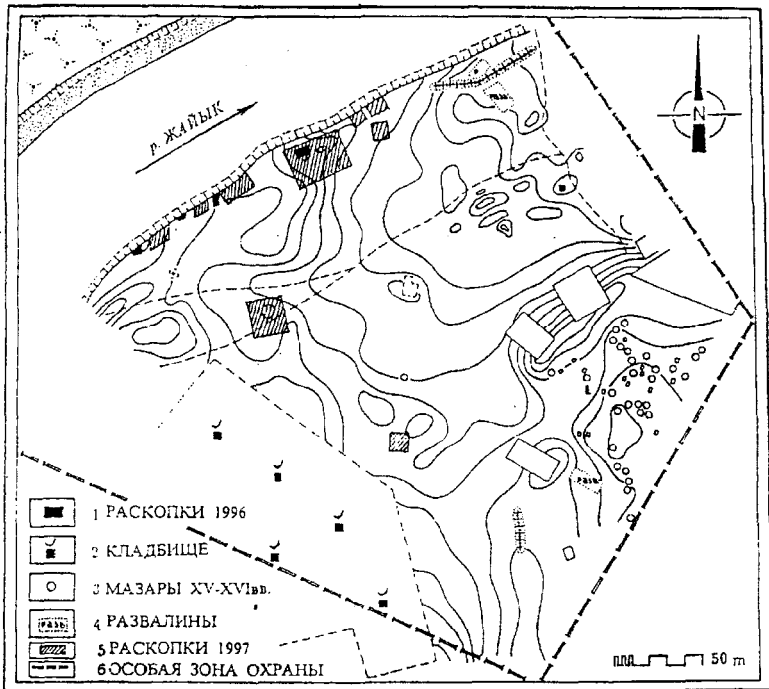

Рис. 40. Общій план городища Сарайчик.

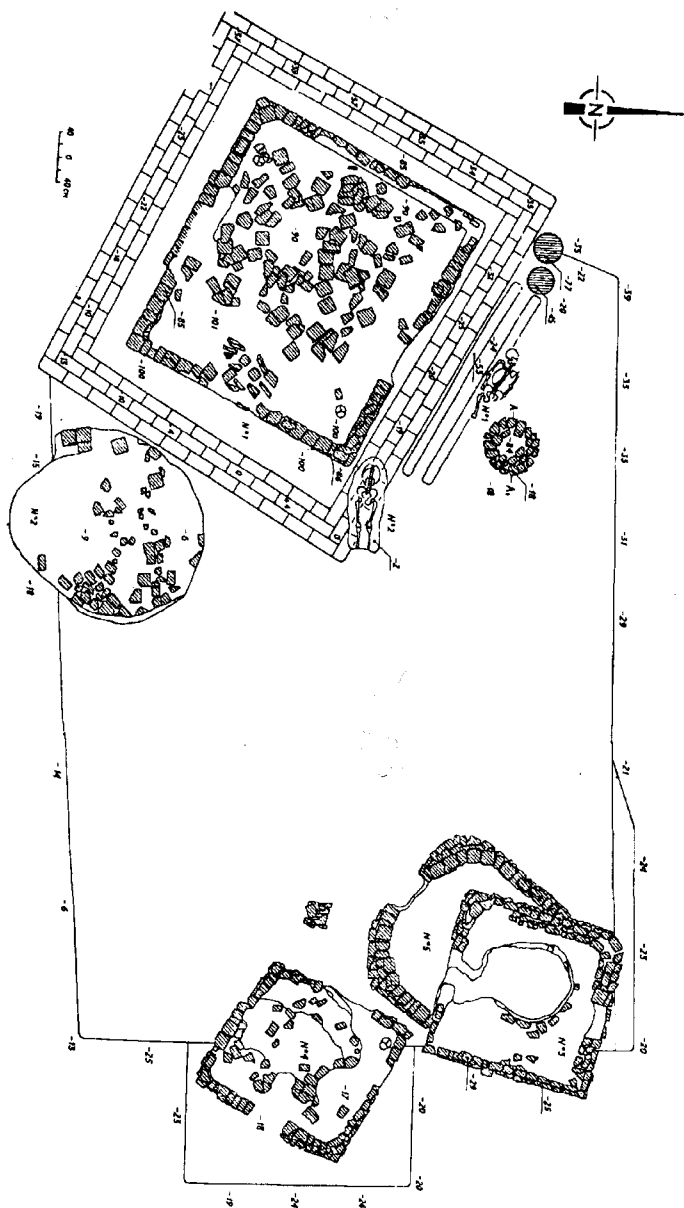

Рис. 41. План XII раскопа на городище Сарайчик.

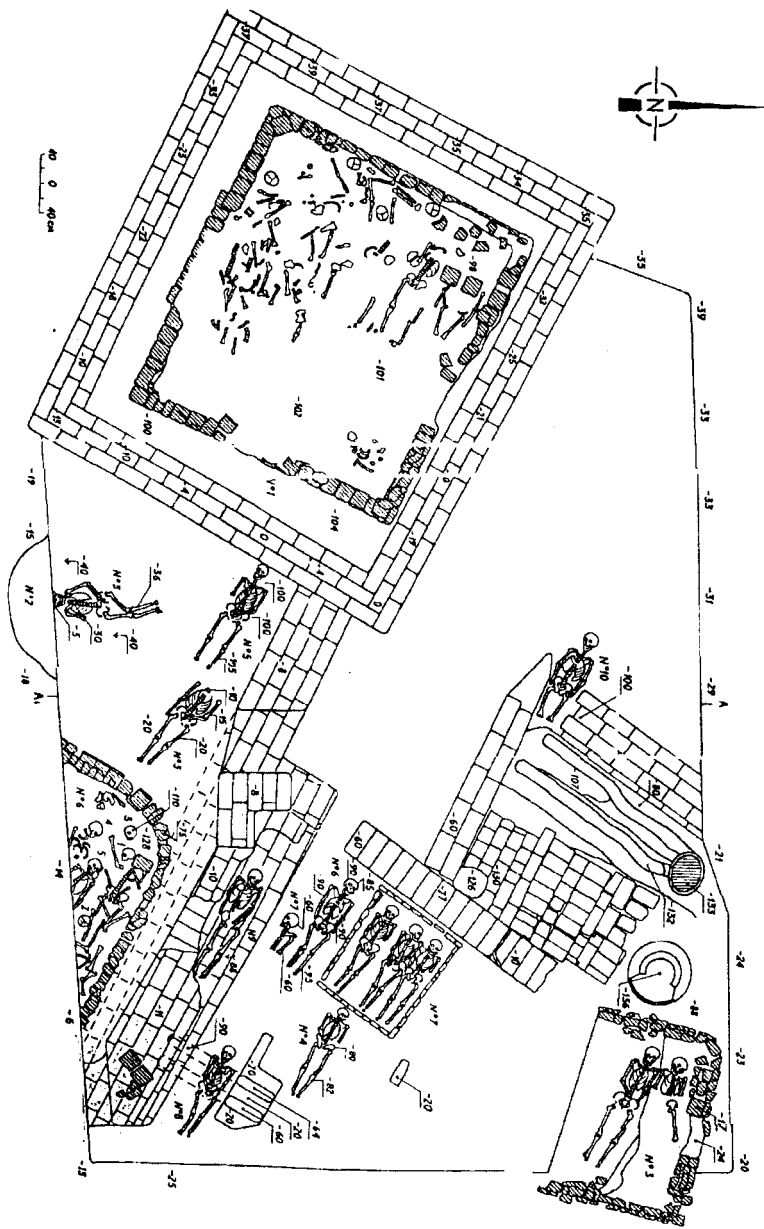

Рис. 42. Мазары XII раскопа городища Сарайчик.

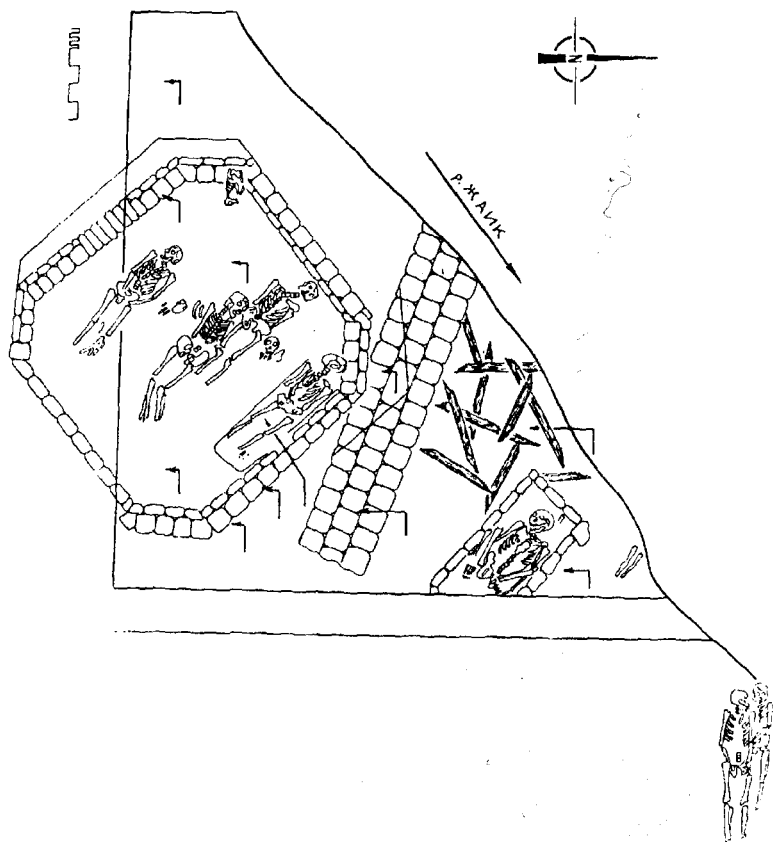

Рис. 43. Мазары XII раскопа на городища Сарайчик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование погребального обряда средневековых кочевников Западного Казахстана, на основании различных сторон, от способов возведения курганной насыпи до ориентировки и позы погребенного, включая анализ погребального инвентаря и других проявлений материальной культуры, дало интересные результаты.

Необходимо отметить, что интерес к кочевым народам появился достаточно давно. Опираясь на нарративные источники, многие исследователи делали попытки воссоздания исторической картины прошлого кочевых народов Евразии. Начальный этап исследований в том направлении приходится на XVIII в. С началом археологических исследований в XIX в. изменяется отношение к кочевым народам, которое раньше было несколько отрицательным. Особое значение в археологических исследованиях приобретала деятельность энтузиастов-общественников, объединенных в различные общества - И.А. Кастанье, Ф.Д. Нефедова, С.Х. Бабаджанова, А.Л. Аниховского и др. Они положили начало этапу археологического изучения памятников средневековых кочевников Казахстана.

Послереволюционный период стал отправной точкой в формировании марксистско-ленинской методологии, отличавшейся достаточно жестким подходом в рассмотрении исторических процессов, к которым применялся выработанный классиками инструментарий. Естественная временная удаленность и специфика объекта исследования позволяли археологам в какой-то мере избежать идеологического прессинга.

В послевоенные годы, благодаря деятельности выдающегося ученого, академика А.Х. Маргулана, начинается активное становление и формирование археологической науки Казахстана. Это период интенсивного накопления археологических материалов, которые большими сериями вводились в научный оборот. В области изучения памятников средневековых кочевников Казахстана в разные годы работали И.В. Синицын, Т.Н. Сеипгова, А.Г. Максимова, Ф.Х. Арсланова, А.А. Чариков, Л.Н. Ермоленко, Г.А. Кушаев, С.М. Ахинжанов, Г.К.

Кокебаева, Ю.И. Трифонов, В.А. Кригер, В.В. Родионов, С.Ю. Гуцалов и др.

На современном этапе в Институте археологии им. А.Х. Маргулана ведутся широкомасштабные научные исследования по периоду средневековья. Активно разрабатывается экспедицией во главе с З.С. Самашевым, такой уникальный памятник, как золотоордынский город Сарайчик. К современному моменту при существовании обобщающих работ по памятникам средневековых кочевников в различных регионах - от Восточной Европы до Монголии, особую важность приобретает систематизация материалов Республики Казахстан, территориально располагающейся в центре степной полосы Евразии.

Объектом данного исследования стали памятники средневековых кочевников Западного Казахстана, крупного региона, отличающегося своеобразием археологических памятников различных периодов. Значительное влияние на размещение памятников оказывают природно-климатические данные. Анализ природных условий показывает, что в Западном Казахстане присутствуют три последовательно сменяющих друг друга зоны: степь, полупустыня и пустыня, и, как отдельные вкрапления, наблюдаются лесостепные ландшафты. В исследуемом регионе особенно в северной части имеется хорошо разветвленная система речной сети, приуроченная к бассейну Урала. Наличие внутриматериковых морей, Каспийского и Аральского, также оказывает влияние на климатические условия, а посредством этого и на состав флоры и фаунистический комплекс.

Картографирование памятников и данные топографии показывают, что наибольшее сосредоточение памятников приходится на северную часть, благоприятную для проживания. Памятники размещаются по берегам степных рек на надпойменных террасах или вершинах водоразделов, образуя могильные группы, подчиняющиеся установленной на конкретном могильном поле логике. Численное превосходство остается за памятниками XII-XIV вв. Территория Западного Казахстана, входившая в состав Золотой Орды и находящаяся почти в цен-

тре этого государства, была густо заселена. Это подтверждается наличием большого числа однотипных памятников, полученных с территорий Оренбургской, Астраханской и Волгоградской областей Российской Федерации.

Анализ погребального обряда и вещевых комплексов первой хронологической группы выявил разнохарактерность погребений, вызванную временными и этническими различиями. Территория исследуемого региона, ставшая в VIII-IX вв. ареной борьбы крупных объединений огузов и печенегов, не могла не содержать в погребальных памятниках отголоски тех драматических событий. Наличие большого количества богатых по инвентарю, но впускных, скрытых захоронений говорит о длительном периоде нестабильной политической обстановки. Кроме того, выявлено определенное число памятников, прямые аналогии которым находятся в кругу синхронных с территории Башкирии, некоторые финно-угорского этнического облика. Все это говорит о сложности в этнической структуре противоборствующих объединений.

Яркие и богатые инвентарные комплексы, содержащие изделия из драгоценных металлов, дают определенные представления о социальной структуре и иерархических особенностях в дифференциации кочевого общества. Подобные находки, как правило, сопровождают могилы с усложненными ритуальными чертами. По отдельным погребениям первой хронологической группы прослеживается процесс инфильтрации кыпчакских групп на запад, незадолго до основного миграционного прорыва в 30-х гг. XI в.

Выход кыпчаков на широкую историческую арену и занятие ими доминирующего положения в степной полосе Евразии, повлекли за собой активные контакты с оседло-земледельческими государствами, логическим следствием которых, стали многочисленные письменные свидетельства. На рубеже XI-XII вв. в среде кыпчакского объединения преобладало западное направление миграции, что отразилось на численном преобладании памятников этого времени Восточной Европы над синхронными Казахстана и Южного Урала. К концу XII в. ситуация стабилизируется и наблюдается "унификация" погреб-

бального обряда, который приобретает общие характерные черты с незначительными, скорее всего локальными отклонениями.

Походы монголов стали причиной деструктивных явлений в первой половине XIII в., отразившихся на процессе этнообразования. Завоевания повлекли за собой перемещения значительных людских масс. Естественно, что эти явления не могли найти своего отражения в археологическом материале. После монгольского нашествия среди памятников степной зоны резко увеличивается число погребений с северной ориентировкой. Кроме того, наблюдаются инновации в обрядах, связанных с культом коня у кочевых народов - исчезает обычай помещения в могилу костей коня или полного остова. Вместо этого как символизация в могиле находятся сложенные в кучу предметы сбруи на перекрытии или в ногах покойного. Вместе с тем, в степной зоне широкое распространение получают определенные категории вещей, как берестяные трубочки или бронзовые фигурки человечков - онгоны.

В период после монгольского завоевания в снабжении покойных различными категориями инвентаря наблюдается нечто вроде стандартизации, т.е. комплект и типы вещей, помещаемых в могилу, довольно однообразны. Погребения этого периода хорошо датируются, благодаря наличию монет различного чекана. Проводимая монголами в профилактических целях переселенческая политика получила свое выражение в появлении в Западном Казахстане памятников по чертам и облику близких южно-сибирским и восточно-европейским. В довершение всего, монгольское завоевание прервало существовавшую до этого момента традицию постановки каменных изваяний. Усилиями ханов Золотой Орды и при их непосредственной поддержке среди кочевого населения начинает распространяться новое идеологическое направление - ислам, до этого завоевавший прочные позиции в среднеазиатских оседло-земледельческих центрах и части Южного Казахстана. Проникновение новой идеологии не замедлило сказаться на чертах погребального обряда, выраженных в изменении сектора ориентировки и позы погребенных, а также в появлении раз-

личного рода конструкций, возводимых из сырцового кирпича.

Долгое время считалось, что с XV в. исчезает обычай возведения курганных насыпей, сменяясь сооружением над могилами мазаров, оград, мавзолеев. Но работы последних лет на памятниках, надежно датируемых нумизматическим материалом и подкрепленные этнографическими сведениями, убеждают в том, что ситуация не столь однозначна. Наряду с проявлениями ислама в погребальном обряде продолжали существовать языческие традиции. Крупные серии погребений с малочисленным инвентарем или без него, были выделены в третью хронологическую группу, верхним порогом для которой были условно принят XVIII в. Предположения о возможности принадлежности этих погребений представителям низших социальных групп, наталкивается на тот факт, что они обладают сложными обрядовыми чертами и находятся под довольно крупными курганными насыпями. Подобные действия едва ли были возможны по отношению к низшей в имущественном плане категории людей.

Проведенные для выяснения степени соответствия между памятниками двух хронологических групп статистические расчеты выявили наиболее живучие, продолжительно существующие черты погребального обряда. Перспективная методика математического анализа показала, что многообразие типов погребального обряда сохраняется на протяжении длительного времени. Неизбежное влияние на погребальный обряд оказывают социальные аспекты, выраженные в наличии богатых и бедных по инвентарю захоронений, которые к тому же имеют разницу в сложности погребальных ритуалов. Свое влияние на изменения погребальной традиции оказал ислам, который в кочевой среде не победив окончательно, сросся с языческими традициями, образуя причудливый сплав.

Перспективы дальнейшего углубленного исследования памятников средневековых кочевников очевидны. Имеются широкие возможности для комплексного изучения памятников в различных регионах Казахстана, для получения общей исторической картины средневекового периода, рассмотрение воп-

росов, касающихся материальной и духовной культуры. Дальнейшее решение вопросов семантических сторон культов кочевых народов, типологии раннесредневековых памятников, выявления эталонных образцов, построения хронокультурных схем будет способствовать решению общенаучных задач, а также широкой пропаганде национальной истории и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агаджанов С.Г. К вопросу о торговой и дипломатической практике огузо-туркменских племен в X-XI вв. // Известия АН Туркменской ССР. 1957. № 3 - С. 74-78.

2. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, Ылым, 1969. - 295 с.

3. Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. - Алматы, Ылым, 1994. - 260 с.

4. Аитова С.М., Самашев З.С. Джучидские монеты с городища Сарайчик // Известия МН-АН РК. Серия общественных наук. 1998. № 1. - С. 35-41.

5. Акатаев С.М. Культ предков в прошлом у казахов и зоорастрим // Известия АН Каз ССР, 1973. № 2. - С. 43-50.

6. Акишев К.А. Средневековые работы и курумы Каратау / Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1994. № 5. - С. 39-44.

7. Акишев К.А. К генезису традиционной культуры казахов // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. - Алматы, 1995. - С. 26-31.

8. Аниховский А.Л. Раскопка древних курганов-могильников в Тургайской области в Актюбинском уезде // ТОУАК, - Оренбург, 1905. Вып. 14. - С. 66-79.

9. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1968. - С. 98-111.

10. Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1970. - С. 54-59.

11. Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. - Уфа, Изд-во БФАН. 1986. - С. 122-133.

12. Арсланова Ф.Х. Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья //СА, 1974. № 3. - С. 228-235.

13. Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане //Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 43-52.

14. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. - Л., Соцэкгиз, 1937. - 141 с.

15. Артамонов М.И. История хазар. - Л., Госэрмитаж, 1962. - 523 с.

16. Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. //СА, 1984. № 1. - С. 134-143.

17. Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л. Работы в Западном Казахстане //АО - 1975. - М., Наука, 1976. - С. 513-514.

18. Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, Наука. 1987. - 280 с.

19. Ахинжанов С.М. Кипчаки в X-XIII вв. Историкографический обзор // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1988. - С. 62-81.

20. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1980. - С. 46-53.

21. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алматы, Гылым, 1995. - 296 с.

22. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, Наука, 1976. - С. 81-93.

23. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в "трехрогих" головных уборах из Семиречья / Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1978. - С. 65-79.

24. Бабаджанов С.Х. О каменной бабе, найденной в Киргизской степи // Этнографический сборник РГО. - СПб., 1864. Т.

Бисембаев А.А.

VI. - С. 8-11.

25. Бабенков К.Н. Жертвенно-поминальный комплекс "Аксак" Возможные варианты реконструкций // Новое в археологии Южного Урала. - Челябинск, Рифей, 1996. - С. 245-258.

26. Багриков Г.И. Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1968. № 2. - С. 71-90.

них и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья / Уфимский археологический вестник. - Уфа, 1998. № 1. - С. 152-161.

38. Богданов А.Ю. Флора и растительность песчаных массивов Западного Казахстана // Флора и растительность Северного и Западного Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1987. - С. 38-42.

39. Боталов С.Г., Костюков В.П. Кыпчакские погребения XI-XII вв. на Южном Урале // Новое в средневековой археологии Евразии. - Самара, Артефакт, 1993. - С. 42-49.

40. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. - Уфа, 1995. Вып. 1. - С. 148-165.

41. Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья (сер. II -сер. XIV вв.) // Автореф. дис. канд. - Уфа, 1994. - 24 с.

42. Боталов С.Г. Волго-Уральские и Казахстанские степи в V-VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. - Челябинск, Рифей, 1996. - С. 194-209.

43. Боталов С.Г. Гунны (Попытка реконструкции культурогенеза) // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. - Челябинск, 1999. - С. 154-156.

44. Боталов С.Г. Ранние тюрки (попытка реконструкции культурогенеза) // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. - Челябинск, 1999. - С. 157-158.

45. Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. - Челябинск, Рифей, 1996. - С. 210-244.

46. Боталов С.Г. Аскизский кургуан монгольского времени Кула-Айгыр // РА, 1992. № 2. - С. 230/239.

47. Бранденбург Н.Е. К какому племени могут быть причислены те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей // Труды X археологического съезда. - М., 1895. Т.1. - С. 1-13

48. Быков Б.А. Очерки истории растительного мира Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, Наука, 1979. 126 с.
49. Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собр. соч. в 5-ти тт. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1984. Т.1. - С. 190-197.
50. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собр. соч. в 5-ти тт. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1985. Т.4. - С. 48-70.
51. Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч. в 5-ти тт. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1985а. Т.4. - С. 35-39.
52. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собр. соч. в 5-ти тт. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1985б. Т.4. - С. 71-76.
53. Валиханов Ч.Ч. Киргзское родословие // Собр. соч. в 5-ти тт. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1985в. Т.2. - С. 148-166.
54. Васильев Д.В. Погребения с южной ориентировкой на грунтовом могильнике "Маячный бугор - I" // УПАСК. Тезисы докладов. - Самара, 1994. - С. 47-48.
55. Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. - Алма-Ата, Гьлым, 1991. - 120 с.
56. Вилесов Е.Н. Поверхностные воды и их ресурсы // Физическая география Республики Казахстан. - Алматы, 1998. - С. 76-93.
57. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Л., Изд-во АН СССР, 1934. - 223 с.
58. Гаврилина Л. Бляхи-украшения узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. - Самара, Артефакт, 1993. - С. 77-85.
59. Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. - Элиста, 1987. - С. 54-67.
60. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.-Л., 1965. - 185 с.
61. Галкин Л.Л., Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Пятых Г.Г., Шайхашев М.М., Умеров Е.У. Исследования в Северо-Восточном Прикаспии // АО-1978, - М., Наука, 1979. - С. 531.

62. Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. - Уфа, 1995. Вып. 1. - С. 166-185.

63. Гвоздецкий Н.А., Николаев В.А. Казахстан. Очерк природы. - М., Мысль, 1971. - 266 с.

64. Гельдыева Г.В., Веселова Л.К. Ландшафты Казахстана. - Алма-Ата, 1992. - 198 с.

65. Геннинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. - М., Наука, 1972. - С. 270-276.

66. Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций // Известия ГАИМК, 1935. Вып. 110. - С. 96-105.

67. Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана // Вестник Центрального музея Казакстана. - Алма-Ата, 1930. - С. 59-76.

68. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XIII вв. - Киев, 1884.

69. Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. - М. - Л., 1941.

70. Городцов В.А. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // Труды XIII археологического съезда. - М., 1907. Т. II.

71. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. - М., Наука, 1961.

72. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М., 1993. - 504 с.

73. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИСССР. - 1967. № 1. - С. 53-66.

74. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. - М., 1992. - 512 с.

75. Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА, 1987. № 4. - С. 100-109.

76. Гуцалов С.Ю. Погребение средневекового воина в вос-

Бисембаев А.А.

точных отрогах Мугоджар // Кочевники Урало-Казахстанских степей. - Екатеринбург, Наука, 1993. - С. 162-166.

77. Гуцалов С.Ю. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область) // Новое в средневековой археологии Евразии. - Самара, Артефакт, 1993а. - С. 91-94.

78. Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области в 1988 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 2083-2084, связка № 144.

79. Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом и осенью 1986 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 950-951, связка № 160.

80. Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., Бисембаев А.А. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1995 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. б.н.

81. Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1991 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 2210, связка № 174.

82. Давлятшин И.Д. Зональные и региональные особенности формирования животного мира // Физическая география Республики Казахстан. - Алматы, 1998. - С. 131-139.

83. Джаналиева К.М. Характеристика физико-географических стран и провинций. Равнины Казахстана // Физическая география республики Казахстан. - Алматы, 1998. - С. 152-199.

84. Джаналиева К.М. Типы растительности и ботанико-географическое районирование // Физическая география Республики Казахстан. - Алматы, 1998. - С. 94-105.

85. Джармагамбетов Т.Ж. Растительность Прикаспийской низменности (в пределах Гурьевской области) // Флора и растительность Северного и Западного Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1987. - С. 48-54.

86. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, 1952. № 24.

87. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в

XIII-XIV вв. - М., Наука, 1985. - 245 с.

88. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде //ВИ, 1974. № 8. - С. 86-94.

89. Егоров В.Л. География городов Золотой Орды //СА, 1977, № 1. - С. 111-124.

90. Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища //СА, 1980. № 1. - С. 74-89.

91. Ермоленко Л.Н., Герцова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана //Проблемы охраны археологических памятников в Сибири. - Новосибирск, 1985.

92. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу //Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987. - С. 102-108.

93. Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния из Семипалатинского историко-краеведческого музея //Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1987. - С. 95-99.

94. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. - Алматы, Санат, 1999. - 336 с.

95. Жапбасбаев М.Ж. Климатические условия //Физическая география Республики Казахстан. - Алматы, 1998. - С. 66-75.

96. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1976 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1535, связка № 103.

97. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1977 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1603, связка № 120.

98. Жумаганбетов Т.С. Социально-экономическая проблематика хозяйственной деятельности номадов средневекового Казахстана //Автореф. дис. канд. - Алматы, 1994. - 32 с.

99. Жумаганбетов Т.С. Золотоордышские памятники Степного Приуралья // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1995. № 4. - С. 32-34.

100. Ибрагимов С.К. Еще раз о термине "казах" // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН Каз ССР. - Алма-Ата, 1960. Т.8. - С. 66-71.

101. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). - М., Наука, 1988. - 103 с.

102. Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. - Екатеринбург, Наука, 1993. - С. 154-161.

103. Иванов В.А. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. - Уфа, 1993. - С. 141-150.

104. Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал / Памятники кочевников Южного Урала. - Уфа, 1984. - С. 75-97.

105. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах. - Алматы, Атамура, 1996. Т.1. - 540 с.

106. Ivanov V.A. Garustovich G. N. The Results Of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the "Great Steppe Belt' in the 10th-11th Centuries and their Ethnic Interpretation // The archaeology of the Steppes: methods and strategies. - Napoli, 1994. - pp. 573-589.

107. Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1970. - С. 42-53.

108. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. - Алма-Ата, Гылым. 1990. - 160 с.

109. Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириков, найманов и киреитов. - Алматы, Рауан-Демеу, 1993. - 168 с.

110. Кадырбаев А.Ш. Кочевой мир Казахстана в древнетюркскую эпоху (VI-IX вв.) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. - Алматы, 1995. - С. 50-57.

111. Кадырбаев А.Ш. Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников. XII-XIV века. Серия: Актуальные проблемы ис-

тории Казахстана. - Алма-Ата, 1992. - 40 с.

112. Казахи. Историко-этнографическое исследование. - Алматы, Казахстан. 1995. - 352 с.

113. Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. - М., Наука, 1969. - 482 с.

114. Карамзин Н.М. История государства Российского//Предания веков. - М., Правда, 1988. - 768 с.

115. Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // ТОУАК, - Оренбург, 1907. Вып. 19. - С. 102-116.

116. Кастанье И.А. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. // ТОУАК, - Оренбург, 1913. Вып. 29. - С. 73-83.

117. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей.-Оренбург, 1911а. - 103 с. с илл.

118. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК, - Оренбург, 1910. Вып. 22. - 332 с.

119. Кастанье И.А. Погребальные обряды у калмыков и ламайтов вообще // ТОУАК, - Оренбург, 1905. Вып. 14. - С. 178-187.

120. Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка //Древности Волго-Донских степей. - Волгоград, Перемена, 1993 Вып. 3. - С. 172-183.

121. Кириченко Н.Г. Пастбища пустынь Казахстана: глинистые пустыни. - Алма-Ата, Наука, 1980. - 276 с.

122. Климат Казахстана. - Л., Гидрометеиздат. 1959. - 368 с.

123. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9-ти тт., - М., Мысль, 1987. Т.1. - 432 с.

124. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., Изд-во АН СССР, 1964.

125. Ковалевская В.Б. Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии. - Самара, Артефакт, 1993. - С. 107-132.

126. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных

поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М., 1970. - С. 138-144.

127. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г.г. - Харьков, 1956. - 347 с.

128. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. - М. - Л., Изд-во АН СССР, 1941. Т.1.

129. Козыбаев М.К. История и современность. - Алма-Ата, 1991.

130. Кокебаева Г.К. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 95-103.

131. Константин Багрянородный. Об управлении империй: Текст, перевод, комментарий. - М., 1989.

132. Копылов В.П. Раскопки курганов // АО - 1980. - М., 1981. - С. 104-105.

133. Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. - М., 1976. - 208 с.

134. Костомаров Н.И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования. - СПб., 1903. Т.1. Кн. 1. - С. 31-65.

135. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (К вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана) // Автореф. дис. канд. - Уфа, 1997. - 19 с.

136. Костюков В.П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. - Челябинск, 1999. - С. 165-166.

137. Кривцова-Гракова О.А. Погребение поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. // ТСА РАНИОН, М., 1928. Т. 4. - С. 272-304.

138. Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // СА. 1983. № 3. - С. 171-187.

139. Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв.) // Автореф. дисс. канд. - М., 1985. - 26 с.

140. Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. - Сама-

ра, Артефакт, 1993. - С. 137-144.

141. Кригер В.. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. - Саратов, 1986. - С. 114-131.

142. Кригер В.А. Погребения и случайные находки IX-XI вв. на территории Уральской области // Древняя история Поволжья. Труды КГПИ. - Куйбышев, 1979. - С. 174-179.

143. Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевнические погребения у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА, 1980. № 1. - С. 300-306.

144. Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. - Уфа, 1984. - С. 102-116.

145. Кузеев Р.Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. - Уфа, 1971. Т. IV. - С. 4-32.

146. Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. - Уфа, 1963.

147. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав и история расселения. - М., Наука, 1974. - 571 с.

148. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972.

149. Кумеков Б.Е. К кыпчако-мадьярским этническим связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. - Алматы, 1995. - С. 68-77.

150. Куник А.А. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-тюркских народах от Атиллы до Чингисхана // Ученые записки АН по первому и третьему отделениям. - СПб., 1855. Т.3. Вып. 5. - С. 703-718.

151. Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. - Уральск, Диалог, 1993. - 172с.

152. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1468-1472, связка № 93

Бисембаев А.А.

153. Кушаев Г.А. Отчет об итогах проведения охранных археологических исследований в Уральской области в 1976 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1979, связка № 151.

154. Кушаев Г.А., Кокебаева Г.И. Научный отчет об итогах археологических раскопок в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1675, связка № 119.

155. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области в 1974 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1389-1392, связка № 88.

156. Кушаев Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области за 1970 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1174, связка № 75.

157. Кушаев Г.А. Отчет об итогах полевых исследований в северной части Чижино-Дюрипских разливов в 1986 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1075-1077, связка № 160.

158. Кушаев Г.А. Отчет о работе в Уральской области на плато Челкар в 1968 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1131-1132, связка № 72.

159. Кушаев Г.А. Отчет о результатах раскопок памятников могильника и поселения "Кресты" и могильника "Турбаза" в 1992 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 2272, связка № 177.

160. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М., Наука, 1969. - 211 с.

161. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., Высшая школа, 1984. - 167 с.

162. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. 1978. № 1. - С. 122-141.

163. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ, 1983. Вып. Е3-18. - 128 с.

164. Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА, 1980. № 2. - С. 80-93.

165. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. - Алматы, Санат, 1996. - 656 с.

166. Лобова Е.В. Почвы пустынной зоны СССР. - М., 1960. - 188 с.

167. Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники: печенеги, торки, половцы. Историографический очерк. - Л., Наука, 1983. - 86 с.

168. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. - М., Наука, 1977. - 192 с.

169. Мажитов Н.А. Материалы и хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) //Хронология памятников Южного Урала. - Уфа, 1993. - С. 119-140.

170. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. - М., Наука, 1981. - 164 с.

171. Мажитов Н.А. Южный Урал в XII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., Наука. 1981. - С. 222-223.

172. Максимова А.Г. Погребение воина XIV века //Вестник АН КазССР, 1965. № 2. - С. 85-91.

173. Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, Наука, 1968. - С. 146-158.

174. Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. - М., Наука, 1974. - С. 132-175.

175. Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II //Древности Волго-Донских степей. - Волгоград, Перемена, 1993. Вып. 3. - С. 151-172.

176. Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековых погребения Царевского курганного могильника //Древности Волго-Донских степей. - Волгоград, Перемена, 1993а. Вып. 3. - С. 183-208.

177. Манапова А.М. Архивное наследие А.Х. Маргулана // Известия МН-АН РК. Серия общественных наук. 1997. № 1. - С. 80-82.

178. Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры //ТИИАЭ АН КазССР, 1959. Т.7. - С. 248-

261.

179. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. - Алматы-М., Социал-вест-Горизонт, 1995. - 320 с.

180. Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1971. Т.4. - С. 89-136.

181. Материалы по истории туркмен и Туркмении // Труды Института востоковедения. - М., 1939. Т. 1.

182. Мелентьев А.Н. Отчет о работе Прикаспийского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1177-1178, связка № 75.

183. Мец. Н.Д. К вопросу о торках //КСИИМК, 1948. Вып. 22. - С. 36-42.

184. Минасян Р.С. Железные ножи с волотообразным навершием //Проблемы археологии. - Л., 1978. - С. 148-152.

185. Москалев Г.Е. Природа Уральской области. - Уральск, 1984. - 76с.

186. Мотов Ю.А. К истории государства огузских ябгу // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. - Алматы, 1995. - С. 31-38.

187. Мотов Ю.А. О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Тезисы докладов. - Самара, 1997. - С. 45-47.

188. Мотов Ю.А. Кинжалы и ножи кочевников раннего средневековья // Вопросы археологии Казахстана. - Алматы - М., 1998. Вып. 2. - С. 124-129.

189. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах на территории Уральской области и археологической разведке в Актюбинской области в 1980 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1827-1829, связка № 146.

190. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологической работе в Уральской области в 1978 г. //

Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1679-1681, связка № 122.

191. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Работы Западноказахстанской экспедиции //АО 1978 г. - М., Наука, 1979. - С. 538-539.

192. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. - Алма-Ата, 1992. - 176 с.

193. Мыськов Е.П. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе //Древности Волго-Донских степей. - Волгоград, Перемена, 1993. Вып. 3. - С. 69-83.

194. Навротский Н.И. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея//Историко-археологический альманах. - Армавир-М., 1995. № 1. - С. 157-164.

195. Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887-1888 гг.// МАВГР. - М., 1899. Т. III. - С. 3-28 с илл.

196. Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) //Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. - М., Наука, 1989. - С. 136-176.

197. Новочихин А.М. Материалы эпохи позднего средневековья из могильника на р. Куматырь//Историко-археологический альманах. Армавир-М., № 2. - С. 119-122.

198. Нурмуханбетов Б. Некоторые черты раннего ислама в Средней и Нижней Арыси // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1994. № 5. - С. 34-39.

199. Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях в средневековой Туве//Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1983. - С. 60-68.

200. Орынбеков М.С. Веравания древнего Казахстана. - Алматы, 1997. - 154с.

201. Петров М.П. Пустыни земного шара. - Л., Наука, 1973. - 147 с.

202. Плетнева С.А. Печенegi, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62. - М., Изд-во АН СССР, 1958. - 185 с.

203. Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Сарке

ла-Белой Вежи // МИА № 109. - М., Изд-во АН СССР, 1963. - 192 с.

204. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА № 142. - М., Наука, 1967. - 198 с.

205. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ, 1974. Вып. Е4-2.

206. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ, 1973. Вып. Е1-19. - 94 с. с илл.

207. Плетнева С.А. Заключение // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., Наука, 1981. - 304 с.

208. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., Наука, 1981а. - С. 62-75.

209. Плетнева С.А. Половцы. - М., Наука, 1990. - 208 с.

210. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., Наука, 1981. - С. 213-222.

211. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. - М., Наука, 1982. - 188 с.

212. Повесть временных лет. - М.-Л., 1950. Т.1.

213. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига в 2-х т. - М., 1872.

214. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов // Историографические очерки, критические статьи и заметки. - М. - Л., 1933. - С. 87-93.

215. Полное собрание русских летописей. - М., 1962. Т. I-II.

216. Попов А.В. Дневник раскопок, произведенных летом 1897г. // ТОУАК, - Оренбург, 1897. Вып. 4. - С. 72-77.

217. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из Степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. - Армавир - М., 1995. № 1. - С. 154-156.

218. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. - Алматы, 1993. - 248 с.

219. Рекомендации по системе ведения сельского хозяйства (Актюбинская область). - Алма-Ата, Кайнар, 1978. - 280 с.

220. Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Отчет экспедиции Актюбинского обл.музея о работе в 1985 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 458.

221. Розенфельдт Р.Л. Поломская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М., Наука, 1987. - С. 130-135.

222. Розенфельдт Р.Л. Харино-ломоватовская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М., Наука, 1987а. - С. 144-153.

223. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинзулинские курганы. - М.- Л., 1962.

224. Рябой Т.Ф. Шехр-ал-Джедид - золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья // Автореф. дис. канд. - М., 1993. - 24 с.

225. Савельева Т.В. О городах карлуков // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1994. № 5. - С. 15-20.

226. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. - Томск, 1979. - С. 55-69.

227. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984. - 186 с.

228. Садыкова М.Х. Тюркоязычны кочевники на территории Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. - С. 37-45.

229. Самашев З.С. Граффити средневековых помадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. - Самара, Диалог, 1996. Вып. 1. - С. 259-269.

230. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. - Алма-Ата, Гылым, 1992. - 288 с.

231. Самоквасов Д.Я. Памятники славянской эпохи // Антропологическая выставка. - М., 1879. Т. III. - С. 340-352.

232. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки. - Саранск, Изд-во Мордовского ун-та. 1960. Вып. 11.

233. Сваричевская З.А. Геоморфология Казахстана и Средней Азии. - М., 1965.

234. Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 года // ТИИАЭ АН КазССР, 1956. Т. I. - С. 140-156.

235. Синицын И.В. Археологические памятники по реке Малый Узень // КСИИМК, 1950. Вып. 32. - С. 101-112.

236. Спицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // ТИИАЭ АН КазССР, 1956. Т.1. - С. 87-139.

237. Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сары-Арки (Средневековые городища и поселения). - Балхаш, 1997. - 66 с. с илл.

238. Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. - С. 128-134.

239. Соловьев С.М. Сочинения. - М., Мысль, 1988. Т. 1-2, - 798 с.

240. Спицын А.С. Заметки о некоторых киевских древностях // Записки Отделения русской и славянской археологии. - М., 1905. Т. VII. Вып. 1. - С. 151-153.

241. Спицын А.С. Кочевнический курган близ г. Юрьева Польского // Известия ИАК. - СПб., 1905. Вып. 15. - С. 78-83.

242. Султангалиева А.К. Культурные аспекты исламизации в Казахстане (IX-XV вв.) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов. - Алма-Ата, Гылым, 1991. - С. 96-98.

243. Татищев В.Н. История Российская. - М. - Л., 1962. - С. 271-274.

244. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - СПб., 1884. Т. I-II.

245. Тойнби А.Дж. Постигание истории. - М., Прогресс. 1991. - 732 с.

246. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований казахов // Автореф. докт. дис. - Алма-Ата, 1992. - 44 с.

247. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК, 1934, Вып. 103. - С. 165-199.

248. Толстов С.П. Огузы, печенег и море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья) // СЭ. 1950. №4. - С. 49-53.

249. Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. - С. 37-42.

250. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М. - Л., 1948. - 328 с.

251. Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., МГУ, 1948а. - 352 с.

252. Усманов М. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // СА, 1963. № 3. - С. 245-247.
253. Устрялов Н.Г. Русская история. - СПб., 1837. Ч. 1. - С. 137-144.
254. Фаизов К.Ш. Почвы Казахской ССР. Гурьевская область. - Алма-Ата, 1970, Вып. 13. - 128 с.
255. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М., МГУ, 1966. - 274 с.
256. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. - М., МГУ, 1973. - 180 с.
257. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. - М., Наука, 1974. - С. 176-182.
258. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // СА, 1963. № 3. - С. 240-245.
259. Федоров-Давыдов Г.А. Бронзовые фигурки человечка из средневековых памятников Поволжья // Новое в советской археологии. - М., 1965. - С. 270-277.
260. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребально-го обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. - Абакан, 1984. - С. 98-108.
261. Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов // VII Международный конгресс антропологических и этногеографических наук. - М., 1964. - С. 1-12.
262. Федоров-Давыдов Г.А. О статистическом исследовании встречаемости признаков в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М., 1970. - С. 64-81.
263. Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: Критерии и понятия // Известия МН-АН РК. Серия общественных наук. 1997. № 1. - С. 3-9.
264. Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. - Уфа, 1988. - С. 67-78.
265. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего

Прикамья и Приуралья //СА, 1976. № 2.

266. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X- начала XIII в. - Казань, 1986. - 180 с.

267. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья //Средневековые древности евразийских степей. - М., Наука, 1980. - С. 130-140.

268. Чариков А.А. К эволюции стеловидных статуй средневековья //Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1987. - С. 84-94.

269. Чариков А.А. Две разновременные группы каменных статуй Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. - Уфа, 1986. - С. 138-145.

270. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья //СА, 1979. № 2. - С. 174-181.

271. Чибилев А.А. Река Урал. - Л., Гидрометеиздат, 1987. - 168 с.

272. Чигаркин А.В. Освоение пустынь Казахстана: географические аспекты природопользования. - Алма-Ата, Казахстан, 1984. - 224 с.

273. Чупахин В.М. Физическая география Казахстана. - Алма-Ата, Мектеп, 1968. - 260 с.

274. Швецов М.Л. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце // СА, 1984. № 1. - С. 264-271.

275. Швецов М.Л. Половецкие святилища //СА, 1979. № 1. - С. 199-209.

276. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М. - Л., Наука, 1966. - 140 с.

277. Шнайдштейн Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья. Труды КГПИ. - Куйбышев, 1979. Т. 230. - С. 191-202.

278. Шнайдштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья// Историческая этнография. - Л., Изд-во ЛГУ. 1985. - С. 79-86.

279. Шнайдштейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XII-XIVвв. // Археологические исследования Калмыкии. - Элиста, 1987. - С. 68-81.

280. Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. - Элиста, 1981. - С. 105-108.

281. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. - М. - Л., Изд-во АН СССР, 1997. - 337 с.

282. Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи // МИА, 1959. № 75. - 376с.

283. Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной конференции г. Алматы, 3-5 апреля 1996. - Алматы, 1996.

284. Эрдели И. Археология Венгрии VI-XI вв. // Археология Венгрии: конец II тыс. до н.э. - I тыс. н.э. - М., Наука, 1986. - С. 310-336.

285. Юл Дж.Э., Кэндэлл М. Дж. Теория статистики. - М., Наука. 1960. - 260 с.

286. Юдин М.Л. Материалы к истории Оренбургского края / ГОУАК, - Оренбург, 1898. Вып. 5. - С. 12-27.

287. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая ... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. - Алма-Ата, Наука, 1983. - С. 106-165.

288. Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на городских мусульманских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия: История, 1975. № 2. - С. 37-43.

289. Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Водянского городища // СА, 1980. № 1. - С. 90-105.

Бисембаев А.А.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - "Археологические открытия".
АЭБ - "Археология и этнография Башкирии".
ВИ - "Вопросы истории".
ИАК - "Известия императорской археологической комиссии".
ИГАИМК - "Известия Государственной Академии истории материальной культуры".
ИСССР - "История СССР".
КСИИМК - "Краткие сообщения института истории материальной культуры".
МАНГР - "Материалы по археологии Восточных губерний России".
МИА - "Материалы и исследования по археологии СССР".
РА - "Российская археология".
РГО - "Русское географическое общество".
СА - "Советская археология".
САИ - "Свод археологических источников".
СЭ - "Советская этнография".
ТИИАЭ - "Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР".
ТОУАК - "Труды Оренбургской ученой архивной комиссии".
ТСА РАНИОН - "Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук".

БИСЕМБАЕВ Арман Ауғанулы

Батыс Қазақстандағы көшпенділердің ортағасырдағы археологиялық ескерткіштері (VIII - XVIII ғғ.).

Бұл еңбек ортағасырдағы Батыс Қазақстан көшпенділерінің археологиялық ескерткіштеріне арналған. Аталған еңбекте аумақты жерлеу ескерткіштері, оның ішінде жиі кездесетін тас мүсіндерімен, мұражайлардан кездейсоқ табылған заттар қаралған, оның негізгі мақсаттары және міндеттері анықталған.

Бірінші тарауда көшпенділердің ортағасырдағы тарихына байланысты Ресей және шетелдегі жұмыстар қамтылған. XIX ғасырдың ортасына дейін көшпенділер тарихына теріс көзқарас басым болғаны белгілі. Зерттеулер тек қана жазба мәліметтермен шектелді. Археологиялық материалдардың бірте-бірте жиылып молаюы бұл жағдайды күрт өзгертті. Басты жетістіктер Советтік дәуірде көрініс тапты.

Аумақтың табиғи-географиялық сипаттамасы жеке қаралған, оның ішінде су жүйесінің ағысы, жер бедері, көрінісі, өсімдік және жануарлар дүниесі көрсетілген. Ескерткіштерге картографиялық және топографиялық талдау беріліп, олардың аймақ бойынша жинақы орналасуы ашылған.

Жерлеу ескерткіштерін талдау, олардың уақытына және этномәдениеттік сипаттамаларына сай үш топқа бөлінген, олардың ғасырлары: VIII - XI ғғ., және XV - XVIII ғғ. Бірінші топқа оғыз және печенегтер тайпалық одақтарынан қалған ескерткіштер кіреді. Олардың негізгі сипаты және өзіндік жерлеу өзгерістерімен қоса, батыстық және шығыстық деп екі түрге жинақтауға болады. Шығыстық түрінде көне башқұрттық және финно-угорлық жеке ескерткіш белгілері байқалмайды. Осы кезеңге сай ескерткіштердің өзіндік белгілері анық ашып көрсетілген. Жеткілікті түрде қыпшақ заманы жақсы зерттелген. XI - XII ғасырдағы ескерткіштердің аздығы сол кездегі тайпалық одақтастықтар тек батыс бағытында көшкен деп түсіндіріледі. Монғолдардың жаулауы мен Алтын Орданың құрылуы де осы өлкеден археологиялық ескерткіштердің де өзгерістеріне себеп болды. Жерлеу дәстүрінде де тайпалардың Шығыстан, Оңтүстік Сібірден де, Батыс жақ, Шығыс Еуропадан

да қозғалыстары сезіледі. Статистикалық-математикалық тәсілмен тексерудің нәтижесінде XV - XVIII ғасырдың инвентарі жоқ ескерткіштерінің мезгілін анықтау қиын. Көбінесе ырым белгілері сақталып, соның ішінде мұсылмандық кезеңдегі әдет-дәстүрлер, шамандық белгілер сипатталды.

Arman A. BISEMBAYEV

Archaeological monuments of the Medieval Nomads of West Kazakhstan (VIII-XVIII centuries)

The book is devoted to study the archaeological monuments of the Medieval Nomads of West Kazakhstan. The burial monuments of this region, the series of stone statues and accidental finds from the fund of museums are studied in the investigation are determined thoroughly. In the first chapter is examined the work, which concerned of the history of the Medieval nomads in the Russian and foreign historiography. Till the middle of the XIX century the relation to the nomad people was negative, the study was kept only on the basis of the written sources. The Accumulation of the archaeological materials is greatly changed this situation. The Considerable achievements were made in the Soviet time.

The natural-geographical characteristics of the region, the peculiarity of the situation of water - supply, relief, landscape conditions, flora and fauna is separately examined. The mapmaking and topographical analysis of monuments is conducted, the aspect of location on the territory of region are found out.

The analysis of the burial monuments is conducted by the help of the chronological and ethnocultural division into three groups: VIII-XI centuries, XII-XIV centuries, XV-XVIII centuries. The first group of oguz and pecheneg's tribals is kept. The considerable variety in the feature of the funeral ceremony and the availability of two local groups -Western and Eastern characterized. On the western group availability of the separate monuments of ancient bushcyr and finnougorsky figure is fixed. The most characteristic features of the monuments of that period is determined. In the archaeology the Kypchak period is studied well enough. The minority of the monuments of the

Бисембаев А.А.

XI-XII centuries is explained by the West direction of migration tribal groups. The Mongol's Conquest and the formation of Golden Orda is left traces on the archeological monuments of the studied region. It is evident from the burials the tribal movements both from the East to the South Sibaría and from the West-Eastern Europe. On the basis of the statistically-mathematically methods are examined the monuments of the XV-XVIII centuries which do not contain the stock and that's why are hardly dated. The tendency of keeping of customary features was reveiled and which is the characteristics to the Pagancy existed in the Muslim Period.

